

***Труд ученого — достояние всего человечества,
и наука является областью наибольшего
бескорыстия.***

Максим Горький

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF RUSSIAN FEDERATION
DORZHI BANZAROV'S BURYAT STATE UNIVERSITY
EAST SIBERIA STATE UNIVERSITY OF TECHNOLOGY
AND MANAGEMENT

DEVELOPMENT ISSUES AND PROSPECTS OF RUSSIAN AND FOREIGN HUMANITIES

Materials of the Round table with international participation dedicated
to the memory and 70th anniversary of the Doctor of Philology,
Professor *Lyudmila Vladimirovna Shulunova*

(Ulan-Ude, February 16, 2021)

Science editor

G. S. Dorzhieva

Doctor of Philology, Professor

Responsible editor

A. V. Zharnikova

Cand. Sc. Philology

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА
ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Материалы международного круглого стола,
посвященного памяти и 70-летию
доктора филологических наук, профессора
Людмилы Владимировны Шулуновой

(Улан-Удэ, 16 февраля 2021 г.)

Научный редактор

Г. С. Доржиева

доктор филологических наук, профессор

Ответственный редактор

А. В. Жарникова

кандидат филологических наук

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2021

УДК 81'22 (082)
ББК 81.0я431
П 781

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета

Редакционная коллегия

И. А. Дамбуев, канд. филол. наук, доцент
Е. Ю. Черкун, канд. филол. наук, доцент
Ю. Г. Пушкарева, канд. филол. наук, доцент
Т. И. Осорова, канд. филос. наук, доцент

Текст печатается в авторской редакции

П 781 Проблемы и перспективы развития отечественных и зарубежных гуманитарных наук : материалы круглого стола с международным участием (Улан-Удэ, 16 февраля 2021 г.) / науч. ред. Г. С. Доржиева, отв. ред. А. В. Жарникова. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. 216 с.

ISBN 978-5-9793-1597-3

В сборнике представлены материалы круглого стола с международным участием по проблемам современной лингвистики и межкультурной коммуникации, текста и дискурса в эпоху цифровых технологий, использованию инновационных технологий в массовой коммуникации, методике преподавания иностранных языков в России и за рубежом.

Издание предназначено для широкого круга специалистов: лингвистов, педагогов, культурологов, переводчиков, а также представителей других специальностей, которые являются активными участниками межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Development issues and prospects of Russian and foreign humanities : materials of the Round table with international participation (Ulan-Ude, February 16, 2021) / sci. ed. G. S. Dorzhieva, resp. ed. A. V. Zharnicova. Ulan-Ude : Buryat State University Publishing Department. 2021. 216 p.

The collection contains materials of the round table with international participation on the problems of modern linguistics and intercultural communication, text and discourse in the digital age, the use of innovative technologies in mass communication, methods of teaching foreign languages in Russia and abroad.

This edition is addressed to a wide range of specialists: linguists, teachers, cultural specialists, interpreters, representatives of those nonlinguistic professions, which are active participants in interlanguage and intercultural interaction.

УДК 81'22 (082)
ББК 81.0я431

ISBN 978-5-9793-1597-3

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2021

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА ШУЛУНОВА: ЖИЗНЬ В НАУКЕ

© *Доржиева Галина Сергеевна*

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
с 2008 по 2012 г. заведующая научно-исследовательской лабораторией культурной антропологии и межкультурной коммуникации Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16
E-mail: galdor@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена 70-летию юбилею известного бурятского ученого профессора Людмилы Владимировны Шулуновой, внесшей значительный вклад в развитие ономастики Циркумбайкальского региона. Научная многогранность ученого проявлялась в разных областях гуманитарных наук: социолингвистики и философии, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, методики преподавания гуманитарных дисциплин и лингводидактики. Научное наследие профессора Шулуновой — это более 200 публикаций, в том числе 10 монографий и ряд учебных пособий по прикладным аспектам лингвистики.

Ключевые слова: гуманитарные науки; научное наследие; монголоведение; бурятоведение; ономастика.

16 февраля 2021 года исполнилось бы 70 лет известному бурятскому ученому, основателю научной школы «Региональная ономастика», доктору филологических наук, профессору Людмиле Владимировне Шулуновой. По истечении прошедших 10 лет, окидывая взглядом творческий путь Людмилы Владимировны, приходишь к выводу, что это действительно была жизнь в науке. С самого начала глубокий незаурядный ум, деятельный инициативный характер Людмилы Владимировны были замечены известными бурятскими учеными того времени.

Научно-педагогическая деятельность Л. В. Шулуновой началась в 1974 г. в качестве учителя общеобразовательных школ Аларского района Иркутской области (1974–1976), затем продолжилась в вузах Иркутска (1976–1980) и Улан-Удэ (1984–2011). Решающее влияние на научные приоритеты будущего ученого оказали в студенческие годы проф. А. Г. Митрошкина, ведущий бурятский ономастолог, и в годы аспирантуры — научный руководитель проф. Ц. Б. Цыдендамбаев, крупнейший российский востоковед XX в. Будучи студенткой Иркутского госуниверситета, Людмила Владимировна была активным участником ономастического кружка бурятского филологического отделения, участвовала в полевых исследованиях. О ее организаторских способностях, деловых качествах и чрезвычайной ответственности свидетельствует то, что на старших курсах ей доверялось руководство студенческими ономастическими экспедициями. Студенты занимались сбором родословных, легенд и преданий, микротопонимов и антропонимов. Людмилу Владимировну можно считать опытным специалистом полевой работы: на её счету более 20 диалектологических и ономастических экспедиций, в ходе которых был собран ценнейший материал, сданный на хранение в Иркутский госуниверситет. Другая часть экспедиционного материала находится в фон-

де отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Именно со студенческой скамьи ономастика прочно вошла в круг научных и профессиональных интересов будущего ученого.

Со слов, Людмилы Владимировны за годы работы над диссертационным исследованием под руководством проф. Ц. Б. Цыдендамбаева она прошла прекрасную научную, профессиональную и организаторскую школу. Первые исследования были посвящены бурятским прозвищным именам и в 1981 г. Людмила Владимировна защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук по теме «Прозвища в бурятском разговорном языке», в 1995 г. — доктора филологических наук по теме «Бурятская ономастика», которые сразу привлекли внимание специалистов-монголоведов и ономастологов. Обобщение достижений бурятской ономастики дано в монографии «Ономастика Прибайкалья» (1995), посвященной лингвистическому, историческому, социологическому аспектам анализа онимической лексики, бытующей на территории этнической Бурятии. Монография стала достойным продолжением трудов известных бурятских учёных в этом научном направлении: Н. Б. Алдаровой, И. Д. Бураева, Л. Д. Шагдарова, А. Г. Митрошкиной, выдвинув автора в число наиболее авторитетных специалистов по теории имени собственного.

Самый значительный отрезок творческого пути Людмилы Владимировны был связан с Восточно-Сибирским государственным институтом культуры (1984–2006), где она занимала должности проректора по научной работе, заведующей кафедрой, заведующей научно-исследовательской лабораторией. Свидетельством организаторских способностей Л. В. Шулуновой стало создание новых учебных и научных вузовских подразделений. По её инициативе и под её руководством в структуре ВСГИК (позднее ВСГАКИ) были созданы кафедра восточных языков и лингвострановедения, кафедра общей и прикладной лингвистики, открыта научно-исследовательская лаборатория социолингвистики и речевых коммуникаций. В 1987 г. учёное звание доцента было присвоено по кафедре русского и иностранных языков ВСГИК, в 1994 г. — профессора по кафедре восточных языков и лингвострановедения. В 1999 г. Людмила Владимировна избрана членом-корреспондентом Сибирского отделения Академии наук высшей школы, в 2005 г. — действительным членом Международной академии наук высшей школы. За заслуги по подготовке педагогических кадров Л. В. Шулунова была награждена отраслевой наградой — нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Примечательна организационная деятельность Л. В. Шулуновой в качестве проректора по научной работе ВСГИК. С 1992 г. при Министерстве образования и науки Республики Бурятия функционирует межвузовский совет по организации научно-исследовательской работы студентов (совет по НИРС), созданный по её инициативе. Координирующие функции данного совета позволили организовать научно-исследовательскую работу студентов вузов Бурятии на качественно ином уровне. Следует признать, что один из важных проектов совета по НИРС — проведение ежегодных республиканских межвузовских олимпиад — положительно сказался на профессиональной подготовке специалистов разных отраслей знания, обучавшихся в вузах Республики Бурятия. К заслугам профессора Л. В. Шулуновой следует отнести издание серии «Культура: история и современность глазами

студентов» (Улан-Удэ, 1992, 1993, 1994 гг.), содержащей публикации студенческих научных работ.

Отдавая отчет в том, как важно для деятелей культуры владеть искусством слова, Людмила Владимировна разработала авторские учебные программы, прошедшие апробацию в вузах г. Улан-Удэ и, несомненно, оказавшие значительное влияние на качество подготовки будущих специалистов: «Стилистика и основы редактирования», «Прикладная лингвистика», «Риторика и основы ораторского искусства», «Практическая риторика», «Деловое общение», «Основы теории коммуникации», «Основы межкультурной коммуникации», «Основы концептуального анализа», «Социолингвистика», «Этнолингвистика», «Имена собственные в языке и речи», «Региональная ономастика» и др. Использование активных методов обучения, интернет-ресурсов, внедрение новых информационных технологий позволили автору достичь высоких результатов в учебном процессе. Дидактические новации профессора Л. В. Шулуновой по методике обучения лингвистическим дисциплинам на филологических отделениях вузов получили признание и за рубежом. По приглашению Цзилинского института русского языка (г. Цзютай, КНР), Национального юридического центра (г. Улан-Батор, Монголия) Людмила Владимировна читала лекции и проводила семинары по прикладным аспектам лингвистики и методике обучения языковым дисциплинам на филологических факультетах вузов. По итогам работы в зарубежных вузах проф. Шулунова награждена Почетной грамотой Национального юридического центра Монголии за вклад в разработку прикладных аспектов лингвистики, избрана почетным профессором Цзилинского института русского языка (КНР).

Авторитет Л. В. Шулуновой в научной среде был чрезвычайно высок, поэтому желающих поступить к ней в аспирантуру всегда было много. Об эффективности научного руководства проф. Шулуновой и широком спектре намеченных ею приоритетных исследовательских направлений можно судить по следующим результатам: за период с 1999 по 2010 г. ее аспиранты защитили 32 диссертационных исследования на соискание учёной степени кандидатов филологических, философских наук и культурологии, в том числе молодые учёные из Монголии и КНР. Когда Людмилы Владимировны не стало, успешную защиту на звание кандидатов и докторов филологических наук выдержали еще 5 бывших ее подопечных.

Многие исследования под руководством Людмилы Владимировны в монголоведении и бурятоведении проводились впервые. Это диссертационные исследования А. А. Лазаревой «Типологические проблемы номинации: на материале онимической лексики бурятского и китайского языков», Е. В. Сундуевой «Апеллятивное и проприальное словообразование в современном монгольском языке», первый опыт лингвистического и лингвокультурного описания гидронимии и ойконимии Циркумбайкальского региона (Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова, И. А. Дамбуев), первое комплексное лингвистическое описание имен собственных прозаических произведений бурятских авторов (С. В. Шойбонова), впервые исследован коммуникативно-прагматический аспект бурятских имен собственных в функции обращения (Г. С. Доржиева) и др.

В 2006 г. Л. В. Шулунова была назначена директором Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского госуниверситета. В структуре ЦСВИ БГУ были определены научно-исследовательская лаборатория культурной ан-

тропологии и межкультурной коммуникации и научно-исследовательская лаборатория сравнительного правоведения. Об очень высокой планке, заданной Людмилой Владимировной для нового структурного подразделения, говорят показатели ежегодного рейтинга научных подразделений Бурятского госуниверситета, в котором Центр стратегических востоковедных исследований неизменно занимал первое место, а в индивидуальном рейтинге по своим показателям Людмила Владимировна также была в лидерах.

Одним из приоритетных направлений работы ЦСВИ БГУ, возглавляемого проф. Шулуновой, было выбрано повышение квалификации профессорско-преподавательского состава университета. В частности, по инициативе Людмилы Владимировны с 2006 г. в университете организована работа межвузовских методсеминаров по теории и практике преподавания востоковедных дисциплин на базе восточного факультета и кафедры межкультурной коммуникации на факультете иностранных языков, которые продолжают свою работу по сей день. Участниками семинаров являются не только преподаватели вузов г. Улан-Удэ, но и Иркутска, Читы, а также Монголии и Китая. По итогам работы семинаров издаются серии сборников статей по актуальным проблемам вузовской дидактики: «Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин», «Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики».

Организация студенческой науки занимала одно из важных мест в работе проф. Шулуновой. В 2006 г. ею инициирована идея проведения ежегодной международной студенческой научно-практической конференции на восточном факультете (ныне Институт востоковедения) БГУ. Людмила Владимировна предвидела перспективу будущих исследований и надежды, возлагаемые именно на студенческую молодежь, вполне оправдались. Ежегодно в конференции принимают участие более 100 студентов и аспирантов, международный статус которой поддерживают представители Казахстана, Латвии, Беларуси, Монголии, Китая, Кореи, Японии, Франции, Канады.

Разработка проблематики конференции, предложенной проф. Шулуновой, отражает потребности современного общества в реалистической оценке глобального миропорядка. Основная тематика научных докладов конференции посвящена междисциплинарной реконструкции исторического прошлого народов АТР, выявлению закономерностей и специфики современного развития стран АТР, осмыслению проблем глобализации в аспекте взаимодействия культур. Результаты исследований молодых ученых отражают основные направления востоковедческих исследований и основаны на сравнительно-исторической, социо- и этнокультурной, когнитивной, литературоведческой и психолингвистической методологии. При этом анализ как прошлых, так и современных экономических, политических, социальных и культурных процессов, межгосударственных и межэтнических взаимоотношений в странах АТР, а также построение прогностических моделей развития стран АТР носит как теоретический, так и эмпирический характер. Важно подчеркнуть, что с самого начала одними из основных задач конференции были определены следующие: создание условий для реализации творческого потенциала, совершенствование профессиональных знаний и развитие исследовательских навыков будущих специалистов и молодых ученых, содействие решению проблемы воспитания у молодежи толерантности к иным культурам, познавательного интереса и взаимного уважения.

Об итогах конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность» можно судить по материалам сборников, которые свидетельствуют о сформированности исследовательских навыков будущих специалистов-востоковедов, об их достаточно высоких профессиональных качествах, широте научного кругозора и творческом потенциале. Нельзя не отметить оригинальность наблюдений, определённую смелость суждений и обоснованность выводов авторов большинства представленных работ. Нет сомнения в том, что в условиях интеграции культур концепция конференции, разработанная профессором Л. В. Шулуновой, — а именно, возможность обмена опытом и установления творческих контактов с представителями других вузов России и стран АТР, обеспечили новый стимул научных поисков, способствовали формированию высокотолерантной личности.

Участник многих международных конгрессов, симпозиумов и научных конференций, проф. Л. В. Шулунова выступила организатором в Республике Бурятия научных конференций, регионального, межрегионального, всероссийского и международных уровней. К числу заслуг профессора Шулуновой следует отнести проведение всероссийской научно-практической конференции «Лингвистическое обеспечение учебного процесса в вузе: состояние, проблемы, перспективы» (1999), межрегиональной научно-практической конференции «Встречи культур в зеркале языка» (2005), международных научно-практических конференций: «Ономастическое пространство и национальная культура» (2006), «Восточное общество: интеграционные и дезинтеграционные факторы в геополитическом пространстве АТР» (2007), «Имя. Социум. Культура» (2008), «Восточное общество: проблемы стандартизации, тенденции и перспективы в образовательном пространстве АТР» (2010) и др.

Большую поддержку в организации ономастических конференций оказывала А. В. Суперанская, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН, М. В. Горбаневский, проф. кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам и В. О. Максимов, генеральный директор информационно-исследовательского центра «История фамилии». Активное сотрудничество с канадскими учеными, проф. А. Дорионом и П. Лаудом, способствовало появлению озера Байкал в Канаде. 16 октября 2008 г. ЦСВИ получил письмо проф. А. Дориона с указанием координат озера Байкал в Канаде: «J'ai le plaisir de vous annoncer que nous avons maintenant au Québec, un lac nommé « lac Baïkal », ses coordonnées géodésiques en sont: 49° 09' 14" 69° 14' 18" ; feuillet : 22 F/03 ». В сентябре 2008 г. по инициативе Правительства Республики Бурятия был проведён круглый стол «Топонимическое пространство города: состояние, проблемы, перспективы» с участием специалистов-практиков и ведущих отечественных и зарубежных учёных.

Признанием высоких профессиональных и деловых качеств профессора Л. В. Шулуновой следует считать включение её в работу комиссии по подготовке Закона о языках народов Бурятии, а затем в рабочую группу по контролю за реализацией данного закона. Л. В. Шулунова являлась членом комиссии по сохранению и развитию бурятского языка при Правительстве Республики Бурятия, возглавляла ономастическую группу комиссии. Особого внимания заслуживают

достижения талантливого учёного в области ономастики. В рамках деятельности члена правительственной комиссии проф. Шулунова уделяла много внимания разработке проблем сохранения национального ономастикона. По инициативе ономастической группы комиссии с 2008 г. в программу проведения республиканских мероприятий по празднованию Дня бурятского языка включен топонимический конкурс школьников «Названия моего города/села». Ежегодно с 2009 г. в дни весенних каникул проводилась республиканская научно-практическая конференция школьников «Мир имён и названий», в рамках которой проходили методические семинары для учителей школ республики «Организация ономастических исследований в школах Республики Бурятия». Республиканская ономастическая конференция школьников подтверждает плодотворность сотрудничества «вуз — школа» в ходе реализации программы «Одарённые дети» национально-образовательной инициативы «Наша новая школа».

Имя Л. В. Шулуновой хорошо известно в отечественной науке. Проблемы ономастики занимали исключительное место в ее научной деятельности. Антропонимические и топонимические исследования под ее руководством, выполненные на материале нескольких языков, велись и ведутся в самых разных направлениях: контрастивная лингвистика, этнолингвистика, диалектология, литературоведение, лингвокультурология, теория номинации и т. д. Подготовка специалистов высокого уровня позволила расширить горизонты исследований и установить контакты с учёными из других регионов России: Иркутской области, Забайкальского края, Астраханской области, Хабаровского края, Казахстана, Калмыкии, Якутии, Татарстана, Башкортостана и др. Возглавив организацию Байкальской международной ономастической конференции (2006, 2008), Людмила Владимировна подняла ономастические исследования в Циркумбайкальском регионе на новый качественный уровень.

Монографии и пособия Людмилы Владимировны отличаются богатым фактическим материалом, хорошо обоснованными теоретическими выводами, касающимися как лингвистических, так и методических аспектов исследования. Периодически Людмила Владимировна обобщала и систематизировала публикации последних лет бурятских ономастологов, подвергала их тщательному анализу, намечала перспективы дальнейших исследований. Логическим продолжением столь созидательной и продуктивной деятельности Л. В. Шулуновой стало создание в феврале 2009 г. региональной общественной организации «Байкальские ономасты» — свидетельство наличия в Байкальском регионе сплочённого коллектива исследователей-ономастологов, прошедших научную школу проф. Л. В. Шулуновой.

Л. В. Шулунова принадлежит к когорте ведущих отечественных языковедов: автор 10 научных монографий, 13 учебных и учебно-методических пособий по теории и практике ономастических исследований, более 200 публикаций по проблемам взаимодействия языка и культуры, языковых контактов и методике преподавания языков. По итогам ее диссертационных исследований опубликованы научные монографии «Прозвища в антропонимии бурят» (1985) и «Ономастика Прибайкалья» (1995). Вторая из указанных монографий признана первым обобщающим исследованием по бурятской ономастике и, по мнению профессора Л. Д. Шагдарова, этот научный труд выполнен на современном теоретическом уровне, вносит значительный вклад не только в бурятоведение и монголоведение,

но и в общую теорию ономастики. К 70-летию юбилею профессора Шулуновой Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (ректор доктор технических наук, профессор Н. И. Мошкин) и Восточно-Сибирский государственный институт культуры (ректор кандидат экономических наук, доцент Е. Ю. Перова) инициировали переиздание монографий «Ономастика Прибайкалья» и «Прозвища в антропонимии бурят», представляющих научную и практическую ценность для широкого круга специалистов в области филологии, этнографии, истории и культуры аборигенных народов Циркумбайкальского региона. Заказчиком переиздания известных трудов выступил Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия в лице М. А. Харитонов, Председателя Комитета.

Поистине не оценим вклад Л. В. Шулуновой в практику реализации грантовых проектов, из них самый крупный международный проект — «Особенности психологического и физиологического развития детей и молодежи монголоязычных народов в полиэтническом пространстве (на примере России, Монголии и КНР)», по которому были изданы две монографии. В сентябре 2011 г. на базе восточного факультета был проведен симпозиум «Кочевые цивилизации и страны Дальнего Востока: Диалог культур» по гранту РГНФ.

Людмила Владимировна являлась руководителем грантовых проектов РГНФ, Правительства Республики Бурятия, издательских грантов БГУ по составлению и публикации лексикографических изданий по топонимике РБ: «Словарь географических названий Республики Бурятия» (2006); «Топонимический словарь этнической Бурятии» (2007); «Словарь-справочник: улицы г. Улан-Удэ — памятники истории» (2010). Второе дополненное издание «Словаря-справочника «Улицы г. Улан-Удэ — памятники истории», вышедшее в 2014 г. был удостоен диплома в номинации «Лучшее справочное издание» Книжной ярмарки ВДНЦ (Москва) в конкурсе «Университетская книга» (3 сентября 2015 г.) среди 52 издательских подразделений высших учебных заведений, 5 коммерческих издательств и 53 независимых авторских коллективов, а также диплом в номинации «Лучшее учебно-методическое издание» Книжного салона Национальной библиотеки РБ за победу в республиканском конкурсе «Книга года Республики Бурятия — 2015».

Труды Л. В. Шулуновой известны далеко за пределами России, серия научных статей опубликована в Германии, Индии, Финляндии, Монголии, Узбекистане, Киргизии, Белоруссии и др. Как известный монголовед Л. В. Шулунова включена в энциклопедию по урало-алтайскому (тюрко-монгольскому) языкознанию в числе 250 ведущих языковедов мира (Москва, 2001). В сентябре 2010 г. Российская академия естествознания (РАЕ, международная ассоциация ученых, преподавателей и специалистов) присудила Л. В. Шулуновой звание «Основатель научной школы "Региональная ономастика"», и сведения о научной деятельности Людмилы Владимировны включены в энциклопедию «Российские научные школы» (М.: Академия естествознания, 2010. Т. 3. С. 404–406), «Учёные России» (М.: Академия естествознания, 2010. Т. 6. С. 760).

Плодотворную научную работу Людмила Владимировна успешно сочетала с редакторской деятельностью, демонстрируя высокий профессионализм и компетентность: это учебные пособия, монографии, сборники методических семинаров,

материалов конференций и мн. др. Большое место в научно-организационной работе Л. В. Шулуновой занимала профессиональная экспертиза научных исследований на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук. Л. В. Шулунова была членом четырёх диссертационных советов: при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 10.02.22 — языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии; при Бурятском госуниверситете: Д 212.022.05 по специальности 10.02.19 — теория языка, 10.02.01 — русский язык; Д 212.022.08 по специальности 13.00.02 — теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки); при Читинском госуниверситете: Д 212.299.04 по специальности 09.00.13 — философская антропология, философия культуры. Л. В. Шулунова выступила экспертом более 60 кандидатских и докторских диссертаций.

Активная жизненная позиция и высокая результативность работы проф. Л. В. Шулуновой получили высокую оценку: она награждена Почётной грамотой Министерства образования и науки Республики Бурятия (1996) за достижение высоких результатов в учебной и научной работе, Почётной грамотой Народного Хурала Республики Бурятия (1997) за многолетнюю плодотворную работу и заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров, ей присвоены почётные звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия» (1996), «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2003). Если судьбе было угодно подарить Людмиле Владимировне хотя бы еще лет 10 жизни, то все перечисленные заслуги можно было бы смело удвоить.

У Людмилы Владимировны было много интересных, оригинальных и перспективных планов на будущее, нацеленных на динамику дальнейшего развития отечественной науки. Поражает широкий диапазон ее научных интересов, охватывающий практически все современные направления лингвистики. Безупречная филологическая эрудиция, высокий интеллектуальный потенциал, неиссякаемое трудолюбие, творческая инициатива, а также сочетание редких личных качеств: открытость и отзывчивость, требовательность и ответственность, строгость и принципиальность служили примером для молодёжи и неизменно вызывали глубокое уважение у всех тех, с кем общалась Людмила Владимировна.

Более 40 лет Людмила Владимировна посвятила беззаветному служению Её Величеству Науке и любимой Ономастике. Но, несмотря на каждодневный кропотливый труд, интенсивный научный поиск, Людмила Владимировна находила время для семьи, родных и друзей, для активного отдыха, где всегда царит культ спорта и шахмат.

Известный ученый-физик, академик Лев Давидович Ландау, проживший недолгую жизнь, 60 лет, и еще одно печальное совпадение — день его кончины — 1 апреля, как и у Людмилы Владимировны, как-то заметил: «Ввиду краткости жизни мы не можем позволить себе роскошь тратить время на задачи, которые не ведут к новым результатам». Оценивая жизненный и творческий путь Людмилы Владимировны, удивительно цельной личности, наделенной замечательными человеческими качествами Учёного с большой буквы, представляется, что неосо-

знанно она следовала именно этой неумолимой логике жизни. Это была именно «жизнь в науке».

К юбилею Людмилы Владимировны на республиканском телевидении и в региональных средствах массовой коммуникации прошел цикл передач на телеканале АТВ в программе «Новости АТВ», организованных Е. И. Харанутовой и И. Р. Шулуновой: «В БГУ прошел круглый стол в память о профессоре Людмиле Шулуновой» [URL: <https://www.youtube.com/watch?v=he359cDjUAI> (дата обращения: 17.02.2021)]; «Толи-Шууд "Ученый-филолог Людмила Шулунова"» на телеканале БГТРК [URL: <https://bgtrk.ru/national/tv/toli/199440/>]; статьи К. А. Харанутовой «Профессор Шулунова» — в газете «Бурятия» № 10(5824), 12 февраля 2021 г. [URL: <https://burunen.ru/news/society/79136-professor-shulunovonomastika-stala-delom-vsey-zhizni-vypusknitsy-irkutskogo-universiteta>]; «Прикоснуться к вечности можно только памятью» — Информационно-аналитический портал SakhaNews [URL: <https://www.lsn.ru/258465.html> (дата обращения: 15.02.2021)].

В настоящий сборник включены статьи по проблемам современной лингвистики и межкультурной коммуникации, текста и дискурса в эпоху цифровых технологий, использованию инновационных технологий в массовой коммуникации, методике преподавания иностранных языков в России и за рубежом. Отзывы и воспоминания близких друзей и коллег Людмилы Владимировны, Г. А. Дырхеевой, К. А. Харанутовой, Л. М. Любимовой, С. А. Езовой, свидетельствуют о том, какой яркой и предельно насыщенной была ее научная и творческая жизнь.

Авторами статей выпуска являются доктора, кандидаты филологических и педагогических наук, преподаватели Института языкознания РАН (г. Москва), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» МГУ имени М. В. Ломоносова, Башкирского государственного аграрного университета (г. Уфа), Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск), Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ), Байкальского госуниверситета (г. Иркутск), Иркутского госуниверситета, Иркутского государственного аграрного университета имени А. А. Ежевского, Забайкальского государственного университета (г. Чита), Забайкальского института предпринимательства — филиала автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза РФ (г. Чита), Бурятского госуниверситета (г. Улан-Удэ), Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ), Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (г. Улан-Удэ). Среди авторов также иностранные преподаватели из Франции, КНР, Монголии. В сборник включены статьи школьных учителей, аспирантов и магистрантов профильных направлений подготовки.

Редакторы выражают глубокую благодарность за эффективную помощь в организации и проведении круглого стола, финансовую поддержку при издании данного сборника научных трудов ректору БГУ профессору Н. И. Мошкину и М. А. Харитонову, Председателю Комитета по межнациональным отношениям и

развитию гражданских инициатив Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия.

LYUDMILA VLADIMIROVNA SHULUNOVA:
LIFE IN SCIENCE

Galina S. Dorzhieva

Dr. Sci. (Philol.), Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Sukhe-Bator, 16 St., Ulan-Ude, 670000, Russia

E-mail: galdor@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the 70th anniversary of the famous Buryat scientist Professor Lyudmila Vladimirovna Shulunova, who made a significant contribution to the development of onomastics in the Circumbaikal region. The scientific versatility of the scientist was manifested in various fields of the humanities: sociolinguistics and philosophy, linguoculturology and intercultural communication, methods of teaching humanities and linguodidactics. The scientific heritage of Professor Shulunova is more than 200 publications, including 10 monographs and a number of textbooks on applied aspects of linguistics.

Keywords: humanities, scientific heritage, Mongolian studies, Buryat studies, onomastics.

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА Л. В. ШУЛУНОВОЙ

УДК 809.423-313

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА ШУЛУНОВА — ОСНОВАТЕЛЬ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В БУРЯТИИ

© *Дырхеева Галина Александровна*

доктор филологических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: an5dag1@mail.ru

Статья посвящена научной деятельности доктора филологических наук, профессора Людмилы Владимировны Шулуновой. Показано становление ее творческой личности, начиная с работы в Бурятском институте общественных наук СО РАН и заканчивая должностью директора Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета. Среди многочисленных результатов ее исследований особое внимание обращено на основную сферу ее научных интересов — ономастику. Людмилой Владимировной и ее учениками охвачено почти все ономастическое пространство Бурятии. При этом рассматриваются не только синхронический и диахронический аспекты развития этого специфического лексического слоя, но эти исследования часто имеют сравнительно-типологический характер и затрагивают общетеоретические и методологические проблемы. Системное рассмотрение ономов позволило ей выйти на уровень выводов о цивилизационных изменениях, происходивших в регионе.

Ключевые слова: Л. В. Шулунова; ономастика; антропонимы; топонимы; словарь; сравнительно-исторические исследования; система; регион; лексико-семантическая группа; языковые пласты.

Профессор Людмила Владимировна Шулунова — крупнейший представитель современного бурятского языкознания, сыграла большую роль не только в становлении и развитии в республике ономастического направления, во внедрении новых технологий в обучении языкам в неязыковых вузах, подготовке научных и педагогических кадров. Она оказала огромное влияние в целом на развитие бурятоведения, занимаясь множеством исследований междисциплинарного характера.

Становление Людмилы Владимировны как ведущего исследователя во многом было предопределено ее научным становлением в отделе языкознания ИМБТ СО РАН (ранее — Бурятский институт общественных наук СО РАН). В 70-е годы прошлого века Ц. Б. Цыдендамбаев, возглавлявший отдел языкознания БИОН СО РАН, предпринимает меры по преодолению отставания бурятского языкознания в различных лингвистических направлениях, в том числе и в ономастике. В результате в 1976 г. был издан коллективный труд «Ономастика в Бурятии», в котором было обрисовано состояние изучения ономастики этнической Бурятии и намечены дальнейшие задачи в этой области. В 1980 г. Ц. Б. Цыдендамбаев принимает на работу в отдел языкознания Л. В. Шулунову. Оценив ее дисциплини-

рованность, пунктуальность и отменную лингвистическую грамотность, он назначает ее референтом созданного в то время диссертационного совета по защите диссертаций по филологическим наукам. С тех пор Людмила Владимировна является одним из самых активных и компетентных членов разных диссертационных советов, часто выступает в качестве первого официального оппонента работ соискателей из Бурятии, Калмыкии и других регионов России, а также из Монголии.

Работая в отделе языкознания (1980–1984), преподавателем во ВСГАКИ (1984–2006), директором Центра стратегических востоковедных исследований БГУ (2006–2010), она вместе со своими учениками и последователями добилась существенного расширения тематики ономастических исследований, их количественного и качественного роста. За эти годы ею опубликовано 10 монографий, 13 учебных и учебно-методических пособий, более 200 работ по ономастике, проблемам взаимодействия языка и культуры, языковых контактов и методике преподавания языков.

Закономерным итогом ее исследований явились защиты диссертаций: в 1981 г. она защитила диссертацию на тему «Прозвища в бурятском разговорном языке» на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а в 1995 г. — доктора филологических наук (тема: «Бурятская ономастика»).

Участник международных конгрессов, симпозиумов и научных конференций Людмила Владимировна выступила идеологом и организатором многих научных конференций, регионального, межрегионального, всероссийского и международных уровней. В частности, к числу ее заслуг следует отнести проведение всероссийской научно-практической конференции «Лингвистическое обеспечение учебного процесса в вузе: состояние, проблемы, перспективы» (1999), межрегиональной научно-практической конференции «Встречи культур в зеркале языка» (2005), международных научно-практических конференций: «Ономастическое пространство и национальная культура» (2006), «Восточное общество: интеграционные и дезинтеграционные факторы в геополитическом пространстве АТР» (2007), «Имя. Социум. Культура» (2008) «Восточное общество: проблемы стандартизации, тенденции и перспективы в образовательном пространстве АТР» (2010) и др.

К сожалению, за тот небольшой период, что она прожила, она успела очень многое. Ее послужной список включает активную научную, педагогическую (начало трудовой деятельности в Иркутском гос. университете, работа в трех вузах Улан-Удэ) и большую научно-организационную деятельности. По ее инициативе в структуре Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств созданы кафедра восточных языков и лингвострановедения, кафедра общей и прикладной лингвистики, открыта научно-исследовательская лаборатория социолингвистики и речевых коммуникаций. Центр стратегических востоковедных исследований БГУ, который она возглавляла в последние годы жизни проводил большую работу по повышению квалификации профессорско-преподавательского состава университета, а также активизации гуманитарной научной деятельности среди молодежи. В структуре Центра ею были определены научно-исследовательская лаборатория культурной антропологии и межкультурной коммуникации, научно-исследовательская лаборатория сравнительного правоведения в странах АТР.

При этом она участвовала и в руководящих правительственных органах, как член комиссии по сохранению и развитию бурятского языка и руководитель ономастической группы комиссии. Ее хватало и на работу со школьниками и со студентами и со своими аспирантами-докторантами (более 30 человек) и на их аттестацию: она являлась членом трех диссертационных советов. Людмила Владимировна щедро делилась своими знаниями не только с преподавательской трибуны, но и активно публикуя учебные программы, пособия.

Писать о Людмиле Владимировне и легко, и тяжело. Легко, потому что о ней есть что сказать, в любом виде научной и просветительской деятельности ею сделано немало. Тяжело, потому что, думаешь, что еще она могла бы сделать, и все ли мы сказали о ней. Поэтому, вероятно, основное внимание хотелось бы уделить ее научной деятельности. Несмотря на то, что Людмила Владимировна проработала в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН всего 4 года, ее научная деятельность неразрывно была связана с его отделом языкознания: совместные публикации, рецензирования, участие в научных конференциях, в работе диссертационного совета. Здесь на протяжении нескольких лет она прошла ступени творческого роста под руководством одного из лучших специалистов доктора филологических наук Цыбика Бобоевича Цыдендамбаева, здесь она получила академическую закалку, стала ведущим специалистом в области бурятской ономастики. В связи с этим хотелось бы сказать о некоторых научных результатах, полученных ею и ее учениками в той области языкознания, которой она посвятила свою творческую деятельность.

Как известно, все слова любого языка подразделяются на нарицательные и собственные. Ономасты весь класс имен собственных подразделяют на два крупных разряда слов: антропонимы (личные имена) и топонимы (географические названия). Значительную часть ономастического пространства бурятского языка занимают топонимы, которые включают множество онимов, в том числе: оронимы или имена собственные элементов рельефа, ойконимы — имена поселений, гидронимы — собственные имена водных объектов, дримонимы — собственные имена лесных участков, урбанонимы — названия внутригородских топонимических объектов, которые подразделяются на годонимы, экклезионимы — собственные имена мест совершения обрядов, религиозных поклонений, ойкодомонимы — собственные имена зданий и т. д.

Вместе со своими учениками Людмила Владимировна приложила много усилий для того, чтобы охватить исследованиями все это огромное ономастическое пространство бурятского и других монгольских языков, а также многочисленные участки этого пространства.

Интенсивность ономастических исследований особенно усилилась в 90-х годах прошлого и в первом десятилетии XXI веков. Наряду с синхронным и диахронным аспектами региональной ономастики в работах современных бурятских ономастов все чаще рассматриваются общетеоретические и методологические проблемы, появляются исследования сравнительно-типологического характера. В период с 2000 по 2005 год было опубликовано 151 работа, в том числе 10 монографий, защищены 15 кандидатских диссертаций. Все это позволило бурятским ономастам во главе с профессором Л. В. Шулуновой приступить к реализации научного проекта по созданию словаря географических названий Бурятии. В 2006 году под научной редакцией Л. В. Шулуновой издан «Географические

названия Республики Бурятия: топонимический словарь» (составители И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова). В словаре всего охвачено свыше 3000 топонимов — названий населенных пунктов, рек, озер, гор и других географических объектов Республики Бурятия. Следует сказать, что составление подобного словаря, особенно этимологические изыскания, требуют от составителей разнообразных познаний, хорошего знания специальной литературы. Так, они указывают, например, что слово *турку* имеет также значения «прыгать, выйти на открытое место». При этом они ссылаются на В. М. Иллича-Свитыча, который отметил, что это слово в значении «прыгать» имеет близкие по фонетике эквиваленты в монгольском и уйгурском языках, а также в некоторых уральских и индоевропейских языках со значением «быстрый, быстро двигаться, бежать рысцой». Возможно, гипотеза составителей по названию «Турка» в дальнейшем будет уточняться. Но и то, что они дают, представляет ценность, ибо намекает на возможность сопоставления этого слова с корнем *тург-* (*түргэн, түргэлэ-, түргэдэ-*) в монгольских языках.

Второе издание словаря вышло в 2007 г. под названием «Топонимический словарь этнической Бурятии», в котором рассмотрено уже не три, а около пяти тысяч топонимов. Необходимо отметить, что очень правильно в предисловии в числе нерешенных вопросов названы орфография и орфоэпия топонимов.

В работах Л. В. Шулуновой и ее коллег на основе большого фактического материала ставятся и решаются и теоретические вопросы бурятской ономастики. Так, в ее монографии «Ономастика Прибайкалья» (1995) обосновано понимание ономастического сектора языка как системы, подчиненной закономерностям общей системы языка, но имеющих свою специфику, которая, в частности, заключается в том, что компоненты, составляющие ономастическое пространство, тесно связаны между собой. Также антропонимы и топонимы, составляя каждый свою систему, тесно связаны между собой. Антропонимический материал, как и в целом в бурятском языке, позволил автору четко выделить два больших массива — западный и восточный. Связь между секторами ономастикона продемонстрирована на примере ойконимов, показано, что в бурятском языке большое количество ойконимов обязано своим происхождением антропонимам. Например, Людмила Владимировна считает, что название населенного пункта Алзобей в Аларском районе Иркутской области восходит к имени одного из выдающихся предводителей хонгодорского рода Олзобэ, отца Молонтоя, перекочевавшего со своими сородичами в XVII веке из Монголии в Прибайкалье. Можно здесь заметить, что она не разделяет точку зрения о том, что хонгодоры являются сравнительно недавними выходцами. По ее мнению, они с древних времен жили в этом регионе, уходили в Монголию, но возвратились.

То есть исследования Людмилы Владимировны и ее учеников являются ценным источником при сравнительно-историческом исследовании языков, этнографии, социальной организации, истории народа. Так, топонимическая система этнической Бурятии, согласно их исследованиям, формировалась в течение многих веков, в них можно выделить различные языковые пласты. Наиболее древний стратиграфический пласт — это палеоазиатский, самодийский (например, ойконимы Бидога, Бумбуй в Чунском районе Иркутской области, Акульшет, Шагашет, Чивильчет в Иркутской области, гидронимы Агул, Тагул, Бада и т. д.). То есть предполагается, что самодийские и палеоазиатские племена проживали в древно-

сти в Байкальском регионе, но в связи с миграцией в этот регион тюркских и монгольских племен они были вытеснены в северные районы, ниже по течению Енисея и его притоков.

К одним из самых древних народов данного региона относятся тунгусы или эвенки. Эвенкийские топонимы встречаются по всей территории Бурятии, но неравномерно. Эти названия распознаются по характерным для них суффиксам типа -кан, -ган, -нга: Витимкан, Муякан, Ципикан, Селенга. При этом отмечается, что названия крупных географических объектов сохраняются в течение веков и тысячелетий и, как правило, допускают несколько этимологий. Например, в русских документах XVII века озеро Байкал носит эвенкийское название Ламу, но все чаще в этих документах стало употребляться бурятское слово Байгал — Байкал.

Некоторые исследователи предполагают, что протоэвенки появились еще в самодийское время, потом они ушли и вновь пришли уже в новое время.

Значительным является тюркоязычный пласт топонимов, который появляется в регионе начиная с VI–VII вв. (ойконимы Байтог, Батхай, Бахай в Эхирит-Булагатском районе и т. д.).

В X веке в регионе возвышаются племена монголоязычных киданей, которые вытесняют уйгуров из Халхи, положив конец господству тюркоязычных племен в Монголии. Исследователи сходятся во мнении, что именно эти племена вытеснили тюркоязычное население из Предбайкалья на Среднюю Лену. Монголоязычный пласт, более молодой по сравнению с предыдущими, и он представляется ономастами как самый важный топонимический пласт, он составляет основу современной топонимии региона, формируя и образуя ее главный фон. И, наконец, славяноязычный пласт, который начал складываться с середины XVII века и который с течением времени непрерывно растет. При этом следует отметить, что старинные названия географических объектов сохраняются иногда в местах, где аборигены ныне уже не живут.

Как указывает Людмила Владимировна, наряду с формированием русской топонимии в данном ареале наблюдается процесс адаптации иноязычных географических названий, в том числе и образованных на монгольской основе, что позволяет говорить о монгольском субстрате в топонимии Прибайкалья. На «промежуточном этапе двуязычия ассимилируемого народа» наблюдается адаптация монголоязычных географических названий при помощи суффиксации (Балаганка, Ордынка, Шарагулка, Шаралтайка), образование гибридных топонимов (Малый Хужир, Нижний Хангуй, Большой Дулан и др.) и утрата первоначальной семантики топонимов и превращение их только в название (Үндэрхуан от *үндэр* «высокий» *хуһан* «береза», Харагун от *хара* «черный» и *уһан* «вода»). Таким образом, здесь наблюдается утрата самостоятельности, некогда выступавших в качестве названий отдельных явлений, но слившихся теперь в единую лексему. Ослабление семантики ведет к их неизбежному формальному преобразованию (ср. Шаратуи, Харагир, Харатирген и т. д.).

В работах Л. В. Шулуновой и ее учеников проведена большая работа по определению семантической классификации топонимов, на основе чего выделены лексико-семантические группы, которые распределены по мотивации, функции, сфере употребления. Показано, что мотивы номинации топонимов универсальны. Традиционно большое внимание уделено структурно-морфологической характеристике антро-

понимов и топонимов и способам их образования. Из этих работ видно, что в целом словообразовательная характеристика ономастической лексики идентична таковой нарицательных имен, но в то же время наблюдаются и специфические черты. Например, прозвища образуются посредством всех способов словообразования: 1) при помощи суффиксов: Сэлсээдкэ, Ониибка; 2) при помощи атрибутивного словосложения (например, Ринчино артист – человек, имеющий способность смешить людей), 3) посредством конвертивного способа (напр., Пүлсэгэр «пухлый»). Выразительно используются заимствованные слова: Монумент (прозвище очень неповоротливого человека), Блаженный (о человеке со странностями), Сестра (прозвище мальчика, имевшего женское имя Дулма) и т. д.

Итак, Людмилу Владимировну можно по праву назвать основателем ономастической школы в Бурятии. Однако изучением проблем ономастики не ограничиваются ее научные интересы. В последние годы много внимания она уделяет проблемам прикладной лингвистики, лингвокультурологии. О разносторонности ее интересов свидетельствует и то, что ею подготовлены аспиранты и соискатели по различным отраслям гуманитарного знания: филологии, культурологии, философии, истории. При этом научные кадры, подготовленные ею, работают в вузах г. Улан-Удэ, Читы, Иркутска, Москвы, Абакана (Хакасия), за рубежом в Китае и Монголии. Разнообразна и многогранна была деятельность Людмилы Владимировны, ее энергии и трудолюбия хватало на всех и на все. Она успевала не только на работе, но и дома, активно участвовала в спортивной и культурной жизни института, была и огородник-любитель и любитель-водитель. Была равнодушна к чужим проблемам, быстро откликалась на различные творческие инициативы, сама являлась инициатором многих научных и общественных мероприятий.

FOUNDER OF ONOMASTIC SCHOOL IN BURYATIA

Galina A. Dyrkheeva

Doc. Sci. (Philol.), Prof.,

Leading researcher

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of RAS

(an5dag1@mail.ru)

Ulan-Ude, Russian Federation

E-mail: an5dag1@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the scientific activity of Doctor of Philology, Professor Lyudmila Vladimirovna Shulunova. The formation of her creative personality is shown, starting with work at the Buryat Institute of Social Sciences of the SB RAS and ending with the post of director of the Center for Strategic Oriental Studies of Buryat State University. Among the many results of her research, special attention is paid to the main sphere of her scientific interests – onomastic. Lyudmila Vladimirovna and her students covered almost the entire onomastic space of Buryatia. In this case, not only the synchronic and diachronic aspects of the development of this specific lexical layer are considered, but these studies are often of a comparative typological nature and affect general theoretical and methodological problems. Systematic consideration of onyms allowed her to reach the level of conclusions on civilizational changes that were taking place in the region.

Keywords: L.V. Shulunova; onomastic; antroponym; toponyms; dictionary; comparative-historical studies; system; region; a lexico-semantic group; language strata.

I. ТЕКСТ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

УДК 81'33.2

© *Майоров Александр Петрович*

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail : map1955@mail.ru

КАЛАМБУР КАК ПРИЕМ ДИСКРЕДИТАЦИИ КОНКУРЕНТА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ: ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена изучению специфической функции каламбура в рекламном тексте. Исследование строится на анализе употребления в рекламном видеоролике фразы *С Митей невыгодно*, в которой рекламодатель обыгрывает звуковое сходство предложно-падежной формы *С Митей* и названия торговой компании *СМИТс* целью ее дискредитации как конкурента компании Вегос-М. Рассматривается сущность каламбура с точки зрения семантического взаимодействия его компонентов, и в качестве методологического инструментария в исследовании выбрана классификация В. З. Санникова. Интерпретация использования указанного звукового сходства как каламбура-маски позволяет выявить возможности этого приема игры слов, способного выполнять функцию дискредитации конкурента в поликодовом рекламном тексте и создающего рекламодателю условия для уклонения от ответственности за нарушение Закона о защите конкуренции.

Ключевые слова: языковая игра; каламбур-маска; стратегия дискредитации; рекламная коммуникация; рекламный текст; слоган; устная и письменная речь.

Предметом исследования в статье является типичный для рекламного текста прием языковой игры — каламбур, выступающий с нетипичной функцией дискредитации конкурента. Каламбур как специальный прием языковой игры широко применяется в рекламной коммуникации. Как отмечают исследователи, каламбур своей необычностью привлекает внимание потенциального покупателя, что является главным условием успешного рекламирования товара или услуги. «Основная привлекательность каламбура состоит в том, что за необычной формой выражения скрывается тривиальная мысль, ею обогащается скучное содержание» [Карденахлишвили, 2009, с. 68].

Специфика рекламной коммуникации открывает широкие возможности для использования разных видов каламбура — лексико-фонетических, фонетико-фразеологических, лексических, текстовых каламбуров [Вань Пань, Выхованец, 2016, с. 49], графических каламбуров [Ушкалова, 2013, с. 197]. Из них наиболее востребованными в рекламной коммуникации оказываются лексические каламбуры. Их многообразие с точки зрения семантического взаимодействия компонентов отражено в классификации разновидностей каламбуров с образными терминологическими наименованиями «Соседи», «Маска» и «Семья» [Санников, 1995, с. 59–61]. Отдельно стоит подчеркнуть креолизованный (или поликодовый) характер рекламного текста, повышающий степень персуазивности подобных

элементов языковой игры, когда изобразительный ряд напрямую зависит от семантического типа каламбура [Зинченко, 2013, с. 197–200].

Дешифровка текста, разгадывание языковой игры делают текст эстетически ценным и социально значимым, а положительная оценка изобретательности продукции рекламиста распространяется и на сам рекламируемый товар. «Остроту, доставившую удовольствие, стремятся рассказать другим, тем самым расширяя адресное пространство рекламируемого товара» [Карденахлишвили, 2009, с. 69]. В то же время условия жесткой рыночной конкуренции могут спровоцировать использование в рекламной коммуникации тех же приемов воздействия, но уже связанных с формированием негативного отношения потребителей рекламы к конкуренту. В этом случае эффективность данного приема языковой игры заключается в том, что он, как и любая острота, дает возможность не только преувеличить мысль для того, чтобы она не осталась незамеченной, но, в то же время, оградить ее от критики [Фрейд, 1977, с. 134].

В качестве объекта исследования выступает фраза *С Митей невыгодно*, которая в рекламном видеоролике торговой компании Вегос-М была употреблена в роли каламбура с целью дискредитации торгово-строительной группы СМИТ. Рекламный видеоролик послужил основанием для подачи заявления компанией СМИТ в Бурятское Управление федеральной антимонопольной службы (УФАС) по поводу некорректного сравнения товаров сети магазинов «Вегос-М» и «СМИТ». В свою очередь Бурятским УФАС было возбуждено дело по признакам нарушения пункта 3 части 1 статьи 14 Закона о защите конкуренции, которой установлен запрет на недобросовестную конкуренцию в части некорректного сравнения хозяйствующим субъектом производимых или реализуемых им товаров с товарами, производимыми или реализуемыми другими хозяйствующими субъектами.

В эфир одной из телекомпаний попеременно были запущены два варианта видеоролика — с ведущим-девушкой и ведущим-мужчиной. Приведем вербальные тексты обоих вариантов:

Вариант 1:

Ведущий (молодой человек) — *Скажи, Митя, ты материал в «Вегос-М» берешь?*

Митя — *Нет.*

Ведущий — *Вот с Митей не выгодно! Тратьте с умом! 25 процентов на всё в «Вегос-М» и «Ольхон»;*

Вариант 2:

Ведущая (девушка, рассматривая чеки) — *Ми-ить, а Ми-ить, а чё так дорого? Ты чё не в «Вегос-М» брал?*

Митя — *Не-ет.*

Ведущая — *Вот с Митей не выгодно! Тратьте с умом! 25 процентов на всё в «Вегос-М» и «Ольхон».*

В обоих вариантах ключевая фраза *Вот с Митей не выгодно!* звучит одинаково. После возбуждения Бурятским УФАС указанного дела стало актуальным юрислингвистическое изучение высказывания, поскольку каламбурный характер фразы был оспорен ответчиком. Компания «Вегос-М» отрицала каламбурное обыгрывание словосочетания *с Митей* и наименование компании *СМИТ*, утверждая, что в данной рекламе был использован образ Мити из комедии

Д. Фонвизина «Недоросль»¹. Кроме того, компанией был привлечен эксперт, который пришел к заключению, что «дословное содержание реплики, высказанной в рекламе, звучит как «Вот с Митей невыгодно» и в видеоролике не содержится высказывания «В Смите невыгодно»; высказывания не являются сходными до степени смешения» [Цит. по Информ полис online].

В ответах на вопросы, поставленные перед автором статьи как экспертом, защищавшим интересы компании СМИТ, необходимо было установить:

(а) возможно ли восприятие жителем Республики Бурятия, знающим о существовании торговой сети СМИТ, в исследуемом рекламном ролике фразу *С Митей невыгодно...* как *В Смите невыгодно...*;

(б) если такое возможно, то является ли восприятие фразы *С Митей невыгодно* как *В Смите невыгодно* результатом случайного звукового совпадения или применения специального приема языковой игры;

(в) если верно последнее, то следовало определить, какую функцию этот прием выполняет.

Анализ звучания фраз *С Митей невыгодно* и *В Смите невыгодно* показал, что звуковое совпадение вполне закономерно в силу действия фонетических законов разговорного языка, обуславливающих фонетический эллипсис согласного [j]² в заударной позиции во фразе *С Митей невыгодно* ([с_м'и [т'ej] > [с_м'и [т'е]) и согласного [ф] во фразе *В Смите невыгодно* при невозможном для русского языка сочетании трех согласных [фсм] — [ф_с_м'и [т'е] > [с_м'и [т'е]. Таким образом, в устно-разговорном исполнении эти фразы будут звучать практически одинаково — [с' м'и [т'е н'и'³ вы [гадна]³.

Безусловно, во избежание соблазна подогнать устный материал под привычные шаблоны письменной речи следовало воспользоваться возможностями компьютерных анализаторов речи (SpeechAnalyzer, Praat), которые дали бы объективные данные в отношении употребления согласных звуков в потоке речи. Однако артикуляционная характеристика модификаций звуков в речевом потоке на самом деле не главный аргумент в ходе доказательства звукового совпадения указанных фраз. Нет сомнений, что при восприятии речи выделение фонетических слов из фраз сопровождается их ассоциированием с определенными словами и словоформами, за которыми стоят мыслительные образы как продукт эпизодической памяти — перцептивной деятельности человека, результат того, что он видел, слышал в определенной коммуникативной ситуации [Стернин, 2008, с. 187]. Синтагма [см'и [т'ej] будет услышана в видеоролике как *С Митей*, не-

¹ Главного персонажа в комедии Д.Фонвизина «Недоросль» зовут Митрофан.

² Подробнее о фонетическом эллипсисе [j] в безударных окончаниях существительных, употребляющихся в спонтанной речи см. в [Бондарко, Вербицкая, Гейльман, 1988, с. 69–70].

³ Определенную роль играет частица *вот*, которая в абсолютном начале синтагмы *вот с Митей* берет на себя функцию «отвлечения» от четкого восприятия последующих звуков и адекватной идентификации звукового облика слова, состоящего из этих звуков. Образуя одно фонетическое слово [вот_с_м'ит'е], частица *вот* создает условия для большего звукового сближения со словосочетанием *вот в СМИТе*. В синтагме [вот_ф_с'м'ит'е] произношение подряд четырех согласных [тфс'м'] невозможно, и эта группа согласных в разговорной речи неизбежно подвергается упрощению: звук [ф], представляющий предлог «в», утрачивается.

смотря на все закономерные фонетические изменения, поскольку воспринятый в сценке образ молодого человека по имени *Митя* откладывается в языковом сознании как продукт эпизодической памяти.

Кроме того, в обоих вариантах видеоролика звучащий диалог сопровождается титрами. В них орфографический образ слов, несомненно, заслоняет их звучание, определяя восприятие в первую очередь их письменного «собрата». Поэтому только предложно-падежную форму *С Митей* увидел и «услышал» эксперт от «Вегос-М», утверждавший в своем заключении, что высказывания *Вот с Митей невыгодно* и *В Смите невыгодно* не являются сходными до степени смешения. Не исключено, что вставка титров являлась своего рода защитой от обвинений в намеренном использовании приема языковой игры с целью принизить роль конкурента на рынке — фирмы СМИТ¹.

Тем не менее, звуковое (а не орфографическое) сходство фраз есть, и его нельзя рассматривать как случайное звуковое совпадение, поскольку рекламный текст — это все-таки не продукт спонтанной, разговорно-бытовой коммуникации, в которой такое звуковое сходство обычно является непреднамеренным. Жесткая ограниченность объема рекламного текста, с одной стороны, и требование его максимально эффективного воздействия на адресата, с другой стороны, требуют глубокой продуманности содержания и тщательного отбора языковых средств.

В структуре рекламного текста, пожалуй, одним из важнейших компонентов является слоган, в котором в условиях однократного прочтения (прослушивания) и дефицита времени должен бросаться в глаза главный логический элемент — товар, название торговой марки, услуга или место продажи. Как подчеркивают исследователи, слоган — это «спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до лингвистического совершенства запоминающаяся мысль», это своего рода словесный портрет фирмы, рекламирующей свой товар [Бения, 2013].

Такое понимание слогана относится и к исследуемому случаю. Обстоятельность подготовки вербального текста видеоролика обнаруживается в применении неявного, трансформированного цитирования слогана компании-истца «СМИТ — с нами ремонт выгоднее!». Как его реминисценция, высказывание *С Митей не выгодно* выступает в роли компонента слогана *С Митей не выгодно! Тратьте с умом! 25 процентов на всё в «Вегос-М» и «Ольхон»*. Построенное на аллюзии, оно представляет собой сознательное использование имени *Митя* только с расчетом на возникновение ассоциативного подтекста о невыгоде покупки товаров в магазинах компании «СМИТ». Если допустить, что имя собственное употребляется исключительно с номинативной функцией обозначения некоего персонажа (судя по антуражу сюжетной сценки, ее атрибутике — наемного строителя или агента по продаже стройматериалов), то ставит в тупик его коммуникативная функция, неясно, какую цепь ассоциаций с главным призывом *Тратьте с умом* должно было вызвать имя *Митя*.

Здесь необходимо привести еще один веский аргумент в пользу трактовки выражения *С Митей невыгодно* как каламбура — это семантико-синтаксическая

¹ Если сам рекламодатель предусматривал ассоциацию звукосочетания *С Митей* с названием компании *СМИТ*, то удивительно, что мешало ему сменить имя *Митя* на какое-либо другое — скажем, *Ваня* или *Баир*.

сочетаемость, эксплицитно представляющая взаимодействие разных смыслов языковой единицы в пределах одного высказывания. В данном предложно-падежном обороте предлог *с* выступает с социативным значением, указывая на лицо (*Митю*), участвующее в совместной деятельности с говорящим (покупке строительных товаров). Это рематическая часть высказывания, и она выделяется с помощью частицы *вот*, в усилительном значении¹ обращающей особое внимание на субъект действия, с которым приобретать строительные товары невыгодно. Если коммуникативный замысел рекламиста состоял в том, чтобы создать негативный образ строителя Мити, тогда увещание потребителя рекламы должно было сосредоточиться на предложении другой кандидатуры агента, с которым деньги на покупку стройматериалов можно было бы «тратить с умом».

Однако в части слогана справа семантико-синтаксическая сочетаемость меняется, нарушая логику связного текста: вместо субъекта совместного действия, с которым было бы выгодно расходувать деньги на покупку строительных товаров, предлагается место продажи — магазины «Вегос-М» и «Ольхон». Иными словами, здесь используется типичная черта каламбура-маски — в результате распространения контекста (в данном случае — *Тратьте с умом! 25 процентов на всё в «Вегос-М» и «Ольхон»*) создается (и моментально снимается) каламбурная многозначность. Появляется новый, добавочный смысл (выгодно тратить не с кем, а где), вытесняющий прежний, в связи с чем происходит переосмысление и трансформация звукового облика оборота *С Митей* в *СМИТе* — наименование известной для жителей Бурятии сети магазинов строительных материалов.

В создании анализируемого каламбура можно выделить два этапа. Первоначально, в устной речи, обыгрывается созвучие — омофония, а точнее паронимическая аттракция *СМИТе* — *С Митей*. Следующий этап в данной игре слов происходит в рамках письменной речи: осуществляется переразложение синтагмы *смите* с последующим словоделением, которое порождает имя *Митя*, служащее базой для создания рекламного образа незадачливого наемного строителя, которому доверили покупку стройматериалов. С точки зрения семантического взаимодействия компонентов это некая разновидность каламбура-маски, в котором при той же звуковой форме предложно-падежное сочетание *с Митей* переосмысляется как *СМИТе*, приобретая новый смысл, вытесняющий тот, что был связан с именем собственным. В отличие от типичного каламбура-маски, здесь не одно и то же слово в результате распространения контекста приобретает добавочный смысл, а происходит смена самих слов, обладающих звуковым сходством или тождеством (парономазией или омофонией); «срывается» маска с именем *Митя*, открывая новое «лицо» — название магазина *СМИТ*.

Указанный каламбур-маска перекликается с такими приемами игры слов в письменном тексте, как метанализ [Москвин, 2012, с. 208], «членимость нечленимого» [Земская, 2007, с. 192], графический каламбур [Ушкалова, 2013, с. 197–198], графон [Сковородников, 2003, с. 145–147] или графо-фонетическая полисемия [Курганова] и др. Так же как в разобранный переразложении *СМИТе*

¹ В литературном языке данное значение не представлено, однако оно отмечается в русских говорах: *ВОТ... 5*. Употребляется для подчеркивания, выделения слова, с которым оно употребляется. — *Вот ты мне не слуга* [СРНГ, вып. 5, с. 156–157]. В исследуемом случае это актуальное в рамках данного контекста значение частицы *вот*, являющейся регионализмом.

→ *С Митей*, большинство этих приемов связано с переосмыслением на основе ассоциаций по близкозвучию/равнозвучию части либо ряда частей слова. Иная членимость языковых единиц, вызванная каламбуризацией, наглядно может быть представлена только в письменной речи: *Ничего СЕБЕ стоимость!* («Эльдорадо»).

Однако главная особенность анализируемого каламбура состоит не столько в способе обыгрывании формы языковых единиц, сколько в их предназначении. С помощью исследуемого каламбура преследуется не комический эффект, так свойственный каламбурам в рекламном дискурсе, а сокрытие неприглядной цели дискредитации конкурента. Это тот случай, когда «языковая игра ... позволяет фиксировать в сознании адресата нужную говорящему языковую форму и при этом избежать ответственность за необоснованные обвинения» [Баранов, 2007, с. 231]. Иными словами, она дает возможность завуалировать то, к чему относится номинация [там же, с. 236]. Несколько иная интерпретация сущности и функции подобного каламбура предлагается Л. В. Балахонской: «Тень» конкурента получает *ассоциативно-имплицитное имя* < выделение курсивом принадлежит автору >, когда объект дискредитации не назван ни прямо, ни косвенно, ни обобщенно, но при этом в рекламном тексте присутствуют «слова-намеки», фонетически сходные с именем реального конкурента. При восприятии подобных «слов-намеков» в сознании адресата могут устанавливаться определенные ассоциативные связи, помогающие идентифицировать эксплицитно не названного конкурента» [Балахонская. Электронный ресурс].

Таким образом, стратегия самопрезентации в рекламной коммуникации может проводиться путем дискредитации конкурентов, и коммуникативная цель тогда будет заключаться в формировании негативного отношения потребителей рекламы к конкурентам. В исследуемом тексте рекламного видеоролика выявленный прием языковой игры (каламбур «С Митей — в СМИТе») преследует двоякую цель: с одной стороны, своей запоминающейся, необычной формой оказывать речевое воздействие на потребителя с целью убедить его приобрести рекламируемый товар в магазинах компании «Вегос-М», с другой стороны, — проводить стратегию дискредитации конкурента в лице торговой сети «СМИТ» посредством каламбурного обыгрывания фонетически сходного с названием компании *СМИТ* имени в предложно-падежной форме *с Митей*, помогающего идентифицировать в сознании адресата (потенциального покупателя) реально не названного конкурента. Важной ступенью в реализации коммуникативной стратегии дискредитации конкурента является помещение сходного имени в отрицательно характеризующий конкурента контекст слогана «Вот с Митей невыгодно! Тратьте с умом! 25 процентов на всё в “Вегос-М” и “Ольхон”», что уже ассоциативно связывается с невыгодной покупкой товаров в магазинах торговой сети «СМИТ». Данный пример убедительно показывает возможности каламбура-маски, способного выполнять функцию дискредитации конкурента в поликодовом рекламном тексте и создающего рекламодателю условия для уклонения от ответственности за нарушение Закона о защите конкуренции.

Литература

1. Балахонская Л. В. Реализация коммуникативной стратегии дискредитации конкурентов в рекламном тексте [Электронный ресурс] // http://do.gendocs.ru/docs/index-391538.htmlfile_1331539417_0427.doc (дата обращения: 29.01.2021).

2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Бения М.И. Продающие слоганы // Маркетинг в России и за рубежом. №4. 2013 [Электронный ресурс] // <https://dis.ru/library/528/34811/> (дата обращения: 01.02.2021).
4. Бондарко Л. В., Вербицкая Л.А., Гейльман Н.И. и др. Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д.Светозаровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 248 с.
5. Вань Пань, Выхованец Н.А. Особенности использования каламбура в рекламном тексте // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». Том 7. №3(2). 2016. С. 47-50 // <https://pnu.edu.ru/ejournal/pub/issues/26/>
6. Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / Отв.ред. Е.А Земская, М.Л.Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С.186-193.
7. Зинченко Е. С. Средства реализации персуазивности в баннерном сообщении // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. №4. С. 191-201.
8. Информ полис online [Электронный ресурс] // <https://www.infpol.ru/156765-buryatskoe-ufas-ne-usmotrelo-narusheniy-v-reklame-s-mitey-nevygodno/> (дата обращения: 29.01.2021)
9. Карденахлишвили Т. Д. Языковая игра в коммуникативном пространстве рекламы (на примере каламбура) // Вопросы культурологии. 2009. №10. С.66-70.
10. Курганова Е. Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте [Электронный ресурс] // <https://textb.net/57/22.html> (дата обращения: 29.01.2021)
11. Москвин В. П. Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 216 с.
12. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. №3. С. 56-69.
13. Сковородников А. П. Графон // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю.Иванова, А.П.Сковородникова, Е.Н.Ширяева и др. М.: Флинта:Наука, 2004. 840 с.
14. Словарь русских народных говоров (СРНГ). Выпуск пятый (*Военство-Выростковский*). Л.: Наука, 1970. 344 с.
15. Стернин И. А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. Монография / Под ред. И.А.Стернина. Воронеж: «Истоки», 2008. 243 с.
16. Ушкалова М. В. Каламбур в устной и письменной публичной речи // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Т.8. №1. 2013. Нижний Новгород, Нижегородский госуниверситет им.Н.А.Добролюбова, 2013. С.191-199.
17. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Университетская книга. АСТ, 1997. 320 с.

PUN AS A COMPETITOR DISCREDITATION ACCEPTANCE
IN THE ADVERTISING TEXT: LAWYER LINGUISTIC ASPECT

Alexandr P. Mayorov,
Dr. Sci. (Philol.), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: map1955@mail.ru

Abstract. The main goal of article is the study of the specific function of the pun in the advertising text. The study is based on the analysis of the use of the phrase “*S Mitej ne vygodno*” in an advertising video, in which the advertiser plays up the sound similarity of the prepositional-case form *S Mitej* and the name of the SMIT trading company in order to discredit it as a competitor to Vegos-M. The essence of the pun is considered from the point of

view of the semantic interaction of its components, and V.Z. Sannikov's classification is chosen as a methodological tool in the study. The interpretation of the use of this sound similarity as a pun-mask allows us to reveal the possibilities of this word-play technique that can perform the function of discrediting a competitor in a polycode advertising text and creates conditions for the advertiser to evade responsibility for violating the Law on the Protection of Competition.

Keywords: language game; pun mask; discrediting strategy; advertising communication; advertising text; tagline; oral and written speech.

УДК 325.25+394.9

© *Хилханова Эржен Владимировна*

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,

Институт языкознания РАН

Москва, Российская Федерация

E-mail: erzhen74@yahoo.com

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ СОВРЕМЕННЫХ БУРЯТСКИХ МИГРАНТОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В статье на материалах полевого исследования рассматриваются социальные сети (дружеские контакты) бурят-мигрантов в странах Западной Европы как значимый фактор в механизмах сохранения или утраты языка в многоязычных мигрантских сообществах. Делается вывод об усиливающейся нерелевантности этничности для современных мигрантов и, соответственно, об усилении космополитических тенденций у молодых мигрантов, а также о том, что наследие общего советского прошлого — ощущение культурно-исторической общности с бывшими соотечественниками, поддерживаемое русским языком, живо в сознании жителей СНГ.

Ключевые слова: социальные сети; дружба; буряты-мигранты; Западная Европа; этничность.

Благодарности. Автор благодарит многих людей и организации, которые внесли свой вклад в это исследование. Во-первых, выражается признательность Немецкой службе академических обменов (DAAD) за финансовую поддержку данного проекта. Во-вторых, автор благодарит всех анонимных информантов, которые делились своими жизненными историями и искренне отвечали на вопросы. Слова особой благодарности автор выражает профессору д-ру Гюнтеру Шлее, сотрудникам и исследователям института Института социальной антропологии им. М. Планка (Германия, г. Галле).

В статье представлены некоторые результаты проекта на стыке этносоциологии и культурной антропологии, цель которого заключалась в изучении процессов определения и (ре)конструкции этнической идентичности и ее связи с языком и культурой у иммигрантов нерусского происхождения из бывшего СССР и постсоветской России, которые иммигрировали в западные страны во время и после перестройки (подробнее о проекте см.: [Хилханова 2020]). В данной статье я остановлюсь только на бурятах, поскольку именно по ним был собран достаточный материал (22 интервью).

Учитывая влияние социального круга общения говорящего на использовании языка и языковые установки, часть анкеты была направлена на получение информации о круге общения участников. Была собрана информация касательно:

1) семей информантов, в том числе близких членов семьи и оставшихся на родине родственников; 2) дружеских контактах в принимающих странах, где информантам было предложено указать этническую принадлежность их друзей и частоту общения; 3) других контактов в принимающих странах, включая информацию о контактах с соседями, участии в разных видах социальной деятельности в свободное время и т. д. В каждом случае была собрана информация об используемых в данных контекстах языках. В настоящей статье будут рассмотрены только дружеские контакты в принимающих странах сквозь призму этничности. Использование языка в каждой из выделяемых категорий дружеских контактов (социальной сети) остается за рамками статьи и будет рассмотрено в следующих публикациях.

Понятие социальной сети используется в социолингвистике уже несколько десятилетий. Оно доказало свою эффективность в объяснении языковых изменений, в том числе и при объяснении механизмов сохранения, языкового сдвига и утраты языка в дву- и многоязычных мигрантских сообществах. В ряде исследований [например, Hulsen et al., 2002; Wei, 1994] было зафиксировано, что тесная сеть носителей этнического языка (L1) может рассматриваться как один из основных факторов поддержания языка в иммигрантских общинах, помогая мигрантам противостоять давлению в сторону ассимиляцию с моноязычным большинством и замедляя этот процесс.

В последнее время в миграционных исследованиях обращается внимание на важность изучения дружеских контактов, поскольку дружеские сети часто являются ключевым элементом к пониманию современной миграции и транснациональных жизненных практик [Bunnell, 2012, с. 502]. В контексте постсоветской миграции новаторский фокус на изучении именно дружеских связей молодых русскоговорящих мигрантов в Лондоне XXI века сделан в работе Д. Малютиной [Malyutina, 2015].

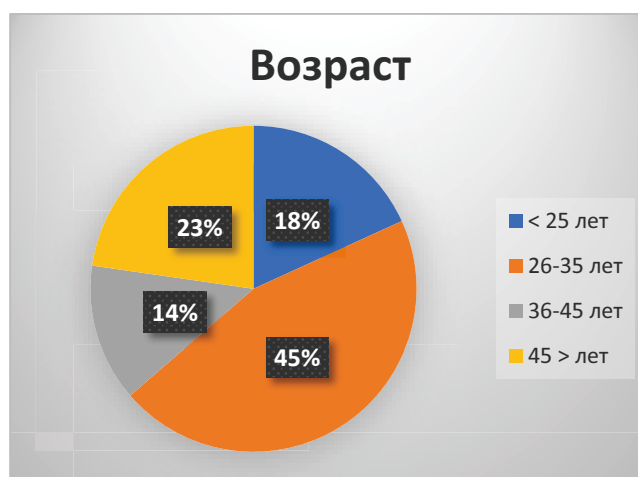
Исследуемая нами группа бурят-мигрантов не попадает под действие программ приема мигрантов по признаку документального подтверждения требуемой этнической идентичности, как в случае с «русскими немцами» и «русскими евреями», что отражается и на характере их социальных сетей и используемых языков. Например, русские (или российские) немцы в Германии представляют собой классический пример цепной миграции, когда мигранты прибывали в Германию как часть большой семьи, включая как близких, так и дальних родственников. Многие немцы из России и Казахстана эмигрировали вслед за родственниками, которые выехали в Германию до них. В нашем случае большинство мигрантов были первыми, кто выехал за границу. Некоторые указывали на родственников, живущих в разных странах Западной Европы, но из интервью было ясно, что наличие родственников не явилось ни мотивом, ни помощью в процессе переезда, и только в одном случае информант переехала в Германию вслед за близким членом семьи (сестрой) и полагалась на ее помощь и поддержку.

Поэтому в нашем случае можно было ожидать, что буряты-мигранты, не имеющие подобной семейной сети в Западной Европе, будут удовлетворять свои потребности в социальной поддержке и социализации в других местах, будь то сеть других русскоязычных друзей, социальные институты или интернациональные связи. Поскольку для общения одним из важных параметров является возраст, в табл. 1 показана возрастная характеристика выборки. Информанты пред-

ставляли четыре возрастные группы и, как мы видим, наиболее многочисленной (почти половина опрошенных) оказалась группа мигрантов, возраст которых составлял от 26 до 35 лет. Однако, поскольку официальную статистику интересует не этническая принадлежность, а гражданство иммигрантов, трудно определить, насколько пропорции выборки отражают реальную картину бурятской миграции в страны Западной Европы. Тем не менее, по данным из разных источников, включая самих мигрантов, количество бурятских мигрантов в Западной Европе составляет несколько тысяч человек, из которых около тысячи проживает во Франции, больше тысячи — в Испании, не менее двух тысяч — в Германии и т. д. (об этом также: [Нанзатов, 2016]).

Таблица 1

Возрастная характеристика информантов

Следующая таблица (табл. 2) показывает, как строится сеть социальных контактов в исследуемой группе. Характер контактов через призму этничности классифицируется по четырем категориям, где представлены средние числа контактов среди 5 наиболее близких людей, с которыми регулярно происходит «живое» общение.

Таблица 2

Сеть социальных контактов

Количество близких друзей и партнеров (мужей, жен) той же этничности, с которыми регулярно происходит «живое» общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
1	0,8	1,3	2,2
Количество близких друзей и партнеров (мужей, жен) др. этничности из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
2	1,6	1,6	2,4
Количество близких друзей и партнеров (мужей, жен) не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			

< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
1	0,8	0,6	0,2
Количество близких друзей и партнеров (мужей, жен) из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
0,5	0,8	0,6	1

Конечно, изучение сети социальных контактов, располагающихся в рамках такого расплывчатого концепта, как дружба, имеет много подводных камней. Вопрос интервью формулировался как «Назовите, пожалуйста, 5 самых близких друзей, с которыми у Вас регулярно происходит живое общение». Индивидуальные вариации оказались очень диверсифицированы как в интерпретации понятия дружбы, так и по широте социальных контактов, когда у кого-то почти не было друзей, а у других они исчислялись десятками. Усредненные числа в таблице этого разнообразия отразить, конечно, не могут. Вариативность проявилась и в том, что у некоторых регулярные близкие дружеские связи оказались дистанционными — с теми, кто остался на родине. Это сам по себе важный факт, который может свидетельствовать о многом: о том, что эти мигранты живут подлинно транснациональной жизнью, или о том, что они полностью не интегрировались в принимающее сообщество и не обзавелись близкими друзьями среди местных жителей. Порой дружеские контакты смешивались с родственными: некоторые называли среди близких друзей партнеров, супругов или родителей супругов, так что пришлось этот момент учесть при анализе данных.

Полученные сведения позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, дружеские контакты, рассмотренные сквозь призму этничности в корреляции с возрастом, дают в какой-то степени ожидаемую картину того, что количество близких друзей и квалифицируемых как друзей партнеров той же этничности, с которыми регулярно происходит «живое» общение, растет с возрастом информантов. Если у молодых мигрантов в возрасте до 25 лет в среднем есть один близкий друг/подруга той же этничности, то у мигрантов старше 46 лет их больше двух.

Далее мы видим, что количество близких друзей и друзей-партнеров другой этничности из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение, не имеет такой четкой корреляции, но в любом случае больше одного. Это говорит о том, что прослеживается тенденция заводить друзей из стран бывшего СССР, и буряты-мигранты чувствуют себя объединёнными с другими русскоговорящими мигрантами посредством общего советского прошлого, культуры и языка. Приведем цитату из интервью, чтобы проиллюстрировать эту тенденцию не только на уровне статистики, но и на уровне дискурса:

У меня советский менталитет [...]. Мне так кажется. У меня в X друзья были с Киргизии. Мы с ними можем говорить на русском языке, и какие-то культурные маркеры (Батор, 42 г.)

Количество близких друзей и партнеров не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение, обратно пропорционально возрасту, т. е. чем моложе мигрант, тем больше у нее/него друзей из разных стран мира. Молодые мигранты имеют более космополитичные установки и этническая принадлежность как их самих, так и других людей для них не играет большой роли. Для многих из них общим является открытость и интерес к другим культурам, толерантность,

желание посмотреть мир. Многие не разделяют традиционные ценности своих этнических культур и поэтому комфортно чувствуют себя на западе. Вот как об этом говорят сами информанты:

Н: У меня современный... в ногу со временем менталитет.

И: Современный - это как?

Н: Это когда ты открыт миру, можешь легко находить общий язык с людьми другой национальности, не зная их языка. Ты принимаешь людей такими, какие они есть

В: Мне тоже так кажется, что это такое поколение, которым не важен язык, на каком языке они вообще говорят

Н: Мобильность... наверное, как-то так.

(И — интервьюер, В — Вероника (32 года), Н — Нина (25 лет))

В этом фрагменте интервью, в которой участвуют две сестры, видно, что Вероника, которая старше Нины только на 7 лет, отмечает то, что ее сестра — представитель уже другого поколения, с другим, соответственно, отношением к жизни и поведенческими и речевыми стратегиями.

И, наконец, по количеству близких друзей и партнеров из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение, четких тенденций нет, но можно выделить то, что более старшие мигранты (старше 46 лет) имеют наибольшее количество друзей из местных жителей, а группа самых молодых (до 25 лет) — наименьшее, что довольно естественно.

Из краткого анализа характера социальных сетей постсоветских бурят-мигрантов можно вывести заключения следующего характера. Во-первых, этничность становится все менее релевантной для современных мигрантов. Недавно одна из недавно вышедших книг о постсоветской миграции озаглавлена «Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии». Как пишет ее автор, «в ситуации транснациональных сообществ, этничность вообще потеряла роль маркера для обозначения культурных практик групп» [Попков, 2016, с. 429]. Нерелевантность этничности, подобно воде в сообщающихся сосудах, ведет к усилению космополитичных тенденций у молодых людей, по крайней мере у тех, кто становятся мигрантами — мобильных, открытых миру, как они сами себя характеризуют; в целом все это является свидетельством усиливающейся глобализации. Также видно, что наследие общего советского прошлого — ощущение культурно-исторической общности с бывшими соотечественниками, поддерживаемое русским языком (ср. девиз газеты «Русский Берлин» «Наша Родина — русский язык») — живо в сознании жителей СНГ.

Литература

1. Нанзатов Б.З. Российские монголы в Европе: опыт адаптации бурят и калмыков в странах Евросоюза // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 18. Серия «Политология. Религиоведение». С. 90–98.
2. Попков В.Д. Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 2016. 483 с.
3. Хилханова Э.В. Многоязычие постсоветской миграции: функциональный аспект [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2020. № 1. С. 63-78.
4. Bunnell T., Yea S., Peake L., Skelton T., & Smith M. Geographies of Friendship // Progress in Human Geography. 2012. № 36 (4). Pp. 490-507.

5. Hulsen M., Kees de Boot & Bert Weltens. «Between two worlds». Social networks, language shift, and language processing in three generations of Dutch migrants in New Zealand // International Journal of the Sociology of Language. 2002. № 153. Pp. 27-53.

6. Malyutina D. Migrant friendship in a super-diverse city: Russian-speakers and their social relationships in London in the 21st century / Darya Malyutina. With a foreword by Claire Dwyer. Stuttgart: Ibidem-Verl., 2015.

7. Wei, Li. Three Generations, Two Languages, One Family: Language Choice and Language Shift in a Chinese Community in Britain Philadelphia: Clevedon, 1994.

SOCIAL NETWORKS OF MODERN BURYAT MIGRANTS IN WESTERN EUROPE

Erzhen V. Khilkhanova

Dr. Sci. (Philol.), Prof.,

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: erzhen74@yahoo.com

Abstract. Based on the materials of a field study, the article considers social networks (friendly contacts) of Buryat migrants in Western Europe as a significant factor in the mechanisms of language preservation or loss in multilingual migrant communities. The author concludes that ethnicity becomes increasingly irrelevant for modern migrants and, consequently, cosmopolitan tendencies are growing among young migrants. Also, the author argues that the legacy of the common Soviet past — a sense of cultural and historical community with former compatriots is alive in the minds of CIS residents supported by the Russian language.

Keywords: social networks; friendship; Buryat migrants; Western Europe; ethnicity.

УДК _81'22

© *Костюшкина Галина Максимовна*

доктор филологических наук, профессор,

Байкальский государственный университет

Иркутск, Российская Федерация

E-mail: kostushkina@mail.ru

© *Барбина Наталья Сергеевна*

кандидат филологических наук, доцент,

Байкальский государственный университет

Иркутск, Российская Федерация

E-mail: kostushkina@mail.ru

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается аргументативный подход к исследованию языка, в частности речь идет об аргументативной природе речевой коммуникации. Многоаспектность и многообразие аргументации, что обуславливает неоднозначность ее трактовки, объясняется природой человеческого языка. Выявление закономерностей в аргументативном процессе представляются важными для методологии и теории как аргументации, так и для теории языка. Без рассмотрения вопроса роли ар-

гументации в коммуникации получить надежные результаты в исследовании языка вообще и проблематики аргументологии в частности невозможно.

Ключевые слова: язык; аргументация; коммуникация; убеждение; речевая деятельность.

Аргументация представляет собой многоаспектное и неоднозначное явление, которое заложено в природу человеческого языка. В этой связи, как и сам язык, так и аргументация, постоянно находятся в поле зрения исследователей.

В основе понятия аргументации в различных ее определениях лежит базовый набор аксиом:

1) назначение аргументации состоит в том, чтобы оправдать или опровергнуть некоторое мнение;

2) аргументация — рациональное действие, которое предполагает разумность адресата, его способность принимать или оспаривать аргументы;

3) аргументация является жестко адресованным действием;

4) аргументация зависит от социальных практик, в которых она реализуется;

5) аргументация непосредственно связана с языковым употреблением;

6) аргументация — это социальная деятельность;

7) аргументация диалогична, так как предполагает активную реакцию другой стороны;

8) аргументация — это целенаправленная деятельность, связанная с воздействием на чьи-либо убеждения;

9) элементы аргументации связаны с понятием истины;

10) аргументация подчиняется логическим правилам;

11) существуют правильные и неправильные аргументы;

12) вышеперечисленные характеристики формируют особый тип дискурса.

Эти базовые аксиомы оказываются задействованными в разных трактовках понятия аргументации. При этом первая аксиома входит в качестве пресуппозиции во все остальные, все двенадцать аксиом, эксплицитно или имплицитно, используются в разных теоретических и практических подходах к аргументации, а некоторые из указанных аксиом больше проявляются лишь в отдельных научных направлениях. Например, девятая аксиома фундирована в философском направлении исследования аргументации, аксиомы с девятой по одиннадцатую взяты на вооружение логикой. Пятая, шестая и двенадцатая аксиомы наиболее активно задействуются в лингвистических подходах к аргументации.

Обратимся к трактовкам понятия аргументации.

1. «Аргументация — это приведение доводов... Она встречается повсюду — от повседневных стычек между людьми до формально структурированных дебатов» [Zarefsky, 2005, с. 6–7].

2. «Аргументация — это приведение доводов с целью изменения позиции, или убеждений другой стороны» [Ивин, 1997, с. 7].

3. «Аргументировать — это речевая деятельность, выполняющая двойную задачу (функцию):

- рациональности, стремящейся к идеалу истины касательно объяснения феноменов универсума (очевидно, аргументирующий субъект играет в игру истинного и универсального, поскольку его вовлечение в истину зависит от взгляда другого (отсюда вторая задача);

• влияния, стремящегося к идеалу убеждения, состоящего в том, чтобы заставить разделить с другим (собеседником или адресатом) определенный универсум дискурса так, чтобы у него возникло то же суждение» [Костюшкина, 2009, с. 246].

4. «Аргументация в теоретическом плане 1) это “технология убеждающего мышления”; в практическом плане 2) это метод подведения оснований под какую-либо мысль или действие (обоснование их) с целью их публичной защиты, побуждению к определенному мнению о них, признания или разъяснения; способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов» [Новосёлов, 2006, с. 32].

5. «Аргументация — это речевой акт, состоящий из ряда высказываний, которые предназначены для того, чтобы обосновать или опровергнуть выраженное мнение, и направлены на то, чтобы убедить рационального судью в правильности определенной точки зрения, приемлемости или неприемлемости этого выраженного мнения» [Еемерен, 1994, с. 24].

6. «Аргументация — языковая, социальная и рациональная деятельность, целью которой является убедить разумного получателя сообщения в приемлемости какой-либо точки зрения путем выдвижения ряда положений, подтверждающих или опровергающих утверждение, содержащееся в точке зрения» [Важнейшие концепции теории аргументации, 2006, с. 14].

7. «Аргументация есть способ рассуждения, в процессе которой выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса в пользу его истинности и возможные противоположные доводы, даётся оценка основаниям и тезису, доказывается тезис и опровергается антитезис» [Брутян, 1984, с. 7].

В представленных определениях, несмотря на принадлежность последних разным научным сферам, можно выделить одно общее свойство — «приведение доводов». Акт приведения доводов — установление логических связей, доказательства и опровержения — представляет собой главное свойство аргументации.

Осмысление содержания предмета даёт основания выявить закономерность, которая имеет существенное значение для методологии и теории аргументации. Эта закономерность состоит в том, что наука об аргументации — это учение о положительной, утверждающей аргументации. Центральным понятием является система рассуждений, направленных на обоснование некоторой позиции. Действия опровержения и критики рассматриваются в качестве вспомогательного средства, «разобравшись» с которым, аргументатор получает прошедший проверку тезис в виде способа неминуемого убеждения оппонента в правильности своей точки зрения. Второй, будучи рациональным адресатом, обязан согласиться с позицией первого, потому что точка зрения аргументатора основана на истинных аргументах и выстроена по логическим правилам. Это общепринятое понимание аргументации.

Широкая исследовательская традиция теории аргументации на современном этапе научного знания приобретает свою теоретическую определенность не в отрицании и не в утверждении в качестве приоритетных каких-либо парадигм, а в поиске соединения методов логического анализа с другими направлениями, среди которых философские, дискурсивные, прагматические, когнитивные, риторические аспекты.

При этом большой методологической проблемой является размытость концептуальных оснований анализа аргументации, особенно в проекции на коммуникативную практику. Поэтому актуальной задачей, на которую указывают многие учёные, является исследование аргументативной коммуникации [Фанян, 2000; Гриненко, 2003; Корнилова, 2006 и др.].

Это, в частности, связано с выявленным Н. Ю. Фанян «принципом перти- нентности» в отношении аргументации. Этот принцип предполагает наличие «широчайшего контекста». В таком контексте аргументация, реализуемая в пространстве бытия и языка (речи), трактуется не только как компонент пропозици- онального содержания, но и как явление, реализуемое на фоне того, что любые языковые реалии аргументативно заряжены уже в силу своего существования.

Предвестниками исследования аргументации как коммуникативного явления можно считать появление работ Х. Перельмана, Г. Джонсона, С. Тулмина [John- son, 2005; Perelman, 1969; Toulmin, 2003], где на первый план вышли вопросы природы феномена аргументации, связанные с местом и ролью человека в аргу- ментативной деятельности, вопросами аргументации в связи с межличностными отношениями.

В ряде серьезных исследований аргументация рассматривается как явление коммуникации, где исследуются намерения, мотивация субъектов, их отношения, вопросы трактовки сообщений в аргументационной речи, ценностный аспект.

Коммуникативный контекст содержится и во многих определениях аргумен- тации. Например, А. А. Маркович считает, что под аргументацией следует пони- мать коммуникативную деятельность, имеющую цель и убеждение. Автор счита- ет, что признак коммуникативности в процессе аргументации предполагает обмен информацией, наличие адресата и адресанта, то есть диалогичность и соци- альный контекст деятельности [Маркович, 1998, с. 420].

Интересная точка зрения содержится в работе Г. В. Гриненко [Гриненко, 2006]. Исследователь проводит герменевтический анализ терминов, связанных с аргументацией, и приходит к выводу о том, что речь стоит вести о трех значени- ях терминов, которые необходимо развести и избегать их взаимозаменяемости. Этими значениями являются *аргументативная деятельность*, которая реализу- ется в коммуникативных актах, *обоснование* и *способ обоснования*. При этом очевидно, что учёный считает первую трактовку более обширной по сравнению со второй и третьей. Абстрагируясь от определенных составляющих *аргумента- тивной деятельности* (субъектов, их целей, времени, места и т.д.), исследова- тель вычленяет *обоснование*. И, абстрагируясь от конкретного содержания обос- нования, вычленяет его логическую составляющую и получает *способ обоснова- ния* (курсивы автора) [Гриненко, 2006, с. 54]. С этим согласна В. А. Тырыгина, отмечающая наличие двух аспектов аргументации — «логический, который ориентирован на ее познавательную функцию, и риторический, ориентированный на ее коммуникативную функцию» [Тырыгина, 2016, с. 188].

На актуальность осмысления аргументации в коммуникативном аспекте ука- зывают многие учёные. Так, например, А. И. Мигунов видит перспективу форми- рования современной теории аргументации в том, что последняя должна стро- иться как логико-прагматическое исследование аргументативной коммуникации [Мигунов, 2004].

Е. Н. Лисанюк отмечает важность выявления фундаментальных характеристик явления аргументации на формальном, прагма-лингвистическом и коммуникативном уровнях ее анализа. Только таким образом, по мысли исследователя-логика, можно создать полноценную теорию аргументации [Лисанюк, 2016, с. 5].

А. В. Колмогорова выявляет три типа аргументации: когнитивно-языковую, социально-речевую, интерперсональную [Колмогорова, 2016]. Основной идеей понимания *аргументации как коммуникативного явления* является научный контекст, подтверждающий, что аргументация укоренена во всех контекстах социальной практики. Всякий акт коммуникации по своей онтологической сущности аргументативен, поскольку его основная цель — включить собеседника во взаимодействие, добившись согласованности действий коммуницирующих субъектов. Аргументация носит «вездесущий» характер, который меняет ее гносеологический статус и выводит ее за пределы категорий логики и языка [Колмогорова, 2016, с. 169].

Авторы монографии «Когнитивно-дискурсивные исследования в языке и речи» исходят из того, что категория дискурса является ключевой в современных исследованиях, так как определяет возможности актуального функционирования языка, а именно процесс коммуникативного взаимодействия. В этом контексте учёные разрабатывают аргументативную модель для разных видов дискурса, которая репрезентирует аргументативное пространство креативной аргументативной личности (*homoargens*) [Катермина, 2017, с. 8].

Термин *homoargens*, который принадлежит Н. Ю. Фанян и Л. Г. Васильеву [Фанян, 2000; Фанян, Васильев, 2017], встречается и в других исследованиях. Например, по выражению Г. М. Костюшкиной, «человек разумный есть человек аргументирующий. Независимо от того, осознает он это или нет, человек вовлечён в аргументационную деятельность» [Костюшкина, 2016, с. 26].

Как видим, определенные предпосылки исследования аргументативной коммуникации имеются, однако следует заключить, что анализ аргументации в ее связи с коммуникацией и анализ аргументации как коммуникативного явления только начинается. Без рассмотрения вопроса о языке и коммуникации получить надежные результаты в исследовании аргументативной коммуникации нельзя. Специфика аргументативной коммуникации состоит в том, что это жестко адресованное, рациональное коммуникативное действие, имеющее конкретную цель, которая формирует кооперативный тип коммуникации (поиск истины) и состязательный тип коммуникации (убеждение).

Литература

1. Брутян Г. А. Аргументация / Г. А. Брутян. — Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1984. — 105 с.
2. Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой; науч. ред. А. И. Мигунов. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — 296 с.
3. Гриненко Г. В. Аргументация и коммуникация / Г. В. Гриненко // Мысль и искусство аргументации. — Москва : Прогресс-Традиция, 2003. — С. 58–89.
4. Еемеерен Ф. Х. ван. Речевые акты в аргументативных дискуссиях. Теоретическая модель анализа дискуссий, направленных на разрешение конфликта мнений / Ф. Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст; пер. с англ. — Санкт-Петербург : Васильевский остров, 1994. 239 с.

5. Ивин А. А. Основы теории аргументации: Учебник / А. А. Ивин. — Москва : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 352 с.
6. Катермина В. В. Вступительная статья / В. В. Катермина // Когнитивно-дискурсивные исследования в языке и речи : монография / под ред. В. В. Катерминой. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2017. — 139 с.
7. Колмогорова А. В. Место и роль аргументации в коммуникативно-когнитивных процессах // Концептуальная систематика аргументации: колл. монография / под ред. Г. М. Костюшкиной. — Москва : ФЛИНТА, Наука, 2016. — С. 93–170.
8. Корнилова Г. И. Аргументация как коммуникативное действие / Г. И. Корнилова, А. А. Баменов. — Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. — 138 с.
9. Костюшкина Г. М. Современные направления во французской лингвистике / Г. М. Костюшкина. — Москва : УРСС Либроком, 2009. — 304 с.
10. Костюшкина Г. М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности / Г. М. Костюшкина, Н.С. Барбина // Концептуальная систематика аргументации: колл. монография / под ред Г. М. Костюшкиной. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. — С. 10–70.
11. Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : автореф. дисс. ... докт. филос. наук : 09.00.07. / Е. Н. Лисанюк. — Москва, 2016. — 50 с.
12. Маркович А. А. Аргументативная коммуникация / А. А. Маркович // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. трудов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. — 1998. — Вып. 1. — Минск : Белгосуниверситет, 1998. — С. 412–421.
13. Мигунов А. И. Теория аргументации как логико-прагматическое исследование аргументативной коммуникации / А. И. Мигунов // Коммуникация и образование: сб. статей / под ред. С. И. Дудника. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2004. — С. 198–215.
14. Новосёлов М. М. Беседы о логике / М. М. Новосёлов. — Москва : ИФ РАН, 2006. — 158 с.
15. Тырыгина В. А. О двух аспектах аргументации / В. А. Тырыгина // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. — 2016. — № 30. — С. 186–192.
16. Фанян Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура : дисс. докт. ... филол. наук : 10.02.19. / Н. Ю. Фанян. — Краснодар, 2000. — 354 с.
17. Фанян Н. Ю. Лингвистическая аргументация как новая дисциплина / Н. Ю. Фанян, Л. Г. Васильев // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. — 2017. — Т. 27. — Вып 5. — С. 779–783.
18. Johnson R. H. Theory and Practice Again: Challenges from Pinto and Toulmin / R. H. Johnson // The uses of argument: Proceedings of a conference at McMaster University / D. Hitchcock (ed.). — Hamilton: Ontario Society for the Study of Argumentation, 2005. — P. 222–231.
19. Perelman Ch. The New Rhetoric. A treatise on Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. — Notre Dame, London : University of Notre Dame Press, 1969. — 566p.
20. Toulmin S. E. The Uses of Argument / S. E. Toulmin. — London : Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 247 p
21. Zarefsky D. Argumentation: The Study of Effective Reasoning. Course Guidebook / D. Zarefsky; 2nd ed. — Chantilly : The Teaching Company, 2005. — 131 p.

ARGUMENTATIVE APPROACH FOR LANGUAGE LEARNING

Galina M. Kostyushkina
 Dr. Sci. (Philol.), Prof.
 Baikal State University

Irkutsk, Russia
E-mail: kostushkina@mail.ru

Natalya S. Barebina
Cand. of Sci. (Philol.), A/Prof.,
Baikal State University
Irkutsk, Russia
E-mail: kostushkina@mail.ru

Abstract. The article deals with argumentative approach to language investigations, in particular the question is the argumentative nature of speech communication. Multiaspective character and argumentation variety, that determine the uncertainty of its determinations, can be explained by the nature of human language. The revealing of conformities in argumentative process is a very important part both for the theory of argumentation and for the methodology of language theory. It is impossible to get effective results without the revealing of argumentation role in communication in language investigations in general and argumentation problematics in particular.

Keywords: language, argumentation, communication, conviction, the speech activity.

УДК 81'27

© *Дутова Наталья Валерьевна*

кандидат филологических наук,
Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: dutova_natalya@mail.ru

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ

Аннотация. В статье рассматривается проблема мультимодальной интеракции участников в политическом дискурсе. Цель исследования заключается в анализе функционирования мультимодальных средств аргументативного воздействия в парламентских дебатах. В результате исследования прагматических особенностей коммуникации в парламентских дебатах на основе изучения закономерностей симультанного функционирования мультимодальных компонентов, установлено, что аргументация при обсуждении острых вопросов характеризуется высокой экспрессивностью. Сопряженное использование семиотически разнородных элементов обладает широким спектром функций: способствует эмфатической акцентуации коммуникативных смыслов; позволяет избежать конфликтности при обсуждении за счет неопределенности и дистанцированности; отвлекает внимание адресата от слабых, необоснованных аргументов; дает возможность доминировать и дискредитировать оппонента, получать поддержку и одобрение сторонников, а также представить себя и проводимую политику в положительном свете.

Ключевые слова: мультимодальная интеракция; аргументативный потенциал; аргументативный прием; мультимодальные компоненты; симультанность функционирования; кинесические средства; глазные компоненты; прагматическая интенция; адресант; адресат.

Современное развитие общественных отношений подчеркивает растущую роль способности человека воздействовать на массовое сознание. В настоящее время особую актуальность получило исследование роли вербальных и невербальных средств в современных социально-политических процессах, в том числе аргументативного потенциала симультанного функционирования вербальных и невербальных компонентов в парламентских дебатах. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения мультимодальной интеракции участников парламентских дебатов, эксплицируемой в их вербальном и невербальном поведении.

Цель данной статьи заключается в анализе функционирования мультимодальных средств аргументативного воздействия в парламентских дебатах. Анализ включает в себя исследование прагматических особенностей коммуникации в парламентских дебатах на основе изучения закономерностей сопряженного функционирования семиотически разнородных элементов составляющих коммуникативные смыслы, обладающие определенным воздействием потенциалом.

Материалом исследования послужили видеоматериалы парламентских дебатов Великобритании [MPQs: Boris and Corbyn battle over NHS]. Выбор видео в качестве материала исследования обусловлен возможностью передавать и получать информацию в ее мультимодальности. Видеоматериалы обладают признаком спонтанности, носят характер непосредственного устного взаимодействия, позволяют наблюдать спонтанную вербальную и невербальную реакцию собеседников, обеспечивают особую достоверность дискурсивного поведения коммуникантов, так как именно в этих условиях сообщение отправителя максимально соответствует сообщению реципиента [Кибрик, 2008; Николаева, 2013; Петрова, 2008; Mondada, 2011, p. 542–555; Deppermann, 2013].

Парламентские дебаты в настоящей работе рассматриваются как специфический жанр политического дискурса и исследуются с позиции прагматики и мультимодальной лингвистики, что позволяет учитывать характерные признаки личности, интенции, межличностные отношения собеседников при мультимодальном измерении аргументативного потенциала сообщения [Van Dijk, 2001]. Акцентом исследования парламентских дебатов с точки зрения прагматического и мультимодального подходов является проблема выбора оппонентами мультимодальных компонентов и наблюдение за результатами их взаимодействия [Егорченкова 2013, с. 135–142].

Аргументативный характер выступает неотъемлемой особенностью парламентских дебатов. В данном контексте существенную значимость приобретает аргументативный потенциал речи участников политической коммуникации, их способность убедительно отстаивать собственную позицию [Eemeren, Grootendorst, Kruiger, 1987, p. 187].

В качестве невербальных компонентов в данной статье анализируются кинесические средства (жесты рук, головы, мимика, позы), глазные жесты (взгляды). Указанные единицы являются знаками бинарной природы. С одной стороны, они имеют материальную сторону, выраженную действиями человека, с другой стороны, обладают идеальной стороной, имеющей значение, транслирующей смысл и отражающей психическое состояние человека [Крейдлин, 2004].

Анализируемые в данной статье парламентские дебаты посвящены насущным проблемам здравоохранения Великобритании.

В ходе исследования было отмечено, что аргументация при обсуждении вопросов связанных со здравоохранением характеризуются экспрессивной полемичностью. Аргументируя позицию своей партии, Борис Джонсон использует ряд аргументативных приемов. В данном случае интенцией Премьер-министра является представление себя, своей партии и проводимой политики в положительном свете. Борис Джонсон прибегает к использованию средств логической аргументации при убеждении адресата, в частности ряда примеров-фактов, придающих весомость речи: *This government is investing thirty four billion pounds into the NHS.*

Использование экспрессивных средств способствует акцентуации важных для адресанта фактов. Синтаксический параллелизм *he knows* в сообщении выступает маркером аргументированного довода: *Mr. speaker, he knows, as he knows very well this, this government is investing thirty four billion pounds into the NHS.*

Аргументируя свою позицию, Борис Джонсон сохраняет позу доминирования, возвышаясь и нависая над оппонентом. Прямой взгляд исподлобья на оппонента говорит об интенции адресанта подавить адресата.

Интересным представляется рассмотреть оппозицию «свои-чужие», используемую Борисом Джонсоном во время дебатов. Премьер-министр Великобритании обращается к лидеру лейбористской партии, употребляя личное местоимение *he*. Интенцией адресанта в данном случае выступает стремление дистанцироваться от оппонента и его деятельности. Традиционно данная оппозиция строится на противопоставлении личных местоимений третьего лица множественного числа: *we — they*. В данном примере личные местоимения принадлежат разным лицам: *he* (третье лицо, единственное лицо) противопоставляется *we* (личному местоимению первого лица, множественного числа). На наш взгляд, подобное противопоставление говорит о стремлении дистанцироваться только от лидера оппозиции, но не от сторонников Джереми Корбина, так как сторонники оппозиции являются потенциальными избирателями. Следовательно, интенция Бориса Джонсона в отношении сторонников оппозиции сводится к убеждению и привлечению на свою сторону.

Продолжая аргументацию, Борис Джонсон приводит другой положительный довод в пользу политики настоящего правительства в вопросах здравоохранения. Премьер-министр упоминает об улучшении показателей выживаемости от рака по всей Великобритании, используя анафору, синтаксический повтор, параллельные конструкции: *We are seeing, we are seeing improvements in cancer survival rates across the country. We're seeing improvements in cancer survival rates thanks for the investments that this government is making.*

Высказывание сопровождается рядом кинесических средств, таких как: кивок, указательный жест пальцем в сторону адресата. При произнесении фразы *We are seeing* адресант обращается к своим сторонникам за невербальной поддержкой и одобрением, повернувшись лицом к сторонникам. Это говорит о том, что адресант старается расположить аудиторию и вызвать доверие к себе.

В своем выступлении Борис Джонсон в качестве плюсов политики правительства в вопросах здравоохранения отмечает доступное лечение и разумные цены на лекарства. И опять же главным средством акцентуации информации

являются параллельные конструкции: That is the work of the, that is the work of the UK government, that is the work of the NHS ...

Выступая с доводами своей позиции, адресант не упускает возможности подорвать авторитет своего оппонента — лидера политической партии либералов, Джереми Корбина. Борис Джонсон подчеркивает, что адресат целенаправленно критикует политику консервативной партии, чтобы дискредитировать правительство в глазах народа: *And I think it is absolutely satirical, Mr. speaker ...*

Гипербола, выраженная наречием *absolutely*, является экспрессивным средством, привлекающим внимание адресата. Значение прилагательного *satirical* (*criticizing people or ideas in a humorous way, especially in order to make a political point*) акцентировано указательным жестом. Нисходящий тон в сочетании с указательным жестом руки придает категоричность высказыванию адресанта и обладает большим аргументативным потенциалом. Кроме того, Борис Джонсон пытается высмеять позицию Джереми Корбина, выражая удивление, что лидер лейбористской партии боится приватизации медицинских услуг в стране американскими компаниями: *Is he seriously suggesting, is he seriously suggesting that the NHS should not engage in negotiations to ensure that British patients? He's so phobic, he's, he's so phobic of American companies that he would forbid them for having those discussions.*

Полагаем, что при аргументировании позиции излишняя вербальная и невербальная эмоциональность как аргументативный прием отвлекает внимание адресата от приведенных доводов. Адресат не задумывается о правдоподобности аргументов, а поддается эмоциональности ситуации, что можно наблюдать в реакции сторонников Бориса Джонсона. Люди ликуют, кричат, смеются. Так, в последней речи Премьер-министр обращается к потенциальным избирателям с обещанием, которое в данном контексте обладает большой силой воздействия на аудиторию за счет высокой эмоциональности: *I pledged*. Высокая эмоциональность достигается за счет симультанного использования экспрессивных вербальных и невербальных средств. Структурно обещания адресанта представляют собой высказывания с оборотом *be going to* в настоящем длительном времени. Оборот *be going to* выражает намерение совершить действие в ближайшем будущем, тем самым придает серьезность речи Премьер-министра: *We are going to invest more in front-line NHS services; we are going to reduce violent crime; we are going to invest in every one of our schools primary and secondary across the country; we are going to invest in a fantastic infrastructure program for our country; we're going to deliver and we are going to deliver a fantastic deal by which this country will come out of the European Union*. Экспрессивность данного высказывания усиливается за счет использования анафоры. Кроме того, Борис Джонсон использует в данном высказывании прием размежевания, создавая оппозицию «свои-чужие», чтобы дистанцироваться от недостойного оппонента Джереми Корбина. Оппозиция «свои-чужие» дает возможность противопоставить себя оппонентам и сблизиться со своими сторонниками — избирателями, сделав их активными участниками предполагаемых положительных перемен в стране. Экспрессивные вербальные приемы интенсифицируются кинесическими жестами «движение рукой сжатой в кулак сверху вниз», «стучать кулаком по столу», «резкое движение указательным пальцем в оппонента», доминирующей позой. Таким образом, невербальное по-

ведение адресанта вступает в конфликт с вербальным и свидетельствует о скрытой агрессии в адрес лидера лейбористской партии.

Результаты исследования показали, что симультанность функционирования вербальной и невербальной систем имеет сильное аргументативное воздействие в изучаемых дебатах. В совокупности с единицами вербальной семиотической системы невербальные компоненты несут дополнительную информацию, которая может соответствовать, противоречить содержанию вербальных компонентов и компенсировать отсутствие вербальной единицы.

Таким образом, мультимодальная интеракция способствует созданию целостного образа, образованного сложным комплексом нескольких модальностей, выступает богатым ресурсом для анализа аргументативного воздействия в парламентских дебатах в единстве взаимосвязанных друг с другом вербальных и невербальных компонентов и требует дальнейшей теоретической и практической разработки.

Литература

1. Егорченкова Н. Б. Суггестивное и контрсуггестивное поведение участников мультимодальной интеракции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3. С. 135-142.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика : язык тела и естественный язык. М. : Новое лит. обозрение, 2004. — 584 с.
3. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика: направления исследований // Обработка текста и когнитивные технологии: Когнитивное моделирование в лингвистике. Тр. X междунар. конф., Казань, 2008. С. 132–145.
4. Николаева Ю. В. Иллюстративные жесты в русском дискурсе : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19. Москва, 2013. 23 с.
5. Петрова А. А. Мультимодальные аспекты исследования интеракции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 2. С. 105-111.
6. Deppermann A. Conversation Analytic Studies of Multimodal Interaction. // Journal of Pragmatics, no. 46(1), 2013, P. 91-121.
7. Mondada L. Understanding as an embodied, situated and sequential achievement in Interaction // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. № 4. P. 542-555.
8. MPQs: Boris and Corbyn battle over NHS [электронный ресурс]; // https://www.youtube.com/watch?v=HUNpA3vgU_8&t=21s (дата обращения 23.04.2020).
9. Van Dijk T. A. Text and Context of Parliamentary Debates // Paper for a book edited by Paul Bayley.- University of Amsterdam, 2001. [электронный ресурс]; // <http://www.discoursein-society.org/Txt&ContParlDebates.htm>. (дата обращения 11.03.2020).
10. Van Eemeren F. H., Grootendorst R., Kruiger T. Handbook of argumentation theory. - Dordrecht etc., 1987.

ARGUMENTATIVE POTENTIAL OF MULTIMODAL COMPONENTS IN PARLIAMENTARY DEBATES

Natalya V. Dutova

Cand. of Sci. (Philol.),

Novosibirsk Military Institute named after General Army I. K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation

E-mail: dutova_natalya@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of multimodal interaction of participants in political discourse. The aim of the study is to analyze the functioning of multimodal components of argumentative influence in parliamentary debates. As a result of the study of pragmatic features of communication in parliamentary debates based on the study of the laws of functioning simultaneity of multimodal components, it is established that argumentation in the discussion of acute issues is characterized by high expressiveness. The combined use of semiotically heterogeneous elements has a wide range of functions. It contributes to the emphatic accentuation of communicative meanings. It helps to avoid conflict in the discussion due to uncertainty and distance. It distracts the attention of the addressee from weak, unfounded arguments. It makes it possible to dominate and discredit the opponent, receive support and approval of supporters, as well as present oneself and the policy in a positive light.

Keywords: multimodal interaction, argumentative potential, argumentative technique, multimodal components, functioning simultaneity, kinesic components, eye components, pragmatic intention, addresser, addressee.

УДК 81-42

© *Семенова Ольга Фиофановна*

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Байкальский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
E-mail: SemOlg1971@rambler.ru

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЕМИЙ В РЕЧИ ПОЛИТИКОВ

Аннотация. В статье делается акцент на использование политиками в своей речи пословиц и поговорок. Это определяется автором как особый тактический прием для осуществления речевого воздействия на аудиторию. Являясь единицами паремического фонда, пословично-поговорочные паремии отражают культурные ценности, опыт поколений и предстают как социокультурный код отдельной нации, так и универсальной категорией в межкультурной коммуникации. Через определение функционально-прагматического статуса паремий выявляется их воздействующая роль на аудиторию. Реализуя оценочную, регулятивную и экспрессивную функции паремии выступают в качестве аргументов, апеллирующих к авторитету и опыту, тем самым становятся значимым инструментом для достижения макроинтенции говорящего. Анализ речи политиков выявил аргументативный потенциал пословично-поговорочных паремий и определил аргументирующую стратегию в качестве доминирующей.

Ключевые слова: паремии; пословично-поговорочные паремии; паремиологический фонд; социальный код культуры; когнитивный подход; аргументация; аргументативный потенциал; аргументирующая стратегия; речевое воздействие; фигуры речи.

Каждая культурная традиция имеет свои ценности. Культура, традиции, ценности составляют основу национальной идентичности. Однако универсальные ценности играют важную роль в процессе коммуникации, являются одной из немногих точек соприкосновения в геополитическом диалоге между странами. Ученые пытаются увидеть особую национальную специфику мировосприятия того или иного народа, а также стремятся проследить универсальные категории,

общечеловеческие принципы, характерные для различных этнических картин мира.

Одним из множества культурных индикаторов являются паремии, позволяющие более точно сохранить и передать социальный код культуры, лучше понять духовный мир человека как представителя той или иной культуры, реализовать намерения в процессе межкультурной коммуникации, подкрепляя позицию авторитетным мнением.

На сегодняшний день в отечественных и зарубежных исследованиях не становятся менее актуальными исследования в рамках когнитивной науки и теории дискурса пословиц и поговорок. Ученые определяют роль языка и меры его воздействия на различные виды человеческой деятельности. В рамках когнитивного подхода язык рассматривается во взаимосвязи с когницией, т. е. предпринимаются попытки объяснить его роль в процессах получения, обработки и хранения человеком информации [Демьянков, 1994, с. 30].

Изучение языковых единиц, в том числе пословиц и поговорок, с когнитивной точки зрения означает определение их роли в процессах познания и коммуникации, что позволяет изучить особенности речи современных политиков.

Паремии уникальны тем, что они не только членят действительность, запечатлевают некоторую ситуацию, но и служат готовым средством репрезентации сходных с ней ситуаций. Одновременно с этим они направлены на интерпретацию мира, выражение отношения и оценки. Паремии в речи, тексте и дискурсе выражают намерение говорящего. В силу этого они наделены значительной концептуальной силой [Паршина, 2005, с. 68].

Только на фоне дискурса (и текста как его продукта) паремии могут получить наиболее полное описание.

В большинстве случаев употребление паремий можно охарактеризовать как реализацию аргументативной функции — они подкрепляют, усиливают, обосновывают позицию или мысль говорящего, высказываемую по какому-то поводу. Это дает основание для того, чтобы назвать их средствами языка, обладающими аргументативным потенциалом.

Пословица, заключающая в себе назидательность, в контексте чаще выступает аргументирующим средством, играет воспитательную роль («воспитание индивида через опыт социума» [Ломакина, 2015, с. 45], служит способом ухода от ответа (т. е. реализует негативно-коммуникативную функцию [Ломакина, 2015, с. 50], обеспечивает связность речи в зависимости от прагматической цели говорящего / пишущего и его коммуникативного намерения.

Аргументативный потенциал пословиц и поговорок в разных речевых контекстах может реализовываться по-разному и не всегда явным образом. Наиболее явно он проявляется в случаях реализации регулятивных (директивных, предписательных) речевых актов типа совета, побуждения, упрёка, урезонивания и т. д.

Аргументация является основной категорией, объединяющей различные коммуникативные сферы. По мнению В. Е. Чернявской, аргументация — это воздействие автора устного или письменного сообщения на адресата с целью убедить в чем-либо, призвать совершать или не совершать те или иные действия [Чернявская, 2006, с. 15]. К тому же, речевые ситуации, где участники коммуникации осознанно создают сообщения, вызывающие определенное поведение или

влияющие на его мнение, составляют аргументирующий коммуникативный процесс [Чернявская, 2006, с. 19].

В публичной речи различные стилистические приемы, фигуры речи особенно важны для достижения экспрессивности и динамичности высказывания [Паршина, 2005, с. 3]. Их главной целью является подчеркивание значимости сказанного, привлечение внимания слушателей.

Аргументация, являясь одной из форм речевого воздействия в арсенале любого политика, может рассматриваться как доминирующая стратегия [Чернявская, 2006, с. 25]. Преференция данной стратегии объясняется применением общих неспециальных тактик — аргументов, апеллирующих к авторитету известных людей, к собственному опыту, к опыту, накопленному народом в течение многих поколений. Опыт — как аргумент, наиболее авторитетно выражается паремиями, их пословечно-поговорочными формами.

Использованные пословицы в речи российского президента В. В. Путина достаточно иллюстративно решает данную задачу.

(1) *То, что позволено Юпитеру, не позволено быку.*

Российский политик так прокомментировал разницу в отношении некоторых стран к косовскому и крымскому референдумам. Использование пословицы подкрепляет позицию президента в намерении не отступать от своих намерений.

(2) *Хочешь мира, готовься к войне.*

В данном примере пословица является одним из убедительных аргументов в поддержку имплицитно выраженного утверждения, основная идея которого заключается в том, что Россия — военно-оснащенное государство, позиционирующее себя сильным противником. Аргументация представлена актом убеждения, имеющим четкую адресность и персуазивность.

(3) *Все течет, все меняется.*

Использование пословицы в качестве подкрепления ответа на вопрос о том, что в ближайшие шесть лет мы увидим «нового» Владимира Путина, или «прежнего», избранный президент России Владимир Путин ответил философски, используя пословицу, принадлежащую древнегреческому философу Гераклиту.

(4) *... режут сук, на котором сами сидят.*

Пословица подкрепляет мнение российского лидера о бессмысленности действий руководителей страны, вводящей санкции против России.

(5) *Не в силе Бог, а в правде.*

Глава МИД РФ С. Лавров на заседании Совета министров иностранных дел СНГ в Минске, комментируя вопрос журналистов о «русофобии» и дипломатическом скандале (нашумевшее дело Скрипалей), высказал свою точку зрения о нынешних отношениях России и Запада и напомнил об известном высказывании. В своих комментариях С. Лавров делает акцент на значении пословицы — *Сила с теми, с кем правда* и ссылается на авторитет русского князя, полководца, чей подвиг вписан в историю государства Российского.

Президент США Д. Трамп во время выступления с ежегодным обращением к Конгрессу также довольно часто прибегает к использованию народной мудрости.

(6) *And although none of these trends are unique to America, they do offend our uniquely American belief that everybody who works hard should get a fair shot.*

Пословица *every body who works hard should get a fair shot* отражает позицию Д. Трампа относительно экономических проблем в стране, сближает с аудиторией, подчеркивая заинтересованность в решении проблем народа.

(7) *Боишься, значит уважает.*

Министр иностранных дел России Сергей Лавров на примере пословицы определил место России в современном мире. Однако, в своих дальнейших комментариях политик умело акцентирует внимание на том, что России нужен взаимоуважительный диалог, а не стремление заслужить уважение посредством запугивания.

Британский политик Д. Кэмерон во время своего выступления так говорит о терактах в Париже:

(8) *But inaction is a choice. I believe it's the wrong choice.*

Простые по своей структуре предложения не содержат в себе лишней информации, а наоборот, предлагают адресату глубже задуматься о той информации, которую они уже содержат. Эта мысль выражается и в следующем афоризме:

(9) *This is not 2003. We must not use past mistakes as an excuse for indifference or inaction.*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, апеллируя к весомым аргументам — рассуждениям, доводам, утверждениям, выраженным особыми языковыми единицами — пословично-поговорочными и другими видами паремий, политики умело доносят до адресата необходимую информацию, что можно рассматривать как стратегический ход для достижения желаемой цели — воздействовать на мнение аудитории.

Кроме того, вербальная деятельность характеризует человека как языковую личность [Богин, 1984, с. 31], а политический дискурс, являясь институциональным и персональным по форме, создает яркий образ политика, обладающего профессиональными ораторскими качествами через использование в своей речи языковых единиц, входящих в паремиологический фонд языка.

Литература

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Г. И. Богин. — Л., 1984. — 31 с.
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С.17-33.
3. Константинова А.А. Паремии в свете когнитивно-дискурсивной пара дигмы в языкознании (Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru>).
4. Ломакина О.В. Фразеология в языке Л.Н Толстого: Лингвистический комментарий и лексикографическое описание (дисс. на соиск. ученой ст. д-ра филол. наук.), Санкт-Петербург, 2015
5. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России автореф. дисс. на соиск. ученой ст. д-ра филол. наук. — Саратов, 2005. — 48 с.
6. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. — М.: Флинта: Наука, 2006. С.25
7. (<https://tass.ru/politika/1530878>)
8. <http://eodaily.com/ru/news>
9. <https://regnum.ru/news/polit/>
10. https://www.bfm.ru/newshttps://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20191112257-4e00i.html

11. <http://stateofthesouth.org/2016/01/15/all-the-people-not-just-some/>
12. <https://politros.com/132823>
13. <https://www.middleeasteye.net/live/live-blog-british-mps-vote-launching-air-strikes-syria?page=1>
14. <https://www.independent.co.uk/voices/syria-airstrikes-there-is-no-moral-superiority-in-opposing-this-campaign-a6758621.html>

ARGUMENTATIVE POTENTIAL OF PAREMIAS IN POLITICIANS' SPEECH

Olga F. Semenova

Senior teacher, Department of foreign languages,
Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation
E-mail: SemOlg1971@rambler.ru

Abstract. The article emphasizes using proverbs by politicians. The author defines it as specific intentional method to achieve speech impact to audience. Proverbs are considered like units of paremiological fund and reflect cultural values and experience. They're also named socio-cultural code of certain nation as well as universal category in intercultural communication. Determination of functional and pragmatic status of paremias the persuasive role of the last is elicited. Paremias do estimative, regulative and expressive functions and are used as arguments that address to credibility and experience, thus they are become crucial mechanism to realize macrointention of the speaker. The politicians speech analyses elicited the argumentative potential of paremias and defined the argumentative strategy as the dominant. трагедия качества доминирующей.

Keywords: paremia; proverbs and sayings; paremiological fund; social code of culture; cognitive approach; argumentation; argumentative potential; argumentative strategy; speech impact; figure of speech.

УДК 801.001

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ МОНГОЛЬСКИХ СМИ

© *Бо Минна*

доктор филологических наук, профессор,
Институт монголоведения Педагогического университета Внутренней Монголии
Хух-Хото, КНР
E-mail: bayar_pak@yahoo.com,
monliterature@gmail.com

МОНГОЛ ДУУТ МЕДИА ДАХЬ АНГЛИ ҮГИЙН ХЭРЭГЛЭЭНИЙ БАЙДЛЫГ ШИНЖЛЭХ НЬ

Тус өгүүлэлд монгол дуут медиа дахь ярилцлагын программд үндэслэн байгуулсан 250.000 үг бүхий хөмрөгт буй англи үгийн хэрэглээний байдлыг Корпус хэл шинжлэлийн үүднээс авч үзсэн болно. Ингэхдээ англи үгийг толгойлж, үгийн аймаг, утгын төрөл, монгол хэлний зээлсэн арга зэргийг нь бүртгэн тооцоолж, хэрэглээний бодит байдлыг нь үзүүлэхийг зорив.

Түлхүүр үг: Хэлний хэрэглэгдэхүүн, Ярилцлагын хөмрөг, Монгол дуут медиа, Англи зээллэг үг, Хэрэглээ.

Дэлхийн ямар ч улс үндэстний хэлэнд зохих хэмжээний зээллэг үг байдаг. Үг зээлэх явдал бол хэлний хөгжлийн түүхэн дэх түгээмэл үзэгдлийн нэг билээ.

Дэлхийн улс орнуудын харилцаа холбоо, даяаршил, шинжлэх ухааны мэдлэг мэргэжлийн нарийсал, хөгжил дэвшил, соёл сурган хүмүүжлийн хүртэлт зэргээс шалтгаалан, Монгол хэл нь гадаад хэлний нөлөөг ихээхэн хүртэх болов. Ялангуяа англи хэлнээс шинэ нэр томъёог шингээн авч, үгийн сангаа баялаг болгож байна.

Энэхүү өгүүлэлд, Корпус хэл шинжлэлийн онол-арга зүйн үүднээс, Өвөр Монголын Одон телевизийн “Соёл шинжилгээ” ярилцлагын нэвтрүүлэгт хэрэглэгдсэн англи зээллэг үгийн жишээгээр, монгол хэлэн дэх англи зээллэг үгийн хэрэглээний бодит байдал ба хөгжлийн хандлага ямархуу байгааг үзүүлэхийг зорьлоо.

Нэг. Өмнөх үеийн судалгааны байдал

Монгол хэлэн дэх англи зээллэг үгийн тухай судлаачид анхаарч иржээ. Ингэхдээ ихэвчлэн үгийн сангийн судлалын үүднээс, тухайлбал: нэр томъёо, нэрлэлт, гарал үүсэл, монгол хэлэнд нэвтэрсэн цаг үе, хүрээ хэвцээ, толгой үг, хөрвүүлэн буулгах зарчим ... гэх мэт талаас нь судалж байжээ. Жишээ нь: Нэрлэлт, нэр томъёоны талаас нь, профессор Баярмэнд:

“Харь гаралтай үг” гэгч бол ямар нэг хэл нь өөрийн хэлэндээ тусгаагүй ухагдахуун ба хэрэг бодисын нэрс зэргийг бусад хэлний үгийн сангаас түүний дуудлага болон утгатай нь хамтаар зээлэн авчирч, зохих засалт өөрчлөлт хийж байгаад түүнийгээ өөрийнхөө үг хэлний авиа зүй, үг зүй болон үгийн сангийн системдээ шингээн оруулсан харь хэлний ирэл, гаралтай үгсийг заадаг. Харин “Зээллэг үг” гэдэг нь харь гаралтай үгийн доторх нэг хэсэг нь болох бөгөөд тухайн хэлний жам хуульд зохицож, ямар нэгэн түүхэн цаг үе дэх бүхий л үгийн сангийнх нь баттай нэг гишүүн болсон, авиа болон агуулгадаа хүртэл зээлэгдэж байгаа үгс болно” [Баярмэнд, 1989].

гэжээ. Тэгвэл М.Мөрөн харь гаралтай үг ба зээллэг үгийн ялгаа заагийг тодорхойлон: “Харь гаралтай үг гэгч бол ямар нэгэн хэл нь өөрийн хэлэндээ тусгагдсангүй ухагдахуун ба хэрэг бодисын нэрс зэргийг бусад хэлний үгийн сангаас түүний дуудлага ба утгатай нь хамтаар зээлэн авчирч, зохих засалт өөрчлөлт хийж байгаад түүнийгээ өөрийнхөө үг хэлний авиан зүй, үг зүй ба үгийн сангийн системдээ шингэхэн оруулсан үгсийг зааж буй. “Зээллэг үг” гэдэг нь өөрийнхөө үндэстний хэлэнд үгүй өөр нэгэн хэлний үгсийг зээлэн авчраад, ямар ч засалт өөрчлөлт оруулахгүйгээр мөн түүний үгийн сан, утга агуулгаар нь хэрэглэсэн үгсийг заана” [Мөрөн, 1991].

гэв. Толь зүйч, үгийн сан судлаач профессор Ц.Норжин нар: “Зээллэг үг гэвэл, монгол хэлний үгийн сангийн бүрэлдэхүүн нэгж болсон, үгийн санжсан утгатай харь хэлний үгийг хэлнэ. Англи зээллэг үг гэвэл, англи хэлнээс гаралтай буюу англи хэлээр дамжуулж зээлсэн, англи ирэлттэй үгийг заана. Тусгай нэр үг гэдэг бол улс орон, газар ус, хүмүүн амьтан болон аливаа юманд оноосон нэрийдэл нэр мөн. Түүнд үгийн санжсан шинж байхгүй тул, зээллэг үгийн тоонд үл багтана. Харин “Харь гаралтай үг” гэж нэрлэвэл зээллэг үг ба тусгай нэрийг хамарсан ерөнхий нэрийдэл болно” [Норжин нар, 2007, р. 5].

гэв. Англи зээллэг үгийн монгол хэлэнд зээлэгдэн орсон цаг үе ба хүрээ хэвцээний талаар, профессор Ж.Төмөрцэрэн: “Монгол хэлэнд харь хэлнээс

нэвтэрч ирсэн үгийг ерөнхийд нь хоёр том үе болгон хуваан хэлэлцэж болно. Ардын хувьсгалаас өмнө монгол хэлэнд орж ирж байсан үг нь их төлөв Энэтхэг, төвд, хятад зэрэг дорно зүгийн улс үндэстний хэлнээс сурвалжтай байсан ... Хувьсгалаас хойш гол төлөв орос хэлээр дамжиж грек, латин, франц, англи, герман, голланд ... зэрэг европын хэлний үг орж ирсэн нь их төлөв нийгэм улс төр, эдийн засаг, хөдөө аж ахуй, шинжлэх ухаан, техник, соёл урлагийн янз бүрийн салбар дахь нэр томъёоны чанартай үг голлож байна” [Төмөрцэрэн, 1996, р. 57].

гэв. Англи зээллэг үгийн толгой үгийн талаар “Монгол хятад товчилсон үгс хийгээд зээллэг үгийн толь” (2003)-д хятад, төвд, манж, түрэг, араб, орос, англи, герман зэрэг 28 хэлнээс монгол хэлэнд орсон 6000 илүү харь гаралтай үгийг оруулж, “CNN, IBM” зэрэг товчилсон үг жич “информатик, кабин, опер, робот, трактордах” зэргийг багтаасан 520 зурвас англи гаралтай үгийг тэмдэглэсэн байна [Монгол хятад товчилсон үгс хийгээд зээллэг үгийн толь, 2003].

Үүнээс гадна, “Монгол хэлний гадаад үгийн толь” (2005)-д англи, араб, грек, герман, латин, орос, перс, санскрит, төвд, уйгар, франц, хятад, япон зэрэг 30 гаруй хэлнээс монгол хэлэнд орсон 3000 гаруй үгийг жагсаан оруулан “фронт, систем, метр, материал” зэрэг 190 зурвас англи зээллэг үгийг хамарсан байна [Балжинням, 2005].

Англи зээллэг үг ба тусгай нэрийг монгол хэлэнд буулгах аргын талаар, профессор Го.Зоригт англи хэлний зээллэг үг ба тусгай нэрийг монгол хэлэнд янз бүрээр хөрвүүлэн буулгаж байгаа замбараагүй байдалд чиглүүлэн, монгол хэлэнд хөрвүүлэн тэмдэглэхдээ:

“Монгол хэлний цагаан толгойн үсэгт багтаан тэмдэглэх, дуудлага бичлэг хоёр талыг нь харгалзуулан тэмдэглэх, жич хятад хэлний авиагаар дамжуулан тэмдэглэхгүй гэх гурван их зарчмаар баримжаа болгоно” [Норжин нар, 2007] гэж тодорхойлов.

Хоёр. Судалгааны арга ба дэс дараалал

Корпус хэл шинжээч Kennedy: “Корпус хэл шинжлэл бол текстэд суурилсан судалгаа болох бөгөөд хэл шинжлэлийн тайлбар ба нотлолтод баримт хангадаг юм” [Kennedy, 2000].

гэжээ. Тэгэхлээр Корпус хэл шинжлэл нь далай баялаг хийсвэр хийгээд үнэн бодитой хэлний эх хэрэглэгдэхүүнд суурилж, хэл хэрэглээ дэх бодитой тоо баримтаар судалгааны үр дүнгээ нотолдог давуу талтай юм.

Тус судалгаанд монгол хэлэн дэх англи зээллэг үгийн хэрэглээний байдлыг шинжлэх

зорилгоор зохих хүрээтэй хэлний материалын хөмрөг гардан байгуулав. Судалгааны арга ба дэс дараалал нь:

1. Корпус хэл шинжлэлийн онол арга зүйгээр, Өвөр Монголын Одон телевизийн “Соёл шинжилгээ” нэвтрүүлгийн 2017–2019 оны программыг эх хэрэглэгдэхүүн болгон, word-д буулгаж, 250.000 үгийн дэс бүхий хэлний хөмрөг байгуулав.

2. Бүрэн бүртгэлийн аргаар, хэлний хөмрөгт илэрсэн англи зээллэг үгийг толгойлж, үгсийн аймаг, зээлсэн арга, утгын төрөл зэргийг бүртгэн задлав.

3. Толь бичиг дэх англи зээллэг үг ба хэлний хөмрөгт илэрсэн англи зээллэг үгийн толгой үгийг харьцуулан задлав.

4. Тоо бүртгэл ба задлалтад үндэслэн одоо үеийн монгол хэлний англи зээллэг үгийн бодит хэрэглээний байдал ба хөгжлийн хандлагыг зохих талаар харуулахыг зорив.

Гурав. Судалгааны материал

Корпус хэл шинжлэлийн онол арга зүйгээр үгийн сангийн судлалыг нилээд олон судлаач хийсэн байдаг. Жишээ нь Kennedy: Англи хэлэн дэх жигд хэмнэлийн хэрэглээний байдлыг судлахад 100.000 үгтэй материалын хөмрөг судалгааны шаардлагыг хангаж чадна гэж үзсэн байдаг.

Үгийн сангийн судалгаанд 500.000 үгтэй хэлний материалын хөмрөг судалгааны хэрэгцээг хангаж чадахын дээр өгүүлбэрийн бүтэц ба өндөр давтамжтай үгийн сангийн задлалтад 500.000 — 1.000.000 үг бүхий хэлний материалын хөмрөгт суурилан задлахад асуудалгүй [黄昌宁] гэсэн байна. Энэхүү үзэл баримтлалд үндэслэн, энэхүү материалын хөмрөгөө эхний удаад 250.000 үгийн хэмжээгээр тогтоосон юм.

Дөрөв. Монгол дуут медиа дахь англи зээллэг үгийн хэрэглэлт ба задлалт

1. Тоо баримт ба задлалт

Өвөр Монголын Одон телевизийн “Соёл шинжилгээ” нэвтрүүлгийн 2017-2019 оны программыг эх хэрэглэгдэхүүн болгосон ба нийт 256.577 үгийн дэстэй хэлний хөмрөг байгууллаа. Үүнийг хүснэгт № 1-д үзүүлэв.

Хүснэгт 1

Он	2017	2018	2019	Нийт
Үгийн тоо	53720	52014	150843	256577
Зээллэг үгийн тоо	58	40	102	

2. Зээлсэн аргын талаар

Хөмрөгт нийт 118 англи зээллэг үг гарч байгаа ба, зээлсэн аргаар нь *Хөрвүүлсэн зээллэг үг*, *Латинчилсан зээллэг үг*, *Үүсмэл зээллэг үг* гэсэн гурван төрөлд ангилав.

- Хөрвүүлсэн зээллэг үг: Авиа ба утга нь цөм харь хэлнээс зээлсэн үг болно.
- Латинчилсан зээллэг үг: Англи хэлний эхний том бичлэгээр бүхий л утгаа илтгэснийг хэлж байна.
- Үүсмэл зээллэг үг: Оруулан авсан хэлний хэл зүйгээр хэлбэржсэн зээллэг үг болно.

Бүртгэлээс харахад, хөрвүүлсэн зээллэг үгийн харьцал нь хамгийн олон, дараа нь латинчилсан зээллэг үг, гуравт үүсмэл зээллэг үг орж байна. Үүнийг хүснэгт № 2-д үзүүлээ.

Хүснэгт 2

Зээлсэн арга	Хөрвүүлсэн зээллэг үг	Латинчилсан зээллэг үг	Үүсмэл зээллэг үг
Үгийн тоо	95	20	3
Харьцал(%)	80.52%	16.94%	2.54%
Жишээ үг	Кино	Ipad	Ширсжүүлэх

3. Үгийн аймгийн талаар

Хөмрөгт байгаа англи зээллэг үгээ үгийн аймгаар нь нэр үг ба үйл үг гэж хоёр төрөлд ангилаад, бүртгэлээс харвал, нэр үг хамгийн олон, үйл үг нь маш цөөн байна. Харин бусад үгийн аймгийн үг байхгүй байна. Үүнийг хүснэгт № 3-т үзүүлээ.

Хүснэгт 3

Үгсийн аймаг	Жинхэнэ нэр	Үйл үг
Үгийн тоо	114	4
Харьцал (%)	96. 61%	3.38%
Жишээ үг	Телевиз	Тавааржуулаху

4. Утгын ангиллын талаар

Хөмрөгт байгаа англи зээллэг үгээ утгын ангиллаар нь ахуй амьдрал, хэмжүүр нэгж, аж ахуй, шинжлэх ухаан, улс төр, биеийн тамир, урлаг, сурган хүмүүжил, аж үйлдвэр, эм эмнэлэг гэх мэт хуваажээ. Судалгаанд ахуй амьдрал, аж ахуй, шинжлэх ухаан, эм эмнэлэг зэрэгт хэрэглэсэн англи зээллэг үгийн толгой үг нь харьцангуйгаар олон байна. Үүнийг хүснэгт №4-т үзүүлэв.

Хүснэгт 4

Утгын Ангилал	Ахуй амьдрал	Шинжлэх ухаан	Аж ахуй	Эм эмнэлэг	Хэмжүүр нэгж	Сурган хүмүүжил	Аж үйлдвэр	Улс төр	Тамир урлаг
Үгийн Тоо	45	16	15	11	10	9	5	5	2
Харьцал (%)	38.13	13.55	12.71	9.32	8.47	7.62	4.23	4.32	1.69
Жишээ үг	Телевиз	Натри	Компани	Витамин	Килограмм	Доктор	Материал	Кадр	Спорт

Дүгнэлт

Энэхүү судалгаагаар дамжин олсон монгол хэлний дуут медиа дахь англи зээллэг үгийн хэрэглээний байдал нь:

1. Зээлсэн аргын хувьд: Хөрвүүлсэн зээллэг үг хамгийн олон байгаа ба энэ нь нийт англи зээллэг үгийн 80.52%-г эзэлж байна. Үүний дараа латинчилсан ба үүсмэл зээллэг үг эзэлж байна.

2. Үгийн аймгийн хувьд: Нэр үг хамгийн олон байна. Нийт англи зээллэг үгийн 96%-г эзэлж байна. Үйл үг харьцангуй цөөн гарч байгаа бол бусад аймаг үг гарсангүй.

3. Утгын ангиллын хувьд: Англи зээллэг үг нь гол төлөв ахуй амьдрал, аж ахуй, шинжлэх ухаан, эм эмнэлгийн салбарт хэрэглэгдэж байгаа нэр үг байна. Энэ нь нийт англи зээллэг үгийн 73.71% харьцлыг эзэлж байна.

4. Давталтын хувьд: “кино, бактер, материал, телевиз, радио, фильм, машин, систем, энерги, минут” гэсэн 10 үг нь Монгол хэлний дуут медиа дахь англи зээллэг үгийн эхний 10 байрыг эзэлж байна.

Литература

1. Баярмэнд. Монгол хэлний зээллэг үгийн тухай, Монгол хэл бичиг, 1989 он.
2. Мөрөн М. Монгол нэр томъёоны өгүүлүүд, Өвөр Монголын Сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1991 он.
3. Норжин нар. Монгол хэлэн дэх англи зээллэг үгсийн бичлэгийн дүрэм ба хамаа бүхий өгүүлэл материал, Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 2007 он.
4. Төмөрцэрэн Ж. Монгол хэлний үгийн сан судлал, 1996 он.
5. Монгол хятад товчилсон үгс хийгээд зээллэг үгийн толь, Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 2003 оны 1 сар.
6. Балжинням Н. Монгол хэлний гадаад үгийн толь, 2005 он.
7. Kennedy G. An Introduction to Corpus Linguistics, Foreign Language Teaching and Research Press, 2000.
8. 黄昌宁, 李涓子. “语料库语言学”, 商务印书馆·年。

ENGLISH BORROWINGS IN THE LANGUAGE OF MONGOLIAN MEDIA

Bo Minna

Dr. Sci. (Philol.), Prof.,
School of Mongolian Studies, Inner Mongolia Normal University
Hohhot, China
E-mail: bayar_pak@yahoo.com
monliterature@gmail.com

Abstract. The paper deals with the aspect of using of English loan words in the language of Mongolian mass-media. The base of material is the electronic corpus which includes 250000 words. The author defines part of speech of English loan words, meaning of the word, way of word-building, and sphere of its using. 96 percent of loan words are nouns, there are few verbs. 73,71 percents of words define notions of housekeeping, business, science, and medicine. The most frequent are nine words: *film, bacteria, material, television, radio, machine, system, energy, and minute.*

Keywords: English loan word, Mongolian mass-media, corpus of colloquial language, using.

УДК 811. 112. 2'38

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В РОМАНЕ К. ПОЛАДЯН «IN EINER NACHT; WOANDERS»

© Черкун Елена Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: tscherkun@mail.ru

© *Нимаева Эржена Зориктоевна*

аспирант,

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Улан-Удэ, Российская Федерация

E-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования послужили особенности лексики при передаче исторического колорита в романе немецкой писательницы К. Поладян «In einer Nacht, woanders». Основное внимание в статье акцентируется на выявлении связи между особенностями стиля исследуемого художественного произведения и этнокультурной идентичностью их автора путем проведения лингвостилистического анализа. Материалом для исследования послужило художественное произведение Катерины Поладян «In einer Nacht, woanders». Теоретически обоснована связь этнокультурной идентичности автора художественного произведения с лексическими особенностями исторического колорита романа. Новизна статьи обоснована изучением взаимосвязи этнокультурной идентичности автора при передаче исторического колорита художественного произведения в лексическом аспекте. Результаты исследования вносят практический вклад в изучение теории текста, лингвокультурологии и лингвостилистики, этнокультурологии.

Ключевые слова: немецкая литература; стилистика текста; художественная речь; образ автора; исторический колорит; этнокультурная идентичность автора; индивидуальный стиль писателя; языковые средства, лексические особенности; роман.

Самобытность каждой культуры и ментальности этноса обеспечивается, прежде всего, через язык. Социокультурная адаптация новых поколений к этнокультурной среде старших происходит благодаря языку. Состояние языка, его лексический состав позволяют восстановить хронику перемен жизни языкового сообщества и его достижений. Сказанное выше позволяет рассматривать язык как один из важнейших каналов этнокультурной преемственности и факторов этнокультурной идентичности [Акоста, 2011; Avdeeva, 2020, с. 703]. Именно язык играет наиболее значительную роль в конструировании этнокультурной идентичности благодаря своим функциям образования и сохранения культуры [Морзавченков, 2010, с. 225–227]. Владение двумя родными языками (что часто свойственно людям, родившимся в межэтническом браке и / или эмигрировавшим) и длительное проживание на территории стран, в которых эти языки являются государственными, играют значительную роль в формировании этнокультурной идентичности человека, становится ее особенностью и выражается в виде проблемы этнокультурной самоидентификации.

Речь писателя функционирует согласно стилистическим нормам современного национального литературного языка, правилам и законам его развития [Ермакова, 2017, с. 40]. При этом в художественном произведении субъектом речи является «образ автора» [Брандес, 2004, с. 243]. Другими словами, художественное произведение не следует отделять от личности его создателя. Стиль художественного произведения обращает внимание на текстовые структуры произведения и формируется личностью автора и его свободным выбором стилистических средств. Отбираемые автором стилистические средства, относительно как лексики, так и синтаксиса — очень разнообразны. Для достижения эстетического воздействия автор имеет множество семантических, и стилистических возможностей [Novotny, 2008, с. 12].

Особенность этнокультурной идентичности писательницы Катерины Поладян заключается в ее множественности вследствие эмиграции из СССР в ГДР, обусловила тему и проблему анализируемого романа: тему семьи, проблему поиска себя, ответа на вопрос «Кто я и где моя Родина?» [Черкун, Нимаева, 2020, с. 91].

Главная героиня романа Маша, давно живущая в Берлине и почти забывшая о своем детстве в России, получает письмо о том, что ей срочно нужно ехать в подмосковное село Быково, иначе дом ее покойной бабушки продадут. Повествование в романе ведется от имени лирической героини, для которой данная поездка становится путешествием к своему прошлому, к тайнам ее семьи.

Рассмотрим яркие лексические примеры при передаче исторического колорита, использованные автором в романе: историзмы, неологизмы и иностранные слова, указывающие на признаки территории проживания героев, признаки культуры или культур разных народов и количество родных языков автора. Начнем с рассмотрения историзмов.

Пример 1. Rote Nähne [Poladjan, 2013, с. 8]. Во время перелета Маши из Берлина в Москву стюардесса раздает сладости, которые напоминают героине леденцы на палочке красного цвета «Петушок», которые продавались в одном месте на Улицком проспекте, там, где работала ее бабушка: „... Bonbons, die mich an die roten Nähne erinnern, rote Lutscher, die es an einem Stand am Ulitzki-Prospekt gab, dort, wo meine Großmutter arbeitete.“ Леденец «Петушок на палочке» является одним из сладостей, символизирующих 70-е и 80-е гг. Советского периода и говоря о котором люди, выросшие в это время, нередко употребляют выражение «вкус детства». При помощи историзма „rote Nähne“ (красные петушки) автор создает исторический фон повествования, при этом приведенное воспоминание способно пробудить в читателе в некоторой степени ностальгию по Советскому времени.

Пример 2. Genosse [Poladjan, 2013, с. 39]. Рассматривая в доме мебель, Маша вспоминает, как по телевизору показывали встречу Л. И. Брежнева со спортсменкой Ириной Родниной. Описав начало своего дня, Ирина Роднина обращается к Л. И. Брежневу «товарищ»: „Sie müssen sich das wie bei einem Pinguin vorstellen, Genosse Breschnew.“ В описываемом фрагменте историзм „Genosse“ (товарищ) в сочетании с именами Советской фигуристки и государственного деятеля, символизирующих вторую половину XX в., не просто создает исторический фон произведения, но передает дух времени, в которое росла героиня, что помогает читателю лучше понять ее личность. Героиня росла в то время, когда доминирующей являлась коммунистическая партия, когда спортсмены с особенной силой пробуждали в населении СССР национальную гордость.

Автор романа не использует широко историзмы, тем не менее Поладян удалось создать исторический фон, функция которого, как показывают рассмотренные примеры, заключается в пробуждении некой ностальгии по периоду Советского Союза.

Далее проанализируем использование неологизмов в романе.

Пример 3. MIG-15 UTI [Poladjan, 2013, с. 40]. Увидев фотографию своей бабушки и Юрия Гагарина, Маша вспоминает, как бабушка говорила о том, что МИГ-15 УТИ является самым безопасным истребителем СССР, у которого ничтожная доля вероятности крушения: „Die MIG-15 UTI ist das sicherste Kampfflugzeug der UdSSR, es hat die geringste Absturzquote, dozierte die Große Tamara“.

Неологизм „MIG-15 УТИ“ (МИГ-15 УТИ) в данном фрагменте отсылает на период 1950–1959 гг., именно в эти годы являются временем производства этого истребителя, что создает в романе исторический колорит. Кроме того, при помощи этого неологизма автор подчеркивает веру в научно-технический прогресс, характерную для гражданина СССР.

Пример 4. Tscheburaschka [Poladjan, 2013, с. 82]. Петр, дядя Маши, в разговоре с ней, не желая пересказывать слухи о смерти девушки, которую он когда-то любил, отмечает, что в детстве Маша любила подобные истории больше, чем Чебурашку: „Du mochtest diese Geschichten lieber als Tscheburaschka, sagt er.“ Неологизм того времени „Tscheburaschka“ (Чебурашка) является именем одного из главных героев детской книги «Крокодил Гена и его друзья», написанной Э. Успенским в 1966 г. Персонаж приобрел широкую популярность в СССР и за его пределами после выхода мультфильма «Крокодил Гена», снятого по этой книге. В рассматриваемом примере неологизм поддерживает созданный автором исторический колорит произведения, значимость культуры Советской эпохи в жизни героини.

Неологизмы, как и историзмы, не используются автором широко в романе, но они описывают советское время как эпоху, в которую выросло поколение героини, что помогает, несомненно, читателю лучше понять характер героини, а для российского читателя эта лексика создает эффект сближения, пробуждает некую симпатию к героине.

Рассмотренные лексические примеры при передаче исторического колорита указывая, на социально-исторические факты и события СССР, на знание автором русского языка, доказывают значимость русской культуры для немецкой писательницы Катерины Поладян. Анализ позволяет сделать вывод о том, что историзмы, неологизмы в романе «In einer Nacht, woanders» представляют собой систему, взаимосвязанные элементы которой создают исторический колорит, который, помогая понять лучше героиню, становится элементом авторского описания в исследуемом романе.

Литература

1. Акоста А. Этнокультурная идентичность ребенка в межэтническом браке как проблема современной психологии // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3-4 (25-26). С. 466- 471.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. М.: Прогресс-Традиция, ИНФРА-М, 2004. 416 с.
3. Вачедин Д. России не нужно прошлое. Она устремлена в свое странное будущее. Режим доступа: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/kul/mag/20964816.html>
4. Ермакова Н. Л. Лингвистический анализ как составная часть филологического анализа художественного текста // Актуальные проблемы обучения русскому языку и литературе в школе и вузе. Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева. 2017. С. 39-45.
5. Леонтьева А. Немецкая писательница начала подготовку книги о России с визита в ДВФУ. — Режим доступа : <https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/nemeckaa-pisatelnicapacala-podgotovku-knigi-o-rossii-s-vizita-v-dvfu/>
6. Лескова И.В. Проблема культурной идентичности в процессе глобализации // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. 2009. №2. С. 175-182.
7. Морзавченков Г. А. Критерии этнокультурной идентичности в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 1 (17). С. 139-142.

8. Черкун Е. Ю., Нимаева Э. З. Стиль художественного произведения и этнокультурная идентичность автора // Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики. 2020. Вып. 10. С. 88-96.

9. Avdeeva Yuliya N., Degtyarenko Kseniya A., Koptseva Natalia P. Compensatory Role Of Symbolic Mediators In Constructing Ethnocultural Identity // Journal Of Siberian Federal University. Humanities And Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 5. P. 702-715.

10. Novotny E. Stilistik der deutschen Sprache. Lehrmittel für die Studenten der deutschen Philologie. Klaipeda : Lehrstuhl für die deutsche Philologie, Klaipeda Universität, 2008. 60 S.

11. Katerina Poladjan [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://katerinapoladjan.de/>

12. Poladjan K. In einer Nacht, woanders. Roman. / K. Poladjan — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2013. — 173 S.

LEXICAL FEATURES OF HISTORICAL COLOUR IN THE NOVEL WRITTEN
BY GERMAN AUTHOR K. POLADJAN «IN EINER NACHT, WOANDERS»

Elena Yu. Cherkun

Cand. Sci. (Philol.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: tscherkun@mail.ru

Erzhena Z. Nimaeva

post-graduate student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru

Abstract. The subject of the study is lexical features of historical colour in the novel written by German author K. Poladjan "In einer Nacht, woanders". The article pays great attention to identifying the connection between the features of the style of the studied fiction work and the author's ethnocultural identity by linguistic and stylistic analysis. The study was based on the material of novel written by Katerina Poladyan "In einer Nacht, woanders". The connection between the author's ethnocultural identity and lexical features of the historical colour of the novel is theoretically substantiated. The novelty of the article is substantiated by the study of the author's ethnocultural identity influence on the historical colour of the work. The results of the research provide practical input to the study of text theory, linguoculturology and linguistic stylistics, ethnocultural studies.

Keywords: German literature, text stylistics, artistic speech, individual style of the writer, image of the author, historical coloring, ethnocultural identity of the author, individual style of the writer, language means, objective-psychological level, stylistic features, the novel.

© *Орлова Елена Леонидовна*

кандидат филологических наук,

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Улан-Удэ, Российская Федерация

E-mail: leonika@bk.ru

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КОРОНАВИРУСА В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Предметом исследования являются особенности функционирования концептуальной метафоры со сферой-мишенью КОРОНАВИРУС в немецких политических текстах. Материалом исследования послужил корпус из 897 текстов, выбранный с середины января 2021 по начало марта 2021 года. Автор описывает метафорические модели со сферой-источником КОРОНАВИРУС, механизмы воздействия на реципиентов, соотношенность глубинных смыслов концептам немецкого лингвокультурного сообщества. Определены сферы-источники метафорической экспансии, выявлены наиболее частотные субмодели. Методологической базой исследования послужили теория метафорического моделирования и теория дискурса. Новизна исследования заключается в теоретическом осмыслении природы метафоры со сферой-мишенью КОРОНАВИРУС в немецком политическом дискурсе. Сделан вывод о наиболее распространенных метафорических моделях, характеризующих ситуацию вокруг пандемии коронавируса на немецких новостных порталах в заданный период.

Ключевые слова: политическая метафора; политический дискурс; концепт; концептуальная метафора; метафорическая модель; архетипичная метафора; вариативность; метафора коронавируса.

Метафора, являясь отражением объективной действительности в языке, бесконечно многообразна и пластична. Источники и мишени метафорической экспансии характеризуются сложными, иерархически упорядоченными взаимоотношениями. Физиологические законы восприятия внешнего мира человеком постулируют теорию архетипичности метафоры как результат общих закономерностей мышления [Будаев, Чудинов, 2006]. Измеряя и оценивая мир знакомыми ему величинами, человек упрощает процесс восприятия и осмысления. В этом и заключается когнитивная функция метафоры.

Метафоры политического дискурса характеризуются архетипичностью и вариативностью. Набор метафорических моделей в политическом дискурсе довольно четко ограничен и связан с архетипами и базовыми концептами культуры. Преимущество всегда имеют метафоры с большим манипулятивным потенциалом. При этом метафоры, не базирующиеся на основных концептуальных прототипах общества, не имеют достаточной аргументативной силы, т.е. лишены манипулятивного потенциала [Lakoff, 1990]. Вариативность системы концептуальных метафор в политике рассматривается, с одной стороны, как колебание количества метафор в зависимости от изменения политической ситуации, а с другой стороны, как частотность реализации тех или иных метафорических моделей в различные исторические периоды [Будаев, Чудинов, 2006].

В данной статье рассмотрены концептуальные метафоры со сферой-мишенью КОРОНАВИРУС с позиции когнитивной лингвистики [Баранов, Караулов 1991; Будаев, Чудинов 1996; Шейгал, 2000; Желтухина, 2000; Хахалова, 1998; Орлова,

2012; Орлова, 2018; Lakoff, 1998]. Эта концепция предполагает представление метафоры как своего рода модели или типовой схемы, отражающей специфику национальной ментальности на определенном этапе развития общества и социальные представления о концептуальной организации сферы-источника и сферы-мишени метафорической экспансии [Чудинов, 2003]. Выборка примеров для исследования была произведена из самых популярных немецких новостных порталов Bild.de, Der Spiegel и t-online (по версии statista.com, <https://www.statista.com/statistics/442988/most-visited-news-websites-germany/>).

Для выявления актуальных фреймов сферы-мишени КОРОНАВИРУС метафорической экспансии в немецком политическом дискурсе в рамках настоящего исследования было изучено 897 текстов за период с середины января 2021 года по начало марта 2021 года. Методом контент-анализа были определены основные тематические блоки: вакцина против коронавирусной инфекции (39%), ограничения, связанные с распространением коронавирусной инфекции, их ослабление и протесты против них (26%), обсуждение высказываний и действий политиков, связанных с пандемией коронавируса (11%), патологии, вызываемые коронавирусной инфекцией (7%), распространение коронавирусной инфекции (5%), другое (8%).

Большинство метафор связано с обсуждением действий и высказываний политиков (54% метафороупотреблений), а также с описанием распространения коронавирусной инфекции (35% метафороупотреблений). Наиболее яркие, оценочные метафоры характеризуют политиков, чаще всего отрицательно. При этом самыми доминантными и частотными моделями являются театральная и игровая метафоры (около 40% метафороупотреблений в тематическом блоке, посвященном обсуждению политиков и их деятельности):

Fall Löbel wählt CDU auf.

Die Maskenaffäre um Nikolas Löbel wird zur Gefahr für die Union und ihre Wahlkämpfer. Susanne Eisenmann, CDU-Spitzenkandidatin in Baden-Württemberg, fordert Konsequenzen. Hinter den Kulissen brodeln es (Der Spiegel, 06.03.2021).

Es reicht, Herr Spahn!

Zu wenig Masken, zu wenig Impfstoff, zu späte Schnelltests: Die Krisenpolitik wird zur Farce. Das muss Konsequenzen haben. Eigentlich wären sogar zwei Rücktritte fällig (Der Spiegel, 05.03.2021).

Peking weist jede Verantwortung für die Pandemie von sich und bringt auch andere Verbreitungsmöglichkeiten ins Spiel (t-online, 19.02.2021).

Театральная и игровая метафоры традиционно используются для характеристики предвыборной борьбы, противостояния различных политических партий и политиков, а также их выступлений и действий. Данные модели пользуются популярностью благодаря своему большому прагматическому потенциалу, определяемому концептуальными векторами неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности [Чудинов, 2003]. Таким образом, метафоры со сферой-источником ТЕАТР актуализируют глубинные смыслы, суть которых состоит в том, что участники политического дискурса действуют по заранее продуманному сценарию, по определенным правилам, зарабатывая очки и симпатию зрителей — своих потенциальных избирателей. Сами же зрители в политическом процессе не участвуют и являются лишь наблюдателями, одобряющими или не одобряющими происходящее на политической сцене. Политические ситуации и

объекты концептуализируются в определенном свете, «высвечивая» какой-то аспект политической реальности, делая его более значимым, либо, наоборот, «затемняя» его, отвлекает от него внимание общества. Сложные политические ситуации или объекты предстают в виде упрощенных моделей, с помощью которых легче транслировать определенную оценку к ним. В этом заключаются моделирующая и манипулятивная функции данных моделей. Традиционность, архетипичность театральной и игровой метафор, понятные всем фреймы и слоты, не позволяющие читателю долго рассуждать над ними, помогают смоделировать политическую ситуацию в нужном ключе, сформировать определенное мнение и даже кажущуюся самостоятельной позицией осуждения и негодования [Баранов, 1991]. Эта кажущаяся самостоятельность в присвоении знаний формирует устойчивое общественное мнение и его дальнейшее ретранслирование и стереотипизацию.

Второй по частотности метафороупотреблений является тема распространения коронавирусной инфекции. В этом блоке наиболее широко представлена природная метафора, реализующаяся, в основном, в субмодели ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА — это НАВОДНЕНИЕ. Очевидно, что любая эпидемия, а тем более пандемия, в силу своих характеристик, таких как неожиданность возникновения, неподдающаяся контролю быстрота и обширная география распространения, а также отсутствие какой-либо избирательности, в первую очередь, сравнивается с природными катаклизмами:

Die dritte Corona-Welle rollt, doch der Shutdown erschöpft Volk und Politik. Kanzlerin und Ministerpräsidenten stecken in der Klemme: Wie kommen sie da nur raus? (Der Spiegel, 25.02.2021).

Kann es trotz einer drohenden dritten Corona-Infektionswelle bald Lockerungen geben? Baden-Württemberg will nun mit dem massiven Einsatz von Schnelltests »ein Stück Freiheit zurückholen« (Der Spiegel, 25.02.2021).

Wegen Corona werden deutsche Gerichte mit einer Klagewelle überschwemmt. Doch das ist nicht das einzige Problem (Der Spiegel, 12.03.2021).

Несмотря на то, что метафоры катаклизмов несут векторы страха и беспомощности, их частотность (около 48% метафороупотреблений в этом тематическом блоке) «стирает» эмоциональную оценочность. Такие метафоры постепенно переходят в категорию узуальных.

Второй по частотности в тематическом блоке, посвященном распространению коронавирусной инфекции, является ориентационная метафора, или метафора пути (около 25% метафороупотреблений). Данная метафора встречается также в других блоках (около 30% всех метафороупотреблений). Германия и другие страны представлены как путники, ищущие свой путь, выход из сложившейся ситуации с коронавирусом:

Der große Faktencheck: Schwedens Sonderweg ist gescheitert. Oder?

Inzidenz bei 263, dafür aktuell eine relativ niedrige Fallsterblichkeit: Die Strategie der schwedischen Regierung ist weltweit umstritten (Bild.de, 11. März 2021).

In sieben Stufen soll uns die neue Corona-Ampel der Landesregierung aus dem Lockdown holen (Bild.de, 19.02.2021).

Deutschland hinkt beim Impfen weiter hinterher (t-online 08.03.2021).

Ministerpräsident Söder will neue Ideen beim Weg aus dem Lockdown. Das bedeutet, einen Weg zu finden, wie das Land reaktionsfähig bleibe bei Verbesserungen und Verschlechterungen der Infektionslage (Bild.de, 20.02.2021).

Кризис, связанный с пандемией коронавируса в мире, еще не вошел в свою завершающую стадию, поэтому Германия и другие страны все еще находятся в пути. Пока неизвестно, где находится выход и Германия боится отстать от своих соседей, пойти по неправильному пути. Это глубинные смыслы, скрывающиеся за данными метафорами. Общий вектор тревожности и выраженная негативная оценочность формирует у реципиента недоверие к действиям правительства.

Также в этом тематическом блоке традиционно эксплуатируется метафоры войны или борьбы (около 15% метафоруупотреблений в этом тематическом блоке):

Im Kampf gegen das Coronavirus wird der Shutdown um weitere drei Wochen verlängert — zugleich sind erste Lockerungen geplant (Der Spiegel, 03.03.2021).

Und mit jedem Monat, den sich Deutschland durch diese Krise kämpft, verstärkt sich der Eindruck: Dieses Land ist viel zu oft einfach zu träge, zu bürokratisch, zu wenig kreativ (Der Spiegel, 04.03.2021).

Die neuen Corona-Beschlüsse zeigen: Kanzlerin Angela Merkel und die Länderchefs haben kapituliert. Vor der Infektionsdynamik, vor dem öffentlichen Druck, vor dem eigenen Versagen (Der Spiegel, 04.03.2021).

Je stärker die EU-Kommission im Impfstoff-Debakel unter Druck gerät, umso durchtriebener schlagen die Verantwortlichen in Brüssel um sich. Selbst wenn es dabei gegen die weltweit gefeierten Impfstoff-Helden von Biontech geht! (Bild.de, 19.02.2021).

Метафора войны концептуализирует глубинные смыслы опасности, угрозы, исходящей от всеобщего врага — коронавируса. В борьбе с этим противником руководство страны проигрывает — такое мнение формируют у читателей авторы новостных пабликов.

Критика действий правительства также находит отражение в метафорах болезни (около 10% в этом тематическом блоке):

Am Ende der Ära Merkel ist Deutschland auf vielen Zukunftsfeldern nur noch Mittelmaß, der Staat wirkt schwach, die Gesellschaft müde. Es braucht einen Plan B (Der Spiegel, 12.03.2021).

Mehr als 10.000 Verfahren gegen Coronavorschriften: So lähmt die Pandemie Deutschlands Justiz (t-online, 07.03.2021).

Концепт БОЛЕЗНЬ традиционно используется в политическом дискурсе для создания резко негативного образа какого-либо объекта политической действительности. Метафоры болезни концептуализируют векторы слабости, потери контроля над ситуацией, потери авторитета. Государство или его части, описанные в терминах болезни, представляются лишеными жизненной силы, энергии, неспособными на защиту, требующими помощь.

Проведенное исследование позволяет нам сделать вывод об основных концептах, на которых базируются метафорические модели со сферой-мишенью метафорической экспансии КОРОНАВИРУС. Вариативность обозначенных метафор проявляется в доминантности и частотности субмоделей со сферами-источниками метафорической экспансии ТЕАТР, ИГРА, НАВОДНЕНИЕ, ПУТЬ,

ВОЙНА, БОЛЕЗНЬ во временном интервале, ограниченном выборкой примеров (середина января 2021 года — начало марта 2021 года).

Литература

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
2. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2010. № 1(31). С. 9-23.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
4. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: изд-во В.Ф. МУПК, 2000. 264 с.
5. Орлова Е. Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск: ИГЛУ, 2012. 193 с.
6. Орлова Е.Л., Дармаева С.Н. Театральная метафора в немецком политическом медиадискурсе // Филология: научные исследования. 2018. № 1. С. 89–95. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25332
7. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 1998. 235 с.
8. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003. 250 с.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. М., Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
10. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. 4th, paperback ed. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.

METAPHORIZATION OF THE CORONAVIRUS
IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Elena L. Orlova

Cand. Sci. (Philol.),

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

E-mail: leonika@bk.ru

Abstract. The subject of the research is the particularities of the functioning of the conceptual metaphor with the target sphere CORONAVIRUS in German political texts. The research material was a corpus of 897 texts, selected from mid-January 2021 to early March 2021. The author describes the metaphorical models with the target sphere CORONAVIRUS, the mechanisms of influence on recipients, the correlation of in-depth meanings with the concepts of the German linguocultural community. The source spheres of metaphorical expansion are determined, the most frequent sub-models are revealed. The methodological basis of the research was the theory of metaphorical modeling and the theory of discourse. The novelty of the research lies in the theoretical understanding of the nature of metaphors with the target sphere CORONAVIRUS in German political discourse. The conclusion is drawn about the most common metaphorical models characterizing the situation around the coronavirus pandemic on German news portals in a given period.

Keywords: political metaphor, political discourse, concept, conceptual metaphor, metaphorical model, archetypal metaphor, variability, metaphor of coronavirus.

ЗАГОЛОВОК КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АВТОРА
(В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИКИ ПО ТЕМЕ «COVID-19»)

© *Черкун Елена Юрьевна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: tscherkun@mail.ru

© *Базарова Эльвира Баировна*

студент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: elya.bazarova2001@gmail.com

Аннотация. В данной статье проанализированы особенности заголовков в публицистических текстах по тематике «Coronavirus» как средство отражения гендерной идентичности автора. Основное внимание в статье акцентируется на выявлении различий между заголовками авторов-мужчин и авторов-женщин. Материалом для данной работы послужили газетные и журнальные статьи по теме «Covid-19» из немецких и российских СМИ: Zeit Online, FAZ Online (Frankfurter Allgemeine Zeitung), Welt Online, Правда, Российская газета, Московская правда.

Ключевые слова: заголовок; текст; публицистика; СМИ; гендерная идентичность; автор-мужчина; автор-женщина; различия; сходства; коронавирус.

Сегодня информационные технологии активно развиваются, и информация становится самым дорогим ресурсом. Поэтому трудно представить нашу жизнь без средств массовой информации. СМИ присутствуют практически в каждом регионе мира и пронизывают все общественно значимые сферы общества. Особый интерес представляет изучение гендерного аспекта, с точки зрения которого представляется возможным рассмотреть язык печатных СМИ [Черкун, 2013, с. 18–20].

Гендер является одним из параметров, в соответствии с которым раскрывается социальная идентичность говорящего. В большинстве случаев текст, составленный и написанный мужчиной, лучше воспринимается мужчиной, и, наоборот, текст, составленный женщиной, лучше понимается женщиной. Согласно исследованиям Н. В. Белой, для мужского языка характерна фактическая направленность, для женского — эмоциональная. Автор приходит к выводу, что женский язык сложнее мужского с точки зрения грамматики и стилистики. По мнению автора, цель порождения речи у мужчин — передать собеседнику определенную информацию. Для женщин важнее не сообщение фактов, а скорее отношение к ним. Поэтому язык женщин более разнообразен [Белая, 2010, с. 20–23].

В связи с этим на примере текстов авторов-женщин и авторов-мужчин в русскоязычной и немецкоязычной прессе проанализированы особенности заголовков по тематике «Covid-19». Материалом для данной работы послужили газетные и журнальные статьи из следующих СМИ: Zeit Online, FAZ Online (Frankfurter Allgemeine Zeitung), Welt Online, Правда, Российская газета, Москов-

ская правда. Выбранные издания являются общенациональными и наиболее влиятельными, web-сайты указанных изданий достаточно развиты. Они предлагают различные статьи, затрагивающие острые проблемы современной политики, здравоохранения и жизни общества.

Заголовок публикации — неотъемлемый элемент издания. Заголовки предназначены для привлечения внимания и интереса читателя, поэтому чаще всего они имеют яркое и эффектное оформление заголовка. Они составлены таким образом, чтобы читатель легче ориентировался в обширном газетном материале. А. П. Бессонов писал, что заголовок — «это своего рода вывеска, и чем она красочнее, тем больше гарантии, что материал будет прочитан» [Бессонов, 1958, с. 3]. Термин «заголовок» имеет разнообразное толкование в лингвистических словарях. Так, например, в толковом словаре Ожегова слово «заголовок» трактуется как название небольшого произведения, статьи. Заметка под броским заголовком [Ожегов, Шведова, 1999, с. 202]. В современном словаре иностранных слов заголовок трактуется как:

1. Название книги, сочинения или части их; заглавие.
2. Название литературного, научного, музыкального произведения или его части; заголовок [Ланда, 2000, с. 322].

Далее перейдем к анализу заголовков и проявления их гендерной специфики. Рассмотрим заголовки у авторов-мужчин. Характерной прагматической чертой заголовков авторов-мужчин, как известно, является документализм, объективность представления событий и фактов и подчеркнутая фактологическая точность [Брандес, 2004, с. 207].

Для оформления заглавий авторы-мужчины выбирают практически всегда простые и повествовательные по цели высказывания предложения. Приведем примеры:

- Das Gegenteil von Hilfe. — Противоположность помощи (Zeit Online, 25.02.2021).
- Das sind die gelockerten Corona-Maßnahmen. — Это ослабленные меры короны (Zeit Online, 18.02.2021).

В подобном способе изложения не используются сложные грамматические конструкции, а также отсутствует лексика с различной стилистической окраской, что свидетельствует о низкой степени экспрессивности языка мужчин журналистов.

В отличие от автора-женщины автор-мужчина в своих заголовках, в той или иной степени, пытается дать прогноз. Для оформления темы чаще всего выбирают вопросительные или повествовательные предложения. Рассмотрим следующие заголовки, отражающие изложенные положения:

- Насколько опасен «британский» штамм коронавируса? (Московская правда, 11.01.2021).
- «Вектор»: Высокий уровень антител не гарантирует защиту от COVID-19 (Российская газета, 27.02.2021).
- Corona-Impfungen retten Senioren. — Прививки от короны спасают пожилых людей (FAZ Online, 27.02.2021).

Кроме того, автор-мужчина в своих заголовках анализирует кризисные ситуации. Проанализируем примеры:

- RKI registriert 7890 Corona-Neuinfektionen und 157 neue Todesfälle.— RKI регистрирует 7890 новых случаев заражения коронавирусом и 157 новых смертей (Welt Online, 28.02.2021).

- Коронавирус-мутант может «обманывать» антитела (Московская правда, 07.12.2020).

- Китайская вакцина против коронавируса эффективна на 86% (Правда, 10.12.2020).

В приведенных примерах авторы-мужчины используют такие сложные слова как: «Corona-Neuinfektionen», «neue Todesfälle», «Коронавирус-мутант». Это свидетельствует о том, что в своих заголовках автор-мужчина стремится при помощи минимальных языковых средств представить максимум информации, применяя принцип языковой экономии. К тому же можно выделить еще одну особенность: использование в заголовках числительных: «7890 Corona-Neuinfektionen/157 neue Todesfälle», на 86%. Это подтверждает тот факт, что мужчины стремятся к точности, объективности приведенных данных.

Далее рассмотрим заголовки авторов-женщин:

- Fangt einfach an! — Просто начни! (Zeit Online, 25.02.2021).

- Das war ein geiler Impftag! — Это был отличный день вакцинации! (FAZ Online, 25.02.2021).

- Планета протестует (Правда, 15.02.2021).

В заголовках авторов-женщин часто встречаются восклицательные предложения, что свидетельствует об излишней эмоциональности авторов в рамках данной тематики. Женщины часто используют восклицательные предложения для выражения различных чувств: восхищения, радости, страха и т. д. Например, в предложении Das war ein geiler Impftag! (Это был отличный день вакцинации!) женщина-автор дает положительную оценку дню вакцинации при помощи молодежного эпитета geil. Тем самым подчеркивается высокая степень важности вакцинации.

Нетрудно заметить, что предложения авторов-женщин более сложны с точки зрения грамматики и стилистики, чем у мужчин.

- Пандемия сделала людей добрее и справедливее (Российская газета, 26.02.2021).

- Говоря с детьми о коронавирусе, не преуменьшайте проблему (Московская правда, 20.11.20).

- Омский театр посвятил мюзикл врачам, перенесшим COVID-19 (Российская газета, 28.02.2021).

В данных заголовках используются такие особенности как: деепричастные обороты (*говоря с детьми о коронавирусе*), сравнительная степень имен прилагательных (*добрее и справедливее*). Сравнительная степень используется для выражения оценки, в данном случае положительной. Кроме того, в приведенных примерах речь идет о детях, животных, искусстве, взаимоотношениях между людьми: «Пандемия сделала людей добрее и справедливее», «Омский театр посвятил мюзикл врачам, перенесшим COVID-19», «Говоря с детьми». Здесь нельзя не согласиться с мнением Е. В. Луганской о том, что «женское ассоциативное поле выглядит более «гуманистическим, чем мужское»» [Луганская, 2003, с. 59].

Женщины-авторы лучше чувствуют состояние окружающих, то есть проявляют больше эмпатии (сострадания, сочувствия). Приведем еще несколько примеров, подтверждающих сказанное:

- Hamburgs Corona-Katzen sind wieder gesund — Гамбургские кошки с коронавирусом снова здоровы (Welt Online, 27.02.2021).
- Gesundheitsamt muss Impfung für Mädchen prüfen — Департамент здравоохранения должен проверять вакцинацию девочек (FAZ Online, 12.02.2021).

Итак, приведенные данные свидетельствуют о наличии гендерной специфики в заголовках авторов-мужчин и авторов-женщин. Женщины подходят к этой задаче комплексно, в то время как мужчины подходят к формулированию заголовков, используя логику и факты. В «мужских» заголовках в большинстве случаев речь идет о глобальных вопросах, в то время как в «женских» о взаимоотношениях людей, об искусстве и т. д.

Структура заголовка также является гендерно-маркированным фактором: авторы-мужчины стремятся к точности при помощи принципа языковой экономии и числительных, в то время как в структуре заголовков у авторов-женщины по тематике «Covid-19» проявляется большее разнообразие в применении сложных грамматических конструкций и стилистических средств для усиления экспрессивности языка.

Литература

1. Белая, Н. В. Гендерная картина мира и образы маскулинности и феминности / Н. В. Белая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – 2010. – № 1. – С. 21– 23.
2. Бессонов, А.П. Газетный заголовок. — Л.: Наука, 1958. — 62 с.
3. Толковый словарь русского языка. / С.И.Ожегов и Н.Ю.Шведова // 4-е изд. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. - М.,1999.- С. 202.
4. Современный словарь иностранных слов. / Н. М. Ланда и др. // 3-е изд. — М., 2000.-С. 322.
5. Черкун Е.Ю. Гендерная спецификация немецкоязычных публицистических текстов. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. — 168 с.

HEADLINE AS MEANS OF REFLECTING THE GENDER IDENTITY OF THE AUTHOR (IN THE TEXTS OF JOURNALISM ON THE TOPIC «COVID-19»)

Elena Yu. Cherkun
Cand. Sci. (Philol.),
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: tscherkun@mail.ru

Elvira B. Bazarova
Student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: elya.bazarova2001@gmail.com

Abstract. This article analyzes the features of headings as a means of reflecting gender identity on the specified topic "Coronavirus". The main focus of the article is to identify the differences between the titles of male and female authors. The material for this work was

newspaper and magazine articles on the topic of "Covid-19" from the following media: Zeit Online, FAZ Online (Frankfurter Allgemeine Zeitung), Welt Online, Pravda, Rossiyskaya gazeta, Moskovskaya Pravda.

Keywords: headline, text, journalism, mass media, author-male, author-female, differences, similarities, gender identity, coronavirus.

УДК 81'38:811.111:32

ДИНАМИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ЭВФЕМИЗМОВ КАК МАНИФЕСТАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

© *Эрдынеева Дарима Дашадоржиевна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: erdari@mail.ru

© *Хантаева Александра Андреевна*

магистрант,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: sasha_hantaeva1999@mail.ru

Аннотация. Политическая корректность как явление стремительно развивается на протяжении многих лет, внося изменения в английский язык. Эвфемизмы являются манифестациями политкорректности и широко используются политиками в качестве средств манипуляции. Авторы рассматривают выражения, часто встречающиеся в американских новостных статьях сети Интернет. Анализ примеров показывает, что эвфемизмы — это динамичные языковые единицы. Об этом также свидетельствует анализ ряда выражений, способных поменять оценочность под влиянием контекстов употребления, функционирующих как аксиологический фильтр.

Ключевые слова: политическая корректность; эвфемизмы; политический дискурс; новостные статьи; манипуляция; оценочность; аксиологический фильтр.

Идея политкорректности впервые зародилась примерно тридцать лет назад в США, стремительно развиваясь в американском обществе в последующие годы и распространяясь в других странах. За относительно короткий промежуток времени роль политкорректности возросла в разы, внося в английский язык важные изменения. Последние касаются расовой принадлежности, толерантного отношения к национальным и сексуальным меньшинствам и пр.

Для адекватного понимания политкорректности необходимо обратиться к дефинициям слова «*political correctness*», приводимые из наиболее авторитетных словарей:

- conforming to a belief that language and practices which could offend political sensibilities (as in matters of sex or race) should be eliminated [Merriam-Webster Dictionary, 2019];

- the attitude or policy of being extremely careful not to offend or upset any group of people in society who have a disadvantage, or who have been treated differently because of their sex, race, or disability [Collins Dictionary, 2019];
- the principle of avoiding language and behaviour that may offend particular groups of people [Oxford Learner's Dictionaries, 2021].

Опираясь на вышеперечисленные дефиниции, можно резюмировать, что их объединяет общая идея о том, что любые проявления оскорбительного в языке или поведении по отношению к другим людям являются недопустимыми.

Несомненно, политкорректность занимает важное место в речи и поведении политиков. Так, интенцией политика является желание предстать перед публикой вежливым и чутким к проблемам людей. Кроме того, политик пытается завоевать благосклонность электората, в первую очередь, представляя себя в более выгодном свете, чем его политический оппонент.

Неудивительно, что в своей речи политический деятель пытается исключить слова или выражения, которые могут вызвать неприятные ассоциации. В этой связи, политики широко используют такие языковые единицы как эвфемизмы.

Согласно мнению профессора И. Р. Гальперина, под эвфемизмом понимается слово или целая фраза, используемая для того, чтобы заменить менее приятное слово или выражение условно более подходящим [Гальперин, 1981].

В целом, эвфемизмы рассматриваются как синонимы для «неблагозвучных» слов и выражений и используются для «смягчения» обозначаемого понятия. Тем самым, создаётся возможность «безопасно» обсуждать неприятные и острые темы, при этом оставаясь политически корректным и не нарушая общественные условности.

Интересно рассмотреть функционирование различных эвфемизмов в речи современных американских политиков, представленных в новостных статьях в сети Интернет.

Безусловно, в настоящее время эвфемизмы наиболее часто встречаются при обсуждении такой темы как расовая дискриминация. Последняя представляет собой одну из наиболее острых проблем на территории США. Рассмотрим расхожее политически корректное понятие как «*person of color*» или «*people of color*». В Кембриджском словаре мы находим следующее определение этого выражения: «*some one who does not consider themselves to be white*» [Cambridge Dictionary, 2019].

Отмечаем, что этому обозначению отдают предпочтение многие американские политики. Так, Элизабет Уоррен, американский политик, сенатор США от Массачусетса с 2013 г., член Демократической партии, использовала выражение «*a person of color*» на одном из мероприятий, организованных в рамках своей предвыборной кампании:

«*I am not a person of color, I am not a citizen of a tribe. Tribal citizenship is very different from ancestry. Tribes — and only tribes — determine tribal citizenship, and I respect that difference*» [Krieg, 2019].

Использование эвфемизма «*a person of color*» в отношении самой себя иллюстрирует желание сенатора быть политкорректной.

Также Джо Байден (недавно выбранный Президент США), 30 августа 2019 г. заявил перед журналистами, среди которых было много афроамериканцев, следующее:

«*Who mever I pick, preferably it will be someone who was of color and/or a different gender, but I'm not making that commitment until I know that the person I'm dealing with I can completely and thoroughly trust as authentic and on the same page [as me]*» [Mucha, 2019].

В приведенном отрывке примечательно использование рассматриваемого эвфемизма (*who was of color*) в связке с другим эвфемизмом (*and/or a different gender*) как манифестаций политкорректной лексики.

Далее отмечаем широкое использование эвфемизма «*black people/person*» в дискурсе американских политиков. Например, вышеупомянутая Элизабет Уоррен во время своей речи, посвященной правам чернокожих женщин 22 ноября 2019 г. (на одном из мероприятий, организованных в рамках своей предвыборной кампании), сказала следующее:

«*The fighters I want to talk about tonight are Black women*» [Alter, 2019].

Политик акцентирует внимание на том факте, что ее выступление было адресным, направленным для женской половины афроамериканского сообщества США (кстати, отмечаем, что выступление было успешным, так как она получила поддержку чернокожих избирателей).

Кроме того, проблема нелегальной иммиграции также является злободневной темой, в обсуждении которой широко используются эвфемизмы. Так, газета The New York Times от 7 ноября 2019 г. опубликовала на своём вебсайте статью, в которой администрация Трампа подверглась критике из-за своей негуманной политики в отношении иммигрантов. Вместе с тем, говорится в данной статье, другой же американский независимый политик и общественный деятель левого толка, сенатор от штата Вермонт с 2007 г., Берни Сандерс, готов реформировать законодательную систему с тем, чтобы нелегальные иммигранты смогли законно получить гражданство:

«*The Trump administration's treatment of immigration exclusively as a criminal and national security matter is inhumane, impractical and must end*», the Sanders campaign wrote... «*As president, Bernie Sanders would make un documented immigration a civil matter, and fundamentally reform the government agencies tasked with enforcing immigration law in a way that views immigration as a historically valued process that's woven into our country's fabric*» [Epstein, 2019].

В статье используется такой эвфемизм как «*un documented immigration*» в отношении нелегальных иммигрантов. Представляется интересным, рассмотреть истоки появления этого эвфемизма. В настоящее время в медиапространстве США ведется немало дебатов по поводу того, какое выражение, обозначающее лиц — нелегальных иммигрантов, является политкорректным. Так, первоначальный юридический термин «*illegal alien*», высказанный однажды без политического контекста, сейчас имеет отрицательный подтекст, поскольку активно используется нативистами. Для пояснения, отметим, что нативизм — это политическая позиция, требующая благоприятствования и предоставления привилегированного статуса определенным установленным жителям нации по отношению к приезжим или иммигрантам. Нативизм обычно предполагает оппозицию иммиграции и поддержку усилий по снижению политического или правового статуса конкретных этнических и/или культурных групп, поскольку эти группы считаются враждебными или чуждыми естественной культуре и не могут быть ассимилированы.

Неудивительно, что данный термин вскоре был заменен на более нейтральное по смыслу выражение — «*illegal immigrant*». Последнее далее сменилось другим эвфемизмом — «*undocumented immigrant*». В редких же случаях можно встретить и такой расплывчатый по смыслу эвфемизм как «*unauthorized immigrant*».

Отметим, что сторонники использования эвфемизма «*undocumented immigrant*» в качестве аргумента приводят доводы о том, что никто не может быть нелегальным, и поэтому термин «*illegal immigrant*» является не только неуместным, но и грубым.

В продолжении темы иммиграции, можно привести в качестве примера текст из статьи на сайте CBS News от 20 августа 2015 г. относительно комментария Дональда Трампа о детях нелегальных иммигрантов:

«*What happens is they're in Mexico, they're going to have a baby, they move over here for a couple of days, they have the baby, » Trump said on Fox News Tuesday. He went on to say that he'd like to find out «whether or not anchor babies are citizens because a lot of people don't think they are»* [Flores, 2015].

Д. Трамп называет этих детей «*anchor babies*». Кембриджский словарь дает следующее определение этого выражения: «*a baby who is born in a country that gives all babies born there the right of citizenship, but whose parents are not citizens and do not have the right to live there*» [Cambridge Dictionary, 2019].

Представляется, что первоначально данное словосочетание функционировало как перифраз/эвфемизм, обозначая ребенка нелегальных иммигрантов, который получал право гражданства в силу самого факта рождения на территории США. Однако, в последнее время понятие «*anchor babies*» несет в себе ярко выраженную негативную оценочность. По мнению противников этого выражения, образ якоря «*anchor*» — отрицательный и подчёркивает тот факт, что рожденные на территории США дети иммигрантов используются родителями в качестве гарантии проживания в этой стране (несмотря на то, что такие случаи нечасты). Кроме того, по мнению тех же оппонентов, выражение дегуманизирует как самого ребёнка, в виду ассоциации с неодушевлённым предметом, так и родителей ребёнка, поскольку рождение ребёнка расценивается как меркантильное действие и сопряжено с задачей легализации родителей-иммигрантов.

Исходя из эволюции значения выражения «*anchor baby*» и изменения оценочности (как было упомянуто выше, это выражение имеет отрицательную оценочность), можно говорить о том, что данный эвфемизм функционирует в политическом дискурсе как дисфемизм.

Думается, что аналогичное превращение произошло и с выражением «*Extreme Vetting*». Как правило, данное словосочетание используется в качестве эвфемизма для обозначения явления «дискриминация мусульман». Использование этого выражения помогает абстрагироваться от грубой дискриминации в отношении религиозной или этнической группы. Это представляется релевантным, поскольку сейчас люди становятся все более чувствительными в плане восприятия своей национальной идентичности, особенно на фоне последних политических событиях в США.

Рассмотрим твит (сообщения в социальной сети «Twitter») Д. Трампа, опубликованный на сайте CBSNews от 1 ноября 2017 г:

«*I have just ordered Homeland Security to step up our already Extreme Vetting Program. Being politically correct is fine, but not for this!*» [Guild, 2019].

Д. Трамп использует фразу «*Extreme Vetting*» в качестве расхожего эвфемизма. Примечательно, что сам контекст при этом несет в себе отрицательную оценочность (текст выглядит как угроза в адрес потенциальных террористов-мусульман). Отмечаем, что контраст во втором предложении «*Being politically correct is fine, but not for this!*» явственно указывает на то, что выражение «*Extreme Vetting*» — это политически корректная фраза. Однако выражение «*but not for this!*», на наш взгляд, меняет оценочность рассматриваемого эвфемизма — с нейтральной на отрицательную. Представляется, что дискурс Д. Трампа сработал как аксиологический фильтр, вызвавший изменение оценочности эвфемизма.

Итак, несмотря на тот факт, что термин «политкорректность» был введен для обозначения терпимого отношения к разным категориям людей, а также явлениям общественной жизни, выясняется, что политкорректность — это феномен, который подвергся значительным изменениям. Очевидно, что политкорректность — это инструмент манипуляции в речи политиков.

Кроме того, в ходе исследования эвфемизмов выясняется, что данные языковые выражения развиваются, динамичны по своей природе. Об этом свидетельствует анализ эвфемизмов, способных поменять оценочность под влиянием контекста употребления, функционирующего как аксиологический фильтр.

Литература

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. — М.: Высшая школа, 1981. — 334 с.
2. Blair Guild. What is extreme vetting? White House outlines proposed immigration policy [Электронный ресурс]. — CBS News 2017. — <https://www.cbsnews.com/news/what-is-extreme-vetting/> (10.12.19).
3. CambridgeDictionary [Электронный ресурс]. — <https://dictionary.cambridge.org/ru/person-of-colour> (09.01.2021).
4. CambridgeDictionary [Электронный ресурс]. — <https://dictionary.cambridge.org/ru/anchor-baby> (09.01.2021).
5. Charlotte Alter. Elizabeth Warren Needs Black Women to Vote for Her. Here's Her Plan to Win Their Support [Электронный ресурс]. — Time 2019. — <https://time.com/5736613/elizabeth-warren-black-women-voters/> (15.12.19).
6. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. — <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/political-correctness> (14.11.2019).
7. Gregory Krieg. Elizabeth Warren in Iowa: 'I am not a person of color' [Электронный ресурс]. — CNN 2019. — <https://edition.cnn.com/2019/01/05/politics/elizabeth-warren-iowa-campaign-native-american/index.html> (20.12.19).
8. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. — <https://www.merriam-webster.com/dictionary/politically%20correct> (14.11.19).
9. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. — <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/political-correctness?q=political+correctness> (31.01.2021).
10. Reena Flores. The political fight over the term "anchor babies" [Электронный ресурс]. — CBS News 2015. — <https://www.cbsnews.com/news/the-political-fight-over-the-term-anchor-babies/> (25.10.19).
11. Reid J. Epstein. Bernie Sanders Wants to 'Break Up' ICE [Электронный ресурс]. — The New York Times 2019. — <https://www.nytimes.com/2019/11/07/us/politics/bernie-sanders-immigration.html?auth=login-email&login=email> (15.12.19).

THE DYNAMIC CHARACTER OF EUPHEMISMS AS MANIFESTATIONS
OF POLITICAL CORRECTNESS IN THE DISCOURSE OF THE CONTEMPORARY
AMERICAN POLITICIANS

Darima D. Erdyneeva
Cand. Sci. (Philol.),
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: erdari@mail.ru

Alexandra A. Khantaeva
Master's Degree Student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: sasha_hantaeva1999@mail.ru

Abstract. Political correctness as a phenomenon has been rapidly developing through the years, causing changes in the English language. Euphemisms are manifestations of political correctness. Euphemisms are widely used by politicians who treat them as means of manipulation. The article considers the euphemisms that are often found in American news articles on the Internet. The analysis of the euphemisms showed that these linguistic expressions are dynamic ones. This is also proved by the review of a number of euphemisms that undergo evaluation changes due to the context functioning as an axiological filter.

Keywords: political correctness, euphemism, political discourse, news articles, manipulation, evaluation, axiological filter.

УДК 808: 81'112.2

**«ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ» ОПИСАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ
КУЛЬТУРЫ (ПО ДАННЫМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ
ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ)**

© *Лиханова Надежда Анатольевна*
кандидат филологических наук,
Забайкальский государственный университет
Чита, Российская Федерация
E-mail: nadezh-l@yandex.ru

Аннотация. Статья ориентирована на получение новых знаний в области этнолингвистики и раскрывает регионально-культурные связи языка и общества. В статье речь идёт о специфике формирования диалектной культуры Восточного Забайкалья. Актуальность статьи связана с поиском таких источников этнолингвистической информации, которые на конкретном фактическом языковом материале продемонстрируют специфику культурных смыслов, отражённых в знаках вербального языка, раскроют способ формирования этнолингвистической модели.

Ключевые слова: этнолингвистика; этнолингвистическая модель; логико-понятийная схема описания; региональные словари; диалект.

Этнокультурологический параметр является неотъемлемой частью лингвоантропологического направления, в котором «мы можем рассматривать язык как выраженное в символах руководство по культуре. Язык есть вместе с тем важ-

нейшее средство изучения культурных явлений. Многие объекты и идеи культуры настолько взаимосвязаны с их терминологией, что изучение инвентаря культурно-значимых единиц нередко бросает неожиданный свет на историю открытий и идей» [Sapir, 1949, p. 177]. Это утверждение Э. Сепира способствовало формированию такого лингвоантропологического направления как этнолингвистика, где изучаются явления языка с привлечением этнологических, исторических, культурных, семиотических знаний.

Изучение словарного состава народных говоров как источника этнолингвистической информации, как средства постижения лингвокультуры определенного этноса является актуальной задачей как для этнолингвистики, так и для диалектной лексикографии. Одним из способов описания диалектной картины региона является анализ логико-понятийных групп диалектных лексем с учетом их этнокультурной информации.

Для этнолингвистического анализа А. С. Герд разработал «логико-понятийную систему» (схема, модель) изучения групп лексики. Смоделировать её возможно только путем привлечения не только широкого круга лингвистических источников, но и исследований по этнографии, истории, культуре. Ученый определил её следующим образом: «логико-понятийная система строится как модель знания о мире в том или ином ареале для определенного исторического периода. Если мы знаем тип этноса, такая модель представляет собой логико-понятийную схему знаний о мире у данного народа. Подобная классификационная логико-понятийная схема удобна тем, что она может строиться отдельно по ареалам, векам, источникам» [Герд, 1995, с. 63]. Автор данной логико-понятийной системы отмечает, что она может отражать, например, иерархию персонажей мифов по письменным источникам, диалектам, по народным поверьям и т. д. А. С. Гердом представлены фрагменты модели по теме «Жилище», «Домашняя утварь. Посуда», дана характеристика моделям мифологических существ, исследованы микрополя «Водяные существа», «Персонажи-повелители». Вся логико-понятийная структура представляется им как единство различных понятийных макро- и микрополей (групп) разного уровня, которые являются презентантами проникновения в мир знания народа, индивида.

Изменения, которые происходят в науке, приводят к необходимости описания региональной культуры через универсальные единицы языка. Требуется переосмыслить энциклопедические и культурно-исторические элементы в толковании значения слова, пересмотреть функции контекстного материала словарной статьи, в результате чего и возникают новые подходы к изучению лексикографических источников. Так, логико-понятийные группы способствуют формированию *этнолингвистической модели описания региональной культуры*.

Прежде всего, концептуальное описание диалекта ориентировано на выявление внутренней логики диалектной номинации, где изучение диалектного материала даёт информацию о жизни и быте целых поколений людей, где за каждым из таких слов стоят история, судьбы, традиции русского села. В этом отношении специалист по языку Иванищева О. Н. отмечает, что «лексикографирование элементов культуры — процесс сложный, так как приходится вербализовать то, что трудно передать словами: ассоциации, представления, ощущения, воспоминания. Дело осложняется еще и тем, что при передаче информации в словаре необходимо говорить о том, что известно одному, так, чтобы это понял другой <...> как

представить элементы культуры <...> так, чтобы по возможности соблюсти баланс между „понимать“ и „знать“» [Иванищева, 2004, с. 3].

Следует учитывать, что этнокультурная информация в условиях словарного и текстового фонового контекста происходит за счёт подключения дополнительных способов в зависимости от характера единицы. Определим составляющие для реконструкции этнолингвистической модели описания регионального материала.

Этимологический комментарий — человек как носитель языка может не обнаруживать интереса ко многим важным научным проблемам языкознания, может даже не подозревать об их существовании, но трудно допустить, чтобы он хотя бы раз в жизни не задумался над происхождением тех или иных слов родного языка. Следует также признать, что методика «культурной этимологии» (термин С. М. Толстой) разработана явно недостаточно. Более того, сам материал (например, лексика обрядов и верований) нередко оказывается в «подвешенном состоянии», поскольку находится на пограничье сфер компетенции лингвиста (диалектолога, этимолога) и этнографа. Лингвист, изучающий диалектную лексику, в силу недостаточного владения этнографическим материалом также не в состоянии обеспечить полноты и необходимой систематичности воспроизведения культурной терминологии. Указанные языковые факты становятся объектом изучения этнолингвистики, призванной обеспечить комплексный подход к их интерпретации.

Обнаруживаются системно-языковые связи культурно-исторических групп, где прочитывается на невербальном уровне культурная символика. Следовательно, в диалектной единице рассматриваются функции обрядовости, определённой знаковости, семиотический аспект коннотации. Современными этнографами и лингвистами отмечается, что, например, в обрядовой форме, как правило, резко увеличивается количество используемых знаковых систем (словесный язык, музыка, жесты, пение, танцы и др.). Человек и всё, что его окружает (постройки, утварь, элементы ландшафта), приобретает статус знаковых объектов. Как отмечал А. К. Байбурин, «происходит семиотическое удвоение мира, точнее, переключение с одного вида реальности на другой», основным признаком которого является знаковость» [Байбурин, 1993, с. 221].

В дополнение к сведениям о предмете, естественно, необходимо знать как то или иное название возникло. Только в этом случае получается полное представление о нём, обнаруживается истинное место реалии в истории, культуре, образе жизни этноса. При этнолингвистическом анализе диалектных единиц происходит наблюдение за историческим развитием слова. Становится возможным раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни, которые сопровождаются культурными комментариями. Как правило, слово в тексте памятника письменности несёт конкретную информацию, а в словаре попадает в особую среду, которая полнее высвечивает связи слова и хронологизирует его семантические изменения за определённый период времени.

Кроме того, при этнолингвистическом анализе учитываются межкультурные (межэтнические) связи между народами, в частности, проживающими на территории Забайкалья. Влияние межкультурной коммуникации представляет собой сложную модель коммуникации, которая проявляется как в самом значении диалектного слова, так и в представленном контексте. Рассмотрение диалектной

единицы в этноязыковом ракурсе подчёркивает тот её аспект, который рельефно проявляется в известном противопоставлении чужих культур и собственной культуры. По мысли М. М. Бахтина, это «даёт возможность раскрывать слово полнее, обнажая перед нами новые смысловые глубины» [Бахтин, 1979, с. 47].

Таким образом, принципы построения этнолингвистической модели региональной народной культуры *должны включать*: этимологический комментарий; семиотический аспект (знаковость); обрядовую функциональность; историческое развитие содержания слова; учитывать территориальное распространение диалектного слова; межкультурные (межэтнические) связи.

В качестве примера реконструкции этнолингвистической модели рассмотрим региональную единицу *курсун*, *курсунок*. Семантизируется она как «лепешка из толченых ягод», готовилось кушанье из тех ягод, которые росли в Забайкалье: черемуха, брусника и т. д. Сравним контекст: «*Подавала мне сватья курсун из брусники и сказала: кушай на здоровьице. До того вкусный был курсун, что даже пальцы облизала*». Являлись курсуны ритуальной пищей: «*По всей деревне к каждому празднику курсуны делали. Первым угощением был курсун*» [Элиасов, 1980, с. 166].

Близка по значению и лексема *курсун* — «пирожки с черемухой или с маком». Контекст «*Курсуны на диво удались. Такими курсунами и самого царя угощать можно было. Да, вот видишь, царя сбросили, и пришлось курсуны простенькому солдату скормить*» [Элиасов, 1980, с. 177].

По данным «Энциклопедии Забайкалья», *курсун* напоминали круглые пряники. Их сушили на солнце и для запаса на зиму нанизывали связками на шнурки. Кроме того, смолотая в муку сушеная черемуха использовалась для начинки пирожков [Энциклопедия Забайкалья 2000, с. 274].

В СРНГ *курсун* обозначает «лепешку из толченых ягод черемухи; пастила из черемухи». Этот вид пищи мог храниться в течение долгого времени в сушеном виде: «*Вынесла из казенки (чулана) целый мешок курсунов*». Лексема *курсун* — «лепешка из сухих смолотых ягод черемухи, боярки», или же это «пряники из молотых ягод черемухи, которые высушивают на солнце», распространенная в забайкальских, в том числе нерчинских и иркутских говорах [СРНГ, 1978, т. 14, с. 373].

Согласно материалам словаря В. И. Даля, *курсунь* — «лепешка из битыхъ, толченыхъ ягод черемухи, черемуховая пастила», имеющая хождение в иркутских говорах [Даль, 1980, т. 2, с. 170].

Этимологический анализ дает следующую информацию: *курсун* — «лепешка из творога или из сухих молотых ягод», или «лепешка из сухих смолотых ягод черемухи, боярки и т. п.», что зафиксировано в нерчинских, амурских говорах. *Курсуны* — это «пряники из молотых ягод черемухи, высушиваемые на солнце», *курсун* — «лепешка из толченых ягод черемухи, пастила из черемухи» в иркутских, забайкальских, бурятских говорах. *Кориуны* — «сладкие лепешки из черемухи» — функционируют в амурских говорах. Заимствовано, возможно, из бурятского *хурһа(н)*, что значит «самодельные пряники (изготовленные из квашеного молока и ягод черемухи)» [Аникин, 1997, с. 345].

В историческом очерке К. Д. Логиновского «О быте казаков Восточного Забайкалья» лексема описана следующим образом, «какъ лакомство, зимой Бдять... и курсуны изъ черемухи, битой на каменной плитѣ. Курсуны по своей

формѢ и величинѢ напоминаютъ собой круглые пряники. Только что приготовленные курсуны сушатъ на солнцѢ и нанизываютъ связками на шнурки для зимнего запаса. Курсунами въ большинствѢ случаевъ угощаютъ дѣтей» [Логоновский, 1902].

Лексема *курсун/курсун* обозначает, таким образом, вид кушанья, распространенного на забайкальской и иркутской территории, что подчеркивает этнокультурную уникальность анализируемой лексемы. Использовали как лакомство в зимний период времени, где шёл особый процесс заготовки *курсун* из черемухи, боярки, брусники и других ягод. Подобные фрагменты, в частности из группы «Наименование пищи», и формируют этнолингвистическую модель определённой региональной культуры.

Соответственно, в антропологической лингвистике широко используется метод моделирования, так как он даёт возможность схематически, логически выстраивать, прогнозировать и объяснять процессы, происходящие в рамках языка. Этнолингвистика также предполагает заниматься построением моделей, отображающих процессы речемыслительной деятельности человека, в частности на базе региональных артефактов языка. Построение этнолингвистической модели описания фактов региональной народной культуры делает описание лексики говоров более полным и достоверным.

Литература

1. Аникин — Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири / А.Е. Аникин. — Новосибирск: Наука СО РАН, 1997. — 774 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. — Санкт-Петербург: Наука, 1993. — 240с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — Москва: Искусство, 1979. — 424с.
4. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учеб. пособие / А.С. Герд. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 1995. — 280с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. — Москва: Русский язык, 1978-1980. — Т.2. — 712 с.
6. Иванищева О.Н. Лексикографирование культур в двуязычном словаре: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. / О.Н. Иванищева. — Санкт-Петербург: СПбГУ., 2004. — 410с.
7. Логоновский К.Д. О быте Казаков Восточного Забайкалья / К.Д. Логоновский // Живая старина. — 1902.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред Ф.П. Филин. — Ленинград: Наука, 1978. — Вып.14. — 377 с.
9. Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры / С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. — М., 1989. — С. 215-229.
10. Элиасов — Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л.Е. Элиасов. — Москва: Наука, 1980. — 472 с.
11. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 4 т. Общий очерк / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. — Новосибирск: Наука, 2000. — 302с.
12. Sapir E. Selected writings in language, culture and personality/ E. Sapir.— Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1949. — 593 p.

«ETHNOLINGUISTIC MODEL» DESCRIPTION OF THE DIALECTAL CULTURE
(ACCORDING TO THE REGIONAL DICTIONARIES
OF EASTERN TRANSBAIKALIA)

Nadezhda A. Likhanova
Cand. Sci. (Philol.),
Transbaikalian State University
Chita, Russia
E-mail: nadezh-l@yandex.ru

Abstract. This article is project is oriented on receiving of new knowledge in the field of ethnolinguistics and revealed the of the dialect culture of Eastern Transbaikalia. The paper deals with the peculiarities of the regional linguistic picture of the world. The actuality of the article is connected with search of such sources of ethnolinguistic information which would have demonstrated the specificity of cultural meanings reflected in the signs of verbal language on the specific factual material of different epochs, they will reveal the specifics of the formation of an ethnolinguistic model.

Keywords: ethnolinguistic, ethnolinguistic model, logical-conceptual diagram of the description, regional dictionaries, dialect.

УДК 811.512.37

**О ФОРМАХ ГЛАГОЛЬНОГО СКАЗУЕМОГО В МОНГОЛЬСКИХ
ДИАЛЕКТАХ (НА ПРИМЕРЕ КИТАИЗМОВ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ)**

© *Илчи*

доктор филологических наук, профессор,
Институт монголоведения Педагогического университета Внутренней Монголии
Хух-Хото, КНР
E-mail: bayar_pak@yahoo.com
monliterature@gmail.com

Аннотация. В статье автор представил результаты полевых исследований диалекта цахар. Цахарский диалект является одним из шести диалектов Внутренней Монголии и имеет свои уникальные особенности, которые отличают его от других 5 диалектов. Одной из таких особенностей является глагольная форма “М + хii-“, заимствованная из китайского языка, и этот феномен диалекта цахар был проанализирован с теоретической и методологической точки зрения, что объясняет сходство многих языков на уровне языковой структуры.

**ЗАРИМ НУТГИЙН МОНГОЛ ЯРИА ДАХЬ “М¹ + хii-” ХЭЛБЭРИЙН ҮЙЛ
ӨГҮҮЛЭХҮҮНИЙ ТУХАЙ**

Аннотаци. Тус өгүүлэл бол зохиогчийн Цахарын аман аялгууг судалсан хээрийн шинжилгээний судалгааны ажлын үр дүн болно². Цахарын аман аялгуу бол Өвөр Монголын 6 аман аялгууны нэг бөгөөд бусад 5 аман аялгуунаасаа ялгарах өөрийн

¹ Хятад хэлнээс Монгол хэлэнд орсон үгийг хэлж байна.

² Тус өгүүлэлд ашиглан буй материал нь зохиогчийн 2012 онд Шилийн гол аймгийн Шулуун хөх хошуу ба Тайфус хошуунд хийсэн хээрийн шинжилгээний ажлын материал болно .

гэсэн өвөрмөц онцлогтой билээ. Энэ онцлогийн нэг нь хятад хэлнээс зээлсэн “М + хii-” гэсэн үйлийн хэлбэр бөгөөд Цахарын аман аялгуунд байгаа хэлний энэ үзэгдлийг, хэл зүйн бүтцийн түвшинд, олон хэлний ойртон ижилсэх байдлыг тайлбарладаг онол- арга зүйн үүднээс задлан шинжилсэн байна.

Ключевые слова: хэлний ойртон ижилсэх үзэгдэл; " М + хii- " хэлбэр; хэл зүйн онцлог; Цахарын аман аялгуу.

Аливаа хэл нь хөгжих явцдаа дотоод, гадаад хоёр талын хүчин зүйлийн улмаас өөрчлөгдөн хувирдаг. Дотоод хүчин зүйл гэдэг нь тухайн хэлний өөрийнх нь хөгжлийн жам хууль болно. Харин гадаад хүчин зүйл гэдэг нь хэлнүүд ойртон ижилссэний нөлөөгөөр хувирч өөрчлөгдөн, төлөвшин тогтохыг хэлж байна. Хэл нь өөрөө амьд, хөдлөнгө чанартай үзэгдэл учраас амьд бодит ахуйн орчноос шалтгаалан хувирч байдаг гэсэн үг юм.

Ямар ч хэл хоорондоо харилцан ойртож болно. Жишээ нь: Төрөл хэлүүд хоорондоо, төрөл бус хэл ч өөр хоорондоо харилцан ойртож, хэлний янз бүрийг үзэгдэл, хэв маягийг бий болгож болдог. Тэгэхээр хүн төрөлхтний бүх хэлэнд ийм үзэгдэл оршиж байдаг. Харин энэ үзэгдэл нь ямар хэмжээнд байна вэ? гэдгээрээ л ялгардаг.

Монгол — Хятад хоёр үндэстэн түүхийн урт удаан хугацаанд, олон талын харилцаатай байгаа нь, эл хоёр үндэстний хэл хоорондоо ойртох үзэгдлийг бий болгожээ. Монгол, хятад хоёр хэлэнд хоорондоо харилцан үг зээлсэн, солилцсон, улмаар тэр нь хэвшин тогтсон, төлөвшсөн ... зэрэг олон элемент байдаг нь, хоёр үндэстний харилцааны түүхэн хөгжлийн урт удаан замналыг давхар илтгэж байна.

Хэлний ойртон ижилсэх үзэгдэлд хамгийн амархан автдаг, өртдөг нь үгийн сангийн салбар болно. Яагаад тухайн хэлний үгийн сангийн хооронд хэлний ойртон ижилсэх үзэгдэл нэн түрүүнд явагддагийг судлаачид онол, парактикийн аль ч түвшинд судлан тогтоосон байна.

Гэвч, харь хэлний үг нь зээлэгдэж орж ирснийхээ дараа, хэлний хэрэглээний явцад үгсийн сангийн утгаа илэрхийлэхээр зогсохгүй, хэл зүйн талаар уугуул хэлний үгтэй нэгдэж, хэл зүйн нэгэн сонирхолтой бүтцийг бий болгодог нь цөөнгүй ажиглагддаг байна. Энэ асуудалд хэл шинжээчид анхааралаа хандуулсаар иржээ.

Тус өгүүлэлд авч үзэж буй "М + хii-" гэсэн хэлбэр нь зөвхөн ярианд хэрэглэгдэх мөртлөө, тухайн нутгийн хүмүүс нь сэтгэцийн талаас дурдан буй хэлбэрийг Хятад хэлнээс орж ирсэн гээд, хэрэглэхдээ ихэд чармайх, хичээх, хэрэв хэрэглэж эс чадах аваас зарим тохиолдолд хэрэглэгддэггүй, хэрэглэхээсээ зайлсхийж, зугтдаг байна.

Нэг. Зээллэг үйл үгийн талаарх өмнөх үеийн судалгаа ба онолын ойлголт
Хэлүүд ойртолцох явцдаа:

- Чухам ямар элемент нь зээлж (зээлэгдэх¹) боломжтой байдаг вэ?

¹ Тус өгүүлэлд хэрэглэж байгаа зээлэх буюу зээлэгдэх гэх нэрийдэл нь хэлний ойртон ижилсэх үзэгдлийн онолд байнга харагддаг “borrowing” гэх нэрийдэлтэй шууд тохирохгүй бөгөөд хэлний ойртон ижилслээс үүдэн бий болсон олон зүйлийн үзэгдлийн ерөнхийлсөн нэрийдэл болохыг тодорхойлъя.

• Эдгээр элементийн зээлэгдэх боломжийн хэмжээ нь ямар дарааллаар жагсдаг вэ?

гэх хоёр асуулт нь хэлний ойртон ижилслийг тодруулах судалгаанд ямагт дурдагддаг. Жишээ нь: Matras (2007) нь дэлхийн янз бүрийн газар орны 27 хэлэнд судалгаа хийсний дүнд, дараах загварыг буюу “давтамжид суурилсан дараалал” (frequency-based hierachy)-г баталсан байна.

“Жинхэнэ нэр, Холбох үг > Үйл үг > Хэлэхүйн тэмдэг (Discourse marker) > Тэмдэг үг > Аялга үг > Дагавар үг > Сул үг > Залгавар > Тооны үг > Төлөөний үг > Үг бүтээх дагавар > Үг хувилгах > Нөхцөл”.

Түүний үзэж байгаагаар хэлний элемент нь ийм дарааллаар зээлэх (буюу зээлэгдэх) давтамж нь хорогдож, цөөрч, багасч ирдэг байна. Үүгээр үзэх юм бол, тус өгүүлэлд дурдах гэж байгаа үйл үг нь үгсийн санд ч зээлэгдэхэд хялбархан элементэд багтдаг юм байна.

Тэгвэл үйл үгийн тухай бас олонх эрдэмтэд, үйл үг нь А хэлнээс В хэлэнд үйл үг хэвээрээ зээлэгдэж болдог гэж үздэг байхад Moravcsik (1978, 2003) нарын нэг хэсэг эрдэмтэд “үйл үг нь А хэлнээс В хэлэнд зээлэгдэхдээ заавал нэр үгийн хувиар зээлэгдэж, дараа нь В хэлэнд үйл үг болох явц (verbelize)-г өнгөрөөх хэрэгтэй” гэсэн үзлийг баримталсаар иржээ. Тэгвэл энэ асуудал орчин үеийн монгол хэлний ярианы хэлэнд чухам ямархуу хэмжээгээр тусгагдсан вэ? Энэ асуудлыг тодруулахын тулд бидний хээрийн шинжилгээний үр дүнтэй танилцъя.

Монгол хэлэнд хятад хэлний үйл үгийг, үйл үг хэвээр нь зээлж авч чадах арга, хэлбэр байх (жишээ № 1) бөгөөд хятад хэлний үйл үгийг нэршүүлж аваад, зээлж чаддаг байна. (жишээ № 2) Тэгвэл тус өгүүлэлдээ бид хоёр зүйлийн нэршүүлж зээлэх аргын нэг нь болох "M + xii-" хэлбэрийн тухай задлалт хийе.

№ 1: Nu:r- a:ŋ dian- a:d tera: ter-ax gəʒi:n. (21C0496)

[diàn, 墊 дэвших]

№ 2: Тэг хэдəŋ uxsəŋ xəen- iig chu li xi:- ʃəx gənə:. (23 0576)

[chǔ lǐ 处理 шийдвэрлэх]

Жишээ № 2-т үзүүлсэн мэт, “chǔ lǐ xi-” гэх бүтцэд “chǔ lǐ” нь шийдвэрлэх гэсэн утга бүхий хятад хэлний үйл үг байж, “шийдвэрлэх” гэсэн үйлийн хэл зүйн утгыг “xi- : ʃ ə x” биелүүлж байдаг. Энэхүү аргыг Wohlgemuth (2009, 285) нь “Light Verb Strategy” гэж томъёолсныг бид энэ өгүүлэлдээ “хавсрах үйл үгийн арга” гэж нэрлэв.

Wohlgemuth (2009, 147) нь дэлхийн 352 зүйл хэлний үйл үг зээлэх арга хэлбэрийг эмхэтгэсэн ба энэхүү 352 зүйлийн хэлээс 104 хэл нь Light Verb Strategy-г хэрэглэж байна гэж дүгнэсэн байна. Мэдээж, иймэрхүү бүтэц нь Япон, Солонгос, Турк зэрэг олон хэлэнд түгээмэл харагддаг. Өөрөөр хэлбэл, хавсрах үйл үгийн аргаар үйл үгийг бусад хэлнээс зээлж хэрэглэх үзэгдэл нь дэлхийн өөр бусад хэлэнд ч, түгээмэл байдаг байна. Тэгвэл монгол хэлэнд ийнхүү оршиж байгаа нь хэлний ойртон ижилсэх, ойртолцлын онолтой нийцэж байна.

Тэгвэл эдгээр хэл нь энэхүү аргаар хэлний элементийг зээлдэг учрын тухай Winford (2010, 171):

“Хэрвээ RL¹-ийн үг зүйн системийн будилаант чанар нь үг зээлэхэд харш саад болбол, нийлмэл үйл үг (compound verb) бүтээх аргаар энэхүү саадыг тойрч гарах үзэгдэл олон хэлэнд харагддаг. Зээлж ирсэн үгийн язгуурт өөрийн хэлний “хийх, үйлдэх” мэтийн утга бүхий үйл үгийг залгадаг ба нийлмэл үйл үгийн хэл зүйн утга нь “хийх”, “үйлдэх” зэргийн үгийн эцсийн хувиралтаар дамжин илэрдэг” гэж тайлбарласан байдаг.

Хоёр: “M + xii-” хэлбэрийн онцлог

Бидний судалгааны үр дүнгээс үзвэл, “M + xii-” хэлбэрээр хятад үгийг зээлэх явцад доорх хэдэн зүйлийн онцлог нь маш тодорхой байдаг.

1. “M + xii-” хэлбэрээр хоёр үет үгийг зээлэхэд голлон хэрэглэж байна. Дан юм уу эсвэл олон үет үгийг тус хэлбэрээр зээлж хэрэглэхгүй байгаа юм. Монгол хэлэнд зээлэгдэх дан үет үг нь “M + дагавар” (жишээ №1) хэлбэрийг голлон хэрэглэх бол, хоёр үет үг нь “M + xii-” хэлбэрийг голлон хэрэглэдэг нь бидний судалгаагаар тодорхой болсон байна. Бас бидний тодруулсан тоо баримтыг үндэслэвэл, хоёр үет үгийг зээлэхэд “M + xii-” хэлбэрийн хэрэглэгдэх давтамж нь “M + дагавар” хэлбэрийн хэрэглэгдэх давтамжаас 4 дахин их байдаг байна. Өөрөөр хэлбэл, хятад хэлний хоёр үет үгийг зээлэхдээ “M + xii-” хэлбэрийг гол болгож хэрэглэх хандлага маш их байна гэсэн үг. Иймээс зөвхөн хоёр үет үгийг зээлэх байдлаас үзвэл Wohlgemuth (2009, 295)-ийн Light Verb Strategy-нь Direct Insertion (“M + дагавар”)-ээс илүү RL-д зохицон хэрэглэгдэнэ гэсэн үзэлтэй ч нийцэж байдаг.

2. Монгол хэлэн дэх Light Verb Strategy-гийн бүтцийн барилдац нь нэн чанга байж, “xii-”-гийн шинж чанар нь монгол хэлний туслах үйл үгтэй шинж чанар нь ондоо байдаг. Өөрөөр хэлбэл, “M” ба “xii-”-гийн хооронд дагавар буюу сул үг мэтийн өөр бусад хэлний бүрэлдэл орж болохгүй байдаг. Бас монгол хэлэнд үйл үг “xii-”- нь өмнөө нэр үг дагуулдаг учир, хятад үйл үгийг тэг хувирлаар нэршүүлж, “xii-”-г залган монгол хэлэнд үйл үг бүтээх зорилгодоо хүрдэг байна.

3. Бидний Data-д “M + xii-”- хэлбэрээр илэрсэн хоёр үет үгийг авиалагчаар яриулж үзсэний дүнд, ихэнхийг нь “M + дагавар” хэлбэрээр бас орлуулж болохыг мэдсэн боловч, бодитой ярианд илэрсэн нь 19/242-гийн харьцлаар тун цөөн байсан билээ. № 3 ба № 4 нь даруй [得罪 dé zuì, хорсгох] гэх үгийн хоёр зүйлийн хэлбэрээр зээлэгдсэн бодитой жишээ болно. Энэ нь мөн ч нэг талаар, хоёр үет үгийг “M + xii-” — хэлбэрээр гол төлөв зээлдэгийг үзүүлж байна.

№ 3: bi: tʃemɛ:g de zui-səŋ gu fuu. (07A071) [dé zuì 得罪 хорсгох]

№ 4: erbəŋ xun-i:g de zui xi:-səŋ lada:. (04G1 5) [dé zuì 得罪 хорсгох]

ДҮГНЭЛТ

Хэлний ойртон ижилслийн онолд үйл үг нь нилээд хялбар зээлэгддэг хэлний бүрэлдэл байж, орчин үеийн монгол хэлний ярианы хэл нь голдуу хятад хэлний үйл үгэнд үгэнд монгол хэлний дагаврыг залгах арга “M + дагавар” ба хятад хэлний үйл үгэнд монгол хэлний үйл үг xii-г залгах арга “M + xii-”- аар хятад хэлнээс үг зээлдэг байна. Үүний дотор “M + xii- ” хэмээх арга нь хоёр үет хятад үгийг зээлэхэд голлон хэрэглэгддэг ажээ.

¹ “A” хэл нь “B” хэлнээс, хэлний элемент зээлж байгаа нөхцөлд “A” хэлийг “Recipient Language” (RL) “B” хэлийг “Source Language” (SL) гэдэг.

Дэлхийн олон улс үндэстний хэл нь үйл үгийн зээллэгт энэхүү арга хэлбэрийг хэрэглэж байгаа нь нотлогдоод байна. Гэхдээ монгол хэлний "М + хii-" бүтцийн барилдлага нь чанга, өмнө нь орсон хятад үйл үгийг нэр үгийн хувиар бодолхийлж байгаа болохоор монгол хэлний туслах үйл үгийн утга үйлдлээс ондоо байдаг билээ.

Гэхдээ яагаад "М + хii- " бүтцэд зөвхөн хоёр үет үг ордог вэ?, Зээлэгдэж бүхий үгс нь бас ямар хэлний онцлог шинжтэй вэ?, Ямар нийтлэг шинжийг хадгалж байдаг вэ?

Тэгвэл эдгээр үзэгдэл нь монгол хэлний нөлөөнөөс болсон уу, эсвэл хятад хэлний нөлөөнөөс болов уу гэх зэргээр судлууштай зүйл олон бий бөгөөд дараачийн судалгаанд эдгээр асуудлыг нарийвчлан судлах болно.

Литература

1. Donald Winford . "Contact and Borrowing" In The Handbook of Language Contact, edited by Raymond Hickey, 170-187. Blackwell, 2010
2. Moravcsik, E. 1978. Universals of language contact. In: Greenberg, J. H. ed. Universal of human language. Standford: Standford University Press. 94-122.
3. Wohlgemuth, Jan. 2009. A Typology of Verbal Borrowings. Berlin etc.: Moutonde Gruyter
4. Yaron Matras. "The borrowability of grammatical categories. " In Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective, edited by Matras, Y. and Sakel, 31-74. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.

ABOUT THE FORMS OF THE VERB PREDICATE IN MONGOLIAN DIALECTS (BASED ON SINICISMS IN THE MONGOLIAN LANGUAGE)

Yi Liqi

Dr. Sci. (Philol.), Prof.,
School of Mongolian Studies, Inner Mongolia Normal University
Hohhot, China

Abstract. The paper presents the results of field research of the Chakhar dialect of the Mongolian language. The Chakhar dialect is one of the six dialects of Inner Mongolia and has its own unique characteristics that distinguish it from the other five dialects. One of these features is the verb form *M + хii-*, where the stem was borrowed from the Chinese language. This analytic form of the Chakhar dialect was analyzed from a theoretical and methodological point of view.

Keywords: Mongolian language, Chakhar dialect, feature, Chinese loan word, analytic construction, structure, meaning.

УДК 811.511

ЯЗЫКИ МАЛЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В АССИМИЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ВОСТОЧНО-ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© *Сундуева Дина Борисовна*

доктор культурологии, доцент,
Забайкальский государственный университет

Чита, Российская Федерация
E-mail: dina-sundueva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена социолингвистическому описанию языков малых этнических групп, сформировавших отдельные этнотерриториальные ареалы проживания в Восточно-Забайкальском трансграничье. Социолингвистический анализ позволяет выявить особенности функционирования языков малых этнических групп в условиях культурного доминирования (шэнэхэнских бурят Китая, потомков русского старожильческого населения Забайкалья, проживающих в Китае и Монголии, шилкинских хамниган Забайкальского края). Лингвистическая ткань бурятского языка шэнэхэнцев характеризуется полнотой её системы и структуры, отсутствием заимствований, смешения и переключения речевых кодов. В среде потомков русских старожил Забайкалья, проживающих в Монголии, сохраняется приверженность членов русскому языку, которая стала возможной только при наличии внутригрупповой сплоченности на основе этнического признака. В среде потомков русских старожил Забайкалья, проживающих в Китае, наблюдается русско-китайское несбалансированное двуязычие в обиходной локальной коммуникативной сфере. В среде шилкинских хамниган язык, утратив функцию внутригрупповой коммуникации, сохраняется как средство этнической самоидентификации.

Ключевые слова: трансграничье, Восточно-Забайкальское трансграничье, малые этнические группы, ассимиляционные процессы, родной язык, языковой сдвиг, смешение и переключение кодов, шэнэхэнские буряты, шилкинские хамниганы, потомки русских старожил Забайкалья.

Актуальность исследования языков малых этнических групп трансграничья обусловлена динамичностью современных процессов межкультурной коммуникации. В рамках данной статьи мы обращаемся к сложившемуся в отечественной науке понятию «трансграничье», которое определяется как территория, состоящая из взаимодействующих приграничных территорий, прилегающих к государственной границе двух или более соседних стран. Восточно-Забайкальское трансграничье как «культурное триединство приграничных территорий России, Монголии и Китая» характеризуется динамичностью современных процессов межкультурной коммуникации [Новиков, 2013, с. 171]. Малые этнические группы, находясь в ситуации контакта с группой доминирующего большинства в условиях трансграничной интеграции, стремятся сохранить свою этничность, подчеркивая свое культурное своеобразие.

В центре нашего внимания языки малых этнических групп Восточно-Забайкальского трансграничья — шэнэхэнских бурят Китая, потомков русского старожильческого населения Забайкалья, проживающих в Китае и Монголии, шилкинских хамниган Забайкальского края, сформировавших в отрыве от основного ядра этноса собственные культурно-бытовые особенности. В условиях культуры трансграничного региона механическая схема, которая выстраивает однозначное соответствие между определенным языком и обществом, языком и культурой, языком и этносом не соответствует реальности. Как известно, ассимиляционные процессы трансграничья, характеризующиеся асимметрией взаимодействующих сторон, носят преимущественно однонаправленный характер [Новиков, 2013, с. 171].

В культурном пространстве Восточно-Забайкальского трансграничья сформировались определенные историко-культурные типы ассимиляционных процес-

сов. Так, для шэнэхэнских бурят Китая вплоть до 90-х г. XX в. была характерна культурно-экономическая изоляция. В условиях вынужденной изоляции в силу отсутствия внешних вызовов сохранила культурную идентичность. Формирование малой этнической группы потомков русского старожильческого населения Забайкалья в Монголии происходило под влиянием доминирующей культуры монголов и группы советских специалистов. Долговременная адаптация потомков русских старожиллов Забайкалья к жизни в Монголии привела к изменениям в индивидуальном и групповом сознании, ведущим к явлениям культурной мобилизации. Культурной диффузии в среде потомков русских старожиллов Забайкалья в Китае способствовали межкультурные контакты с доминирующей группой на протяжении длительного времени. Для малой этнической группы шилкинских хамниган Забайкальского края характерна полная структурная ассимиляция, являющаяся завершающей фазой в динамике культурно-эволюционных процессов [Сундуева, 2017, с. 213].

В работе Е. Смолича «Языки меньшинств как центральные ценности» подчеркивается, что «язык является основным идентификационным признаком, вокруг которого организуется вся социальная система группы и её самоидентификации. Язык, по его мнению, охватывает своим влиянием все духовное бытие той или иной этнической общности [Смолич, 2012, с. 122]. Тем самым «язык обеспечивая жизненный контекст нашего опыта общения с другими, самими собой, с миром», дает нам ощущение взаимной комплиментарности и отличие от других наций и этносов [Бергер, 2004, с. 101]. Владение языком своего этноса, признание его в качестве родного, использование языка в повседневной жизни, сохранение самосознания принадлежности к этносу, имеющему определенную этноним, вне всякого сомнения, являются ключевыми критериями идентификации себя с определенным этносом.

Язык, выполняя функцию самоидентификации, конструирует языковые границы, которые помогают поддержать самосознание членов малой этнической группы. Структура культурной идентичности в условиях трансграничья определяется как открытая динамическая система уровней, представленная совокупностью идентификационных признаков, среди которых язык является основным. При изменении культурных границ язык приобретает различные вариации в соотношении с этничностью. Мы разделяем точку зрения, что не язык сам по себе, а характер использования языка во внутригрупповом общении эксплицирует опыт аккультурации малой этнической группы в культурное пространство трансграничья.

В ситуациях утраты языка этническая группа может продолжать использовать его как средство идентификации, но уже в символическом смысле. С социолингвистической точки зрения разница между реальным и «выдуманной» языковыми отличиями, как пишет Н. Б. Вахтин, оказывается несущественной. Важно лишь то, что члены группы убеждены в том, что они говорят не так, как члены другой группы. Точно также, если две группы пытаются обнаружить общие черты, реально существующие отличия в языковой структуре между членами этих групп могут не замечаться [Вахтин, 2004, с. 12]. В исследовании В. В. Барановой «Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья» обоснована изменчивость категории этнической принадлежности и роль языка, практически утратившего свои функции, как одного из маркеров этничности.

Считается, что «общие разговорные стратегии создают ощущение удовлетворения, возникает чувство, что собеседники принадлежат к одному кругу. При этом человек может использовать два кода, чтобы подчеркнуть одну или другую выгодную для него в данный момент самоидентификацию, или использовать оба кода одновременно, чтобы подчеркнуть одновременно две самоидентификации» [Баранова, 2010, с. 110].

В среде современных шэнэхэнских бурят родной язык охватывает все духовное бытие, обеспечивая ощущение комплиментарности и внутригруппового единства. Социолингвистами установлено, что шэнэхэнские буряты «прекрасно владеют родным языком» (91%). Абсолютное большинство респондентов до школы разговаривали на родном бурятском языке (95,4%), на монгольском языке 1,5%. В среде шэнэхэнских бурят признали родным языком бурятский — 91,5%, монгольский — 3,7%, китайский — 4,3% респондентов. Высокая степень сохранности родного языка в условиях неравновесной языковой ситуации объясняется «ярко выраженным языковым и этническим самосознанием» группы» [Баранова, 2010, с. 50]. Собственно лингвистическая ткань бурятского языка представителей старшего поколения шэнэхэнцев характеризуется полнотой её системы и структуры, наличием богатейшего лексикона, отсутствием заимствований, смешения и переключения речевых кодов. Высокий уровень владения родным языком проявляется в свободном манипулировании языком безотносительно к характеру его использования. Феномен «перетекания фольклорной речи в бытовую» характерен для бурятской речи практически всех членов группы. В речи шэнэхэнских бурят представлены лексические единицы, вышедшие из употребления в языковом сообществе российских бурят.

В среде русских, постоянно проживающих в Монголии, выявлено, что владеют всеми формами речевой деятельности на родном русском языке все 100% респондентов. Семейно-бытовая сфера использования русского языка представлена 96%, остальные 4% респондентов используют в семье русский и монгольский языки одновременно. Русский язык используется в общении с друзьями — 81%, в сфере производственных отношений — 44%. Среди тех, кто указал, что использует русский язык на работе, были, главным образом, респонденты старшего поколения, имеющие высокий образовательный ценз. Результаты обследования наглядно показывают приверженность членов русскому языку, сохранение которого было возможно только при наличии внутригрупповой сплоченности на основе этнического признака. Лингвистическая ткань русского языка исследуемой группы характеризуется тем, что основной спецификой русской речи в среде потомков русского старожильческого населения является «отсутствие какой-либо специфики», если рассматривать случаи переключения кодов естественным явлением в данной языковой ситуации. По мнению самих представителей данной группы, их русская речь «более чистая», чем речь «специалистов», «меньше слов-паразитов», жаргонной лексики. Длительное проживание среди монголов наложило отпечаток на речевое поведение соотечественников. Они по-монгольски гостеприимны. В семье заметен культ старших. Неторопливы, немногословны, скупы на оценочные суждения, внешне ровны по отношению к окружающим.

В среде потомков русских старожилов Забайкалья, проживающих в Китае, наблюдается русско-китайское несбалансированное двуязычие в обиходной ло-

кальной коммуникативной сфере, интерференция, являющаяся последствием влияния одного языка на другой. Диффузность в русской речи потомков русских старожилов Забайкалья, живущих в Трехречье, проявляется в наличии фонетической, грамматической интерференции. В речи характерно отсутствие словоизменения, грамматическая значимость порядка слов, слабое противопоставление знаменательных и служебных слов, характерных для китайского языка. определяют специфику русской речи наших информантов. Способность к переключению и смешению языковых кодов проявляется в активном и плавном переключении с одного языка на другой внутри предложений, в способности порождать полные конструкции на обоих языках. Основной социолингвистической характеристикой в данной группе является языковой сдвиг, определяющийся как разрыв языковой традиции, в результате которого между двуязычным старшим поколением, предпочитающим использовать для общения русский язык и одноязычным младшим поколением, которое более охотно пользуется китайским языком, появляется так называемое «переломное поколение» [Вахтин, 2004, с. 114]. Наличие «переломного поколения» является симптомом кардинальной языковой трансформации в исследуемой среде.

Для шилкинских хамниган характерно использование реликтов родного языка, отдельных элементов народного фольклора. При языковом сдвиге, когда изменяется функциональная нагрузка языка, в сообществе его носителей отдельные реликты языка наполняются символическим содержанием связи с прошлым своей группы. Отдельные фрагменты фольклора, песенного наследия этноса оказывают влияние на субъективное этническое чувство индивида. Говор шилкинских хамниган остается символом этнической самоидентификации и определяющей ценностью, непременным условием настоящего членства в этнической группе. В ситуации постепенного забвения родного языка его носителями функция говора шилкинских хамниган как основного средства этнической самоидентификации сохраняется.

Литература

1. Баранова В. В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румы Приазовья. М.: ВШЭ, 2010. 287 с.
2. Бергер П. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 101.
3. Вахтин Н. Б. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М: Новое издательство, 2004. 291 с.
4. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. Санкт-Петербург: ЕУСПб, 2004. С. 111.
5. Новиков А. С. Трехязычные трансграничные регионы: симметрия территориальной организации населения и хозяйства // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2013. Т. 1. № 48. С. 171
6. Новиков А. С. Трехязычные трансграничные регионы: симметрия территориальной организации населения и хозяйства // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2013. Т.1. № 48. С. 171
7. Новиков А.Н. Ассимиляционные процессы и стратегии позиционирования культурной идентичности субэтнических групп Байкальского региона в условиях трансграничья // Культурология.

8. Смолич Е. Языки меньшинств как центральные ценности // Социоллингвистика и социология языка: хрестоматия. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2012. С. 422.

9. Сундуева Д.Б. Концептуализация типов культурной идентичности малых этнических групп трансграничья. Электронный источник: https://kp-journal.ru/wp-content/uploads/2017/02/5_2_2015.pdf Дата обращения: 17.01.2021.

10. Сундуева Д.Б. Культурная идентичность малых этнических групп Восточно-Забайкальского трансграничья: монография/ Д.Б. Сундуева; Забайк. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2001– 332с.

LANGUAGES OF SMALL ETHNIC GROUPS IN ASSIMILATION PROCESSES EAST-TRANS-BAIKAL REGION (SOCIOLINGUISTIC ASPECT)

Dina B. Sundueva

Cand. Sc. (Cult.), A/Prof.,

Transbaikal State University

Tschita, Russia

E-mail: dina-sundueva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the sociolinguistic description of the languages of small ethnic groups that formed separate ethno-territorial areas of residence in the Eastern Trans-Baikal trans-border region. Sociolinguistic analysis allows to reveal the peculiarities of functioning of languages of small ethnic groups in terms of cultural dominance/ The linguistic fabric of the Buryat language of the Shenehen people is characterized by the completeness of its system and structure, the absence of borrowing, mixing and switching of speech codes. Russian Russian language commitment remains among the descendants of Russian old-timers of Transbaikalia living in Mongolia, which became possible only in the presence of intra-group cohesion based on an ethnic trait. Russian Russian-Chinese unbalanced bilingualism in the everyday local communicative sphere is observed among the descendants of Russian old-timers of Transbaikalia living in China. Among the Shilkinsky Hamnigans, the language, having lost the function of intra-group communication, is preserved as a means of ethnic self-identification.

Keywords: The Trans-border area, Eastern Trans-Baikal cross-border area, assimilation processes, native language, Language shift, mixing and switching codes, local subethnic groups, the Shilka khamnigans, Russian old-timers' population of Mongolia, Russian old-timers' population of China.

УДК 821.512.36

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© *Мөнхбаяр Баатаржав*

PhD, старший научный сотрудник,

Институт языкознания Монгольской академии наук

Улан-Батор, Монголия

E-mail: bayar_pak@yahoo.com

monliterature@gmail.com

Аннотация. В данной статье исследуется, как концепция культуры отражается в литературе народа. Одно и то же культурное явление расценивается в разных культурах по-разному. В статье это объясняется на примере народных песен. Также исследуется роль культурных ценностей в народных песнях.

Ключевые слова: литература; язык; культура; культурные ценности; концепции культуры; кочевые и оседлые цивилизации; народные песни.

МОНГОЛ УРАН ЗОХИОЛ ДАХЬ СОЁЛЫН ҮНЭТ ЗҮЙЛСИЙН ИЛЭРХИЙЛЭЛ, ТҮҮНИЙ ЯЛГАА

Аннотаци. Энэ өгүүлэлд аливаа үндэстэн, ард түмний уран зохиолд соёлын тухай ойлголт хэрхэн тусдагийг авч үзжээ. Хүн төрөлхтний тан+ин мэдэхүй мэдэхгүй зүйлээ ямагт өндрөөр үнэлж ирсэн тэр түүхэн замнал, сэтгэл, сэтгэлгээний асуудал нь нэг соёлын үзэгдлийг ялгаатай үнэлэх үндэс нь болдгийг ардын дууны жишээн дээр тайлбарласан байна. Мөн соёлын үнэт зүйлсийн илэрхийлэл болоход түүний үнэлэмж нь чухал нөлөөтэй болохыг авч үзжээ.

Түлхүүр үг: Соёлын үнэлэмж; нүүдлийн ба суурин соёл иргэншил; ардын дууны дүрслэл.

“Уран зохиол”, “Хэл”, “Соёл” гурвын харилцаа холбоо, шүтэн барилдлага нь судлаачдын анхаарлыг татдаг сонирхолтой асуудлын нэг байдаг. Үүнд:

1. “Хэл”, “Уран зохиол” хоёр нь “Соёл” - ынхоо тусгал болдог” гэх үзэл бол “Хэл” ба “Уран зохиол” нь бодит ертөнцийн тусгал юм. Харин “Соёл” бол хүмүүнд зайлшгүй тулгардаг тэр бодит ертөнцийг нь бүрдүүлж буй салшгүй нэгэн хэсэг юм. Бодит ертөнц өөрчлөгдөхөд үндэстний соёлын хэвшмэл ойлголт өөрчлөгддөг ба түүнийг дагаад мөн хэл, уран зохиол нь бас өөрчлөгдөнө гэж үздэг. Гол төлөөлөгчид нь: Бүтэц хэл шинжлэлийн дэгийнхэн. Структурная лингвистика. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, 1916. Функциональная стилистика Пражской школы 1926–1953 (В. Матезиус, Я. Мукаржевский, Б. Трнка, Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон).

2. “Соёл” нь “Хэл”, “Уран Зохиол” хоёртоо шингэж оршдог” гэх үзэл бол Германы нэрт философич Вильгельм фон Хумбольдтой холбоотой. Тэрээр аливаа соёл нь үндэстний шинжтэй байх ба үндэстний хэл нь өөрийн онцлогийг агуулсан дотоод хэлбэртэй байдаг. Дотоод хэлбэр гэдэг нь ард түмний сэтгэл, сүнс, соёл нь юм. Тиймээс “Уран зохиол” гэдэг зүйл нь “Хэлэнд оршиж” хүнийг өөрийнх нь Соёлтой нь холбодог гинжин холбоос буюу соёл нь хэл, уран зохиолоор дамжиж, түүнд шингэж байж сая биелэлээ олдог гэж үзсэн байдаг.

3. “Соёл” –ын баримт нь “Хэл” харин түүний илрэл нь “Уран зохиол” гэх үзэл. Энэ үүднээс үзвэл хэл, уран зохиол хоёр нь 1. Соёлыг бүрэлдүүлэгч хэсэг мөн. 2. Соёлыг эзэмших үндсэн зэвсэг нь мөн. 3. Соёлын чухал үзэгдэл үзэгдэл нь мөн. 4. Бие даасан тэмдэгтийн тогтолцоо мөн ажээ. Өөрөөр хэлбэл хэлний түүхэн хөгжил, уран зохиолын түүхэн хөгжлөөр соёлыг нь тайлж, тайлбарлаж болно гэх үзэл юм.

Ямар ч атугай энэ бол “Уран зохиол”, “Хэл”, “Соёл” гурвын харилцаа хамаарлын талаарх маш олон үзэл санааны нэгдсэн томъёолол болно. Харин одоо эл гурван зүйлийн харилцаа хамаарал, шүтэлцээ дээр нь “үнэлэмж” хэмээх гүн ухааны бас нэгэн ойлголтыг нэмээд үзвэл, сонирхолтой асуудал бий болдог.

“Үнэлэмж” гэдэг бол танин мэдэхүй дээр суурилсан хийсвэр ухагдахууныг илэрхийлдэг ойлголт билээ. Бид аливаа зүйлийг үнэлж байна гэдэг нь, тухайн тэр

зүйлийг өмнө нь ямар нэгэн хэлбэрээр танин мэдсэн, ямар нэгэн байдлаар тухайн зүйлийн талаар мэдлэг туршлагатай болчихсон тийм орчин нөхцөлд, тухайн тэр зүйлийг дахин нэг удаа мэдрэх, таних боломж бий болсон үед гарч ирж буй сэтгэл ханамжийн илрэл юм.

Яг эндээс уран зохиол гэдэг зүйлийн сонирхол татдаг нэгэн увидас нь гарч ирдэг. Энэ бол нэг зүйлийн үнэлсэн үнэлэмжийн ялгаа болно. Жишээ нь: “Дунд голын ногоо” хэмээх ардын дууны шүлэгт:

*Дунд голын ногоо нь
Ургасан байтлаа тарьсан юм шиг
Дунжидмаа гуайн охин чинь
Төрсөн байтлаа зурсан юм шиг*

гэж гардаг. Шүлэгт гол дүрээ жирийн нэгэн харьцууллаар бүтээжээ. Эхний харьцуулал нь байгаль ба байгаль мэт зүйлийн харьцуулал. Үүнийг үзвэл:

Байгаль дээрх жинхэнэ үнэн бодит зүйл болсон **“Дунд голын зүлэг ногоо”** нь, аливаа зүйлийг сайн сайхан, үзэсгэлэнтэй болгохын тулд зориулалтын орчин нөхцөлд, тодорхой хэмжээний арчилгаа тордолгоо, засал засвар хийж, энэ бүхний үр дүнд ямар ч өө сэвгүй болгосон тийм зүйлтэй адилхан байна, төстэй байна гэж хэлсэн байна. Чухам эндээс соёл иргэншлийн үнэлэмжийн харьцууллын асуудал гарч иржээ.

Голын дэргэдэх зүлэг ногоо буюу байгаль дээрх, тэр байгалийнхаа жинхэнэ шалгарлыг хэний ч тусламж дэмжлэг, хөндлөнгийн ямар нэгэн нөлөөгүйгээр ялан дийлээд, өөрөө зүтгэн гарч ирсэн тэр **ЗЭРЛЭГ** зүлэг нь, тодорхой хязгаарлагдмал орон зайд, тогтолцоо, давтамжтай хөндлөнгийн үйл ажиллагаа бүхий орчны **ХИЙМЭЛ** бүтээлтэй өрсөлдөж байна. Өрсөлдөөний энэ уур амьсгалыг:

Ургасан байтлаа тарьсан юм шиг

гэсэн харьцуулсан үнэлэмжээр илтгэжээ. Тэгвэл энэ тохиолдолд “ургасан”-ыг нь бус, “тарьсан” -ыг нь, байгалыг нь биш байгаль мэт зүйлийг нь ямар нэгэн хэмжээгээр давуулаг, илүү гэж үнэлсэн үнэлэмж илэрсэн байна. Хэрэв эл дүрслэлийг, байгалиараа байгаа нь “НҮҮДЛИЙН СОЁЛ”-ыг, байгаль мэт байгаа нь “СУУРИН СОЁЛ”-ыг илэрхийлсэн гэж үзэх аваас, суурин соёлыг давуу гэсэн үнэлэмж болж байгаа юм.

Тэгвэл үүний дараа, энэхүү харьцуулал дээрээ тулгуурлаад дараачийн харьцууллаа гаргаж ирдэг.

*Дунжидмаа гуайн охин чинь
Төрсөн байтлаа зурсан юм шиг*

гэж мөн дээрх эхний харьцуулалд гаргасан мэт байгалаараа, цэвэр оригиналаараа, яг эмэгтэй хүний нүүр царайны гоо сайхантай нь холбон авч үзвэл ямар нэгэн косметик юм уу, ийм чиглэлийн засал үйлчилгээ аваагүй байгаа нь, хэн нэгэн хувь хүний дотоод сэтгэл, хүсэл мөрөөдлийнх нь орон зайд нь оршдог хүслэнгийн дүрээ илэрхийлсэнтэй нь төстэй гэсэн өгүүлэмж, үнэлэмж илэрсэн байна. Өөрөөр хэлбэл яг л монгол ардын дууны яруу найргийн адилаар эхний харьцууллынхаа баталгаа нь болгон гарч иржээ. Тийм учраас соёл иргэншлийн үнэлэмж нь ч эхнийхээ харьцуулалтай адилхан гэсэн үг болно.

“Дунд голын ногоо” хэмээх энэ дуу бол ХХ зууны эхэн үеийн Хүрээ буюу улсын нийслэл хавийн орчноор ихэд дэлгэрсэн байдаг. “Богд хаан гамингийн үндсийг номын хүчээр дарахдаа, тэр цагт Хүрээний газараа ихэд дэлгэрсэн энэ завхай дууг, Туул голын эрэгт, нэгэн шөнө, голын ус самран суугаад дуулсан”

гэдэг энэ яриаг нэрт төвөдөч эрдэмтэн Л. Хүрэлбаатар агсан миний биед ярьж байсан билээ.

Тэгвэл МУИС-ийн судлаачдын тэмдэглэснээр:

“Уг дуунд гарч буй Дунжидмаагийн охин чинь төрсөн байтлаа зурсан юм шиг” гэж дуулагдсан бүсгүй бол Түшээт хан аймгийн Зоригт вангийн хошууны Дондогжалбуу бэйсийн хатан Цогдарь (Чогдор) гэгч үзэсгэлэнтэй хатны эгч Дунжидмаа гэгч хосгүй царайлаг хүүхнээс гарсан Нарантөгс гэдэг бүсгүйд зориулсан дуу гэдэг. Дунжидмаагийн дунд охин чинь төрсөн байтлаа зурсан юм шиг гэж дуулах нь бий. Цогдарь хатан бол алдарт хуурч Түдэв гүний ээж бөгөөд эцэг Дондогжалбуу бэйс Түдэв хуурчийг багад нь нас барсан учир есөн настайдаа гүн цол авч, хошуу захирах байсан ч багаасаа дуу хууранд дуртай байснаас алдарт хуурч болсон билээ. Эднийх хориод оны эхээр хүрээнд ирж Дарьгангын хороонд суурьшсан гэдэг. Хошууны ажлыг Дэжид туслагч Шагдар мэйрэн гүйцэтгэж байснаа нэг өдөр Дэжид туслагч Түдэв гүнд “Би хөгширлөө, хошууны ажлыг хийж чадахгүй нь. Чи хошууны гүн юм уу?, хуурын гүн юм уу” гэж загнахад нь Түдэв гүн инээж сууснаа: “Аав минь амьдаадаа намайг сайн гүн болоорой гэж захиагүй “Сайн хуурч болоорой” гэж захисан гэж хэлсэн гэдэг. Түдэв гүний эгч Норжинцэнд гэдэг бүсгүй 1960-аад он хүртэл амьдарч байжээ”¹ гэсэн байдаг. Тэгвэл манай нэрт яруу найрагч Ш. Сүрэнжав агсан:

“Дунд голын ногоо” дууны эзнийг бид өнө эртний үлгэр домгийн хүн мэт бодож явжээ. Гэтэл энэ дуунд гардаг хүн маань хамба Чойжин ламын өргөмөл охин, залуу жанжин Лхагвасүрэнгийн гэргий Дашцэдэн гуай байсан юмсанжээ”² гээд Ж. Лхагвасүрэн болоод түүний гэргий Ц. Дашцэдэн гуайн тухай дэлгэрэнгүй өгүүлсэн байдаг. Эдгээр баримтаас баримжаалан тооцоход эл дуу ХХ зууны эхэн үед хамаарах, Монголчуудад суурин соёлын мэдрэмж харьцангуй суучихсан, зарим талаараа суурин соёлын давуу талыг эрхэмлэх болчихсон тэр цагт зохиогдож, улмаар 1910-аад оны үе гэхэд Монгол нутаг даяар түгээмэл дэлгэрсэн байсан нь тодорхой байгаа юм.

Тэгвэл дараачийн нэгэн дууг үзье. Энэ бол Дарьганга ардын дуу “Өөшгөө юу даа”

Уутных нь хажлага угалзтай яа хө
Унжлага бэлхэн сүйхтэй еэ хө
Зурмал дуучийн хутгатай яа хө
Зургийн хуар³ шиг өөшгөө юу даа хө

гэж гарч байна. Дарьганга нутагт хэзээнээсээ олон монгол аймгууд оршин суусаар ирсэн ба XVII–XX зууны эхэн үед Манж Чин улсын эзэн хааны үржил сүргийг адуулдаг болсон учраас Манжийн хааны шууд эзэмшлийн нутаг хэмээн тооцогдож, тэндэхийн малчид нь Ар, Өвөр, Баруун Монголоос малынхаа хамт шилэгдэж ирсэн хүмүүс байжээ. Тийм болохоор соёлын шинж нь эрээвэр хураавар олон шинжээс өөрийн гэсэн угсаатныхаа дүр төрхийг олсон байдаг. Дарьгангачууд монгол хэлний халх аялгаар үндсэндээ ярьдаг боловч үгсийн санд нь халхын аялгуунд байхгүй нэлээд үг байдаг. Ийм нэгэн жишээ нь дээрх дуунд гарч буй “Өөшгөө” буюу дотно найз гэсэн утгатай үг болно.

¹ Хэрлэн Л., Энхмаа Д. Домогт дууны зуун дээж. Улаанбаатар, 2009. 55-р тал.

² Сүрэнжав Ш. Дуунд мөнхөрсөн бүсгүйчүүд. Улаанбаатар, 2005. 15-р тал.

³ “зураг хуар” [хоршоо] (юмны дүр төрх, гоё ганган байдлыг буулгасан дүрс). URL: https://mongoltoli.mn/search.php?ug_id

Энд бидний сонирхож байгаа нь “Дунд голын ногоо” дууны шүлэгтэй зэрэгцүүлж болох “Зургийн хуар¹ шиг өөшгөө юу даа” хэмээх харьцуулал болно. Өөрөөр хэлбэл өмнөх жигээний нэгэн адил “зураг шиг” үнэлэмжтэй буюу жинхэнэ зүйлээс жинхэнэ бус хүслэнгийн чанар нь давуу болох талын үнэлэмж байна. Соёл иргэншлийн үнэлэмжийн хувьд нь ч мөн дээрх дууны нэгэн адил агуулга, утга чанартай гэж дүгнэн хэлж болно.

Эндээс харахад Монгол ардын, ижил нэгэн цаг үед бүтээгдсэн дууны бүтээлийн үнэт зүйл, соёлын орчин, түүний үнэлэмж нь ойролцоо төстэй гэж үзэж дүгнэж болохоор байна. Магадгүй үүнээс гадна олон дуун дээр ч ийн үзэх бололцоотой байж болох юм.

Гэтэл бүтээгдсэн цаг үе, нийгмийн орчин, ахуй байдлын гэх зэрэг онтологи шинжээрээ тун адилхан, прагматик нөхцөл, уур амьсгалаараа их ойролцоо нөхцөлд бий болсон мөртлөө соёлын үнэлэмжээрээ шууд ялгарч байгаа нэгэн бүтээл байна. Бүр тодруулбал байгалийн бус хүчин зүйлийн нөлөө тусгал нь байгалийн хүчин зүйлээсээ буурай дорой болохыг, суурин соёлын байдал нь нүүдлийн соёлоосоо дутмаг болохыг, жинхэнэ оригинал чанар нь түүнийг дуурайсан, түүнтэй адил төстэй болохыг үзүүлсэн хуурмаг зүйлээс ямагт үнэтэй болохыг илэрхийлсэн үнэлэмж бүхий өөр нэгэн дуу, дээрх жишээ баримтуудтай зэрэгцэн оршиж байжээ. Яг л философийн “Эсрэг тэсрэгийн нэгдэл тэмцлийн хууль” мэт, “Үгүйсгэл, үгүйсгэлийн хууль” мэт нэгэн цаг хугацаанд, нэгэн орон зайд, хамтдаа зэрэгцэн оршиж байжээ. Энэ бол Ордос ардын “Үйлэн хуар” хэмээх дуу юм.

*Үүл үгүй саран нь өдрөөсөө тунгалаг
Үйлэн хуарын ухаан нь уснаасаа тунгалаг
Зангуутай нуурын хулс нь
Тарьсан биш ээ ургасан юм аа
Жаахан багын Үйлэн хуар нь
Зурсан биш ээ төрсөн юм аа*

хэмээн дуунд өгүүлжээ. Бөргийх саадгүй гэргэлтэн байгаа шөнийн саран буюу байгаль жинхэнэ төрхөөрөө гэрэл гэгээгээ мандуулсан цэлмэг өдрөөс ч илүү үнэ цэнтэй, язгуураас, өвөг дээдсээс, байгалаасаа заяасан хурц сэргэлэн ухаан нь хүний оюуны хүчээр тунгалгашуулан цэвэршүүлсэн уснаас ч тод тунгалаг байдаг гэсэн ийм харьцуулалт үнэлэмж дэвшүүлжээ. Ингээд үүний дараа хүний ухаан, хүч, гараар бүтээсэн юм байх гэтэл, байгальд дэлхийдээ өөрөө урган цогцолж, өнгө үзэсгэлэнгээ дэлгэе гэж дэлгэх биш, байгаа төрх юугаараа л оршин байгаа хулс шагшурга орж ирж байна. Бүхэлдээ байгаль хийгээд байгалийн бус зүйлийн өрсөлдөөн. Гэхдээ хамгийн оргил дүрслэл нь:

хэрэв эхний шүлэг зохиолуудад ямагт хүслэнгийн уран сайхны дүр нь илүү үнэлэмжтэй, бодит амьрал дээрх дүрийг хүслэнгийн дүртэйгээ адилтгасан сэтгэмж, сэтгэлгээ байсан бол “Үйлэн хуар”-т үүний эсрэг үнэлэмж дэвшүүлсэн юм. Байгалаас заяасан жинхэнэ гоо үзэсгэлэн, жинхэнэ бус, дууриамал, давтагдах чанар бүхий бүхий л гоо зүйгээс давуу гэсэн ҮНЭЛЭМЖ-ийг дэвшүүлжээ.

*Жаахан багын Үйлэн хуар нь
Зурсан биш ээ төрсөн юм аа*

¹ “зураг хуар” [хоршоо] (юмны дүр төрх, гоё ганган байдлыг буулгасан дүрс). URL: https://mongoltoli.mn/search.php?ug_id

гэсэн энэ бахархал бол уран зохиол дахь соёлын үнэт зүйлсийн үндэсний өвөрмөц чанар бүхий илэрхийлэл болсон байна.

Энэ бүхнээс дүгнэн хэлэх зүйл бол:

1. Хүн төрөлхтний танин мэдэхүй ямагт мэдэхгүй зүйлээ өндрөөр үнэлж ирсэн тэр түүхэн замнал, сэтгэл, сэтгэлгээний давхарга маш тод харагдаж байна. Жишээ нь: “Асуудал — Уг асуудлын талаарх аман уламжлал бүхий үнэлэмж — Бичгийн баримтын үнэлэмж — Танин мэдэхүйн дэвшилтэт орчин — Судлах хэрэгцээгээ ойлгосон ухаарал — Судалгаа шинжилгээ — Бодит байдлын талаарх үнэлэлт дүгнэлт” гэсэн энэ замналыг энэ гурван дуунд шингэсэн соёлын үнэт зүйлсийн үнэлэмж, түүний ялгаа нь харуулж өгч байна.

2. Хувь хүнээс улс үндэстэн, соёлын өчүүхэн жижиг элементээс бүхэл бүтэн соёл иргэншлийн цогц болсон энэ замналын явцад, ямагт нэг соёл нөгөө рүүгээ тэмүүлэх, ийн тэмүүлэхийн зэрэгцээ зугтах, бас зугтахын хэрээр татагдах, энэ бүхний үр дүнд оршихуй гэдэг зүйл бүрэлдэж ирснийг харуулж байна.

3. Соёлын үнэлэмжийнхээ хувьд хатуу чанга, бат байж чадсаныхаа үр дүнд соёлын үнэт зүйлсийн илэрхийлэл болж оршин тогтнож чадсан үзэгдэл уран зохиолд бас цөөнгүй байна. Жишээ нь: Орчин үеийн Монгол, Буриад үндэстний нэрт зохиолч С. Эрдэнийг энд хэлж болно. Тэрээр Буриадын ард түмэн үндэстний “Тоонот” хэмээх ойлголт ухагдахууныг Монголын уран зохиолд оруулж ирэхдээ, тодорхой орон зай, орчныг илэрхийлсэн ойлголт, ухагдахууныг “Миний эх орон-Миний тоонот” хэмээн, нийт даяарын, магадгүй нийт туургатны ойлголт ухагдахуун болгон, нутагшуулж (Localization) чадсан нь угтаа соёлоо жинхэнэ ёсоор үнэлж, тэр суурин дээрээ соёлын үнэт зүйл болгож өгсөнтэй шууд холбогдоно. Буриадын зохиолч Андреевын “Тоонот нютаг” бол эл ойлголтын үргэлжлэл, залгамжлал болох юм.

REFLECTION OF CULTURAL VALUES IN MONGOLIAN LITERATURE

Munkhbayar Baatarjav

PhD, Institute of Language and Literature

Mongolian Academy of Sciences

Mongolia

E-mail: bayar_pak@yahoo.com

monliterature@gmail.com

Abstract. The author considers how the cultural values are reflected in literature of people. One cultural value could be appreciated in different degree. It is analyzed on example of folk songs.

Keywords: literature, language, culture, cultural values, nomadic and sedentary civilizations, folk song.

УДК 811.512.223

ОБ ИЗДАНИИ «МАНЖ ЛОКИДА»

© *Шу Илан*

доктор филологических наук, профессор,

Институт монголоведения, Педагогический университет Внутренней Монголии

Хух-Хото, КНР
E-mail: bayar_pak@yahoo.com
monliterature@gmail.com

Аннотация. “Манж ЛаоКида” — это поздний цинский учебник маньчжурского языка. Этот учебник предназначен для подготовки переводчиков и проведения экзаменов при отборе переводчиков. Некоторые ученые предполагают, что слово “ЛаоКида” (老乞大) переводится “китайский дракон” и означает человека, владеющего китайским языком. Таким образом, книга маньчжурского переводчика получила название “Манж ЛаоКида”. Манж ЛаоКида была распространена в рукописях между 1680 и 1684 годами. Впервые опубликована в 1703 году, а затем перепечатана в 1765 году Цзинь Чжэн Сян, после чего этот учебник получил широкое распространение.
Ключевые слова: “Манж Лаокида”; учебник маньчжурского языка.

“МАНЖ ЛАОКИДА”-ИЙН ХЭВЛЭГДСЭН ЯВЦЫН ТУХАЙ

Аннотаци. “Манж ЛаоКида” бол Сооһиуан гүрний сүүлчээр манж хэлний орчуулагч ба орчуулагчийг шалгаруулах шалгалтад зориулж бүтээсэн манж хэл сурах бичиг юм. Энэхүү өгүүлэлд “Манж ЛаоКида”-ийн хэвлэгдсэн явцыг холбогдох түүхэн тэмдэглэлүүдийг судлах замаар тодруулав. Сурах бичиг 17-р зууны сүүлчээр зохиогдоод, 18-р зууны эхэн ба дунд үед 2 удаа хэвлэгджээ. Одоо хадгалагдаж байгаа модон барын хэвлэл нь 1765 он (英祖 41)-ы бар хэвлэл болно. Харин 1684 ба 1703 оны бар хэвлэл нь олдохоо болив. 1680–1684 онд гар бичмэлийн хэлбэрээр тархаж байсан ба 1703 онд анх удаа модон бараар хэвлэгдэж, 1765 онд дахинтаа модон бараар хэвлэгджээ. 1765 оны бар хэвлэл бол Жин Жен Шиан (金振夏) хэмээх хүн 1703 оны эх бичгийн дуудлага, үсэг бичлэг, утга тайлбар, өгүүлбэр зэрэг талд засалт оруулж, Пиен Ран (平壤-д дахинтаа хэвлүүлсэн бар хэвлэл болно).
Түлхүүр үг: “Манж ЛаоКида”; манж хэлний сурах би;бар хэвлэ; хэвлэгдсэн явц.

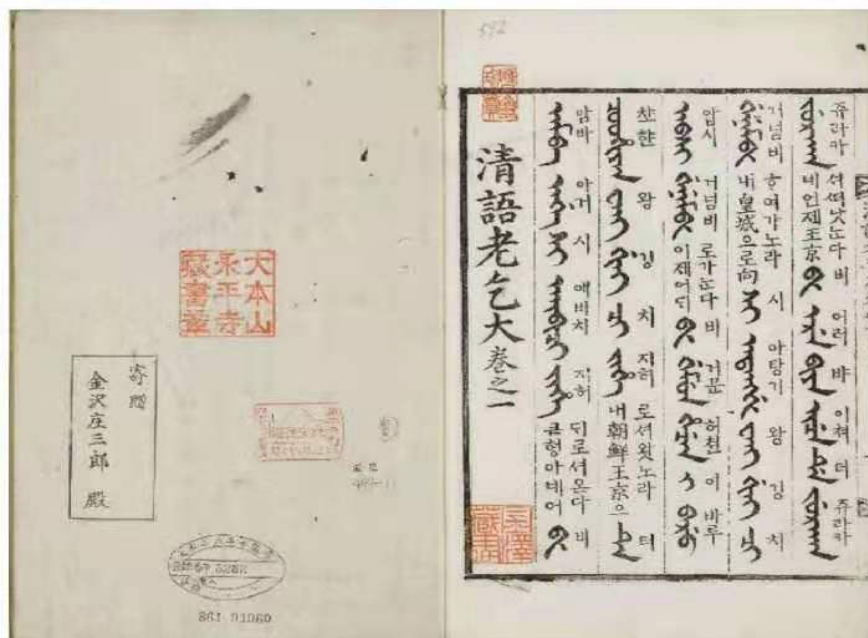
“Манж ЛаоКида” (“Манж ЛаоКида”-г хятадаар 清语老乞大 гэж нэрлэдэг. “ЛаоКида”-ийн төрөл зүйлд манж ЛаоКидагаас гадна бас хятад “Лао Кида”-ийн төрөл (汉语老乞大类) ба Монгол “ЛаоКида” (“蒙语老乞大) байдаг. “Манж Лао Кида” хамаа бүхий түүхэн материалд бас “新翻老乞大”, “清语老乞大新释” зэрэг адил бус хятад нэрээр илэрчээ) бол Сооһиуан гүрний сүүлчээр манж хэлний орчуулагч ба орчуулагчийг шалгаруулах шалгалтад хандуулж найруулсан манж хэлний сурахбичиг болно. Одоо хадгалагдаж байгаа модон барын хэвлэл бол 1765 оных, Жин Жен Шиан эх бичигт засалт оруулж Пиен Ранд дахинтаа хэвлүүлжээ.

“ЛаоКида” (“老乞大”) (“ЛаоКида” (老乞大) гэдэг нь “Луу хятад” гэдэг үгтэй дуудлага ойролцоо болохоор “Луу хятад” гэдэг үгээс ирэлтэй гэж нэг бүлэг судлагчид үздэг. Энд “Луу хятад” гэдэг үг нь хятад хэлэнд нэвтэрсэн хүмүүнийг заадаг гэж үзжээ) гэдэг судрыг хятад хэлнээс манж хэлэнд орчуулаад, судрын нэрийг “Манж ЛаоКида” гэж нэрлэжээ. “Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбар”(“三译总解”)-ын “Оршил”-ыг үндэслэвэл, 1680 он (肃宗 6)-д Зүй Хөү Зе (崔厚泽) зэрэг хүмүүс хятад “ЛаоКида”-г манжхэлээр эхэлж орчуулаад, 1684 онд бараг орчуулж дуусгасан мэт.

Нэвтэрхий бичгийн ордны ойллого (通文館志) 2-р ботийншалгуулийн дүрэм манж сургуулийн зурвас (科挙清学条)-т тэмдэглэснийг үндэслэвэл, шинэ орчуулсан “ЛаоКида” (“新翻老乞大”) гэдэгсудрыг 1684 оноос нааш манж хэлний шалгалтад ашиглаж байжээ.

Тийнхүү тос судрыг 1680 оноос эхэлж орчуулсан гэдэг нь дамжиггүй. Энэ судар эхэндээ гар бичмэлийн хэлбэрээр тархаж байгаад, 1703 онд Пиу Цан Юй (朴昌裕) зэрэг 6 хүн мөнгө гаргаж, Ли Ва Ши (李万世-) зэрэг хүн 1704 онд анх удаа хэвлэсэн байна. Гэтэл тус бар хэвлэл нь одоо харахан олдоогүй [郑丞惠 “조선후기 왜학서연구태학사, 2003].

Өдгөө хадгалагдаж байгаа бар хэвлэл нь 8 боть, 8 дэвтрийн модон бар, боть бүр 22-26 нүүр, нүүр бүр 6 мөртэй. Мөр бүрийн зүүн талд манж өгүүлбэрийг байршуулж, баруун талд нь солонгос үсгээр манж хэлнийдуудлагыг хаджээ. Манж өгүүлбэрийн доор талд солонгос хэлний орчуулгыг хоёр мөр зэрэгцүүлэнхаджээ.

Энэ гэрэл зураг бол Япон Жиүй Зе их сургуулийн номын сангийн Жуве Зу бичгийн хөмрөгийн дэвтэр (驹泽大学图书馆濯足文库本)-ийн 1-р ботийн нүүр хуудас ба эхний хуудас болно.

Мэдээжээр өдгөө 3 зүйлийн модон барын хэвлэл ба 1 зүйлийн модон барын хэсэг хэв (册版) хадгалагдаж байна [吴敏锡 “<清语老乞大新释>”, 제이본간의 판본비교 연구선본확정을위한기초작업국어사 연구 17, 국어사학회, 2013, p. 303; 郑光, 允世英, “司译院译学书册板研究”, (인문사회과학총서 17), 고려대학교출판부, 1998, p. 233-235].

1. 巴黎国立东洋语言文学学校 бар хэвлэл (INALCO) (цаашид Парис хэвлэл гэж товчилъё).
2. 伦敦英国图书馆-бар хэвлэл (цаашид Лондон хэвлэл гэж товчилъё).
3. 日本驹泽大学-бар хэвлэл (цаашид Япон хэвлэл гэж товчилъё).
4. 高丽大学博物馆所藏册版 (цаашид Гуули хэвлэл гэж товчилъё).

Дээрх 3 зүйлийн модон барын хэвлэл ба 1 зүйлийн модон барын хэв (册版)-д онцгой зүйл хамтад нь илэрсэн ба ташаа үсэгт бүр засалт хийсэнгүй байдлыг үндэслэвэл, хэдийгээр “Манж ЛаоКида”-ийн эдгээр бар хэвлэлүүд нэг эхээс ирэлтэй эсэхийг тодруулж чадахгүй боловч, агуулгын хувьд дэмий ялгаа зөрөөгүй, ижил бар хэвлэл болох боломж өндөр гэж Үү Мин Ший (吴敏锡) дурдсан байна [吴敏锡, <“清语老乞大新释”>, >:, 제이본간의 판본비교연구선본확정을위한기초작업국어사연구 17, 국어사학회, 2013, p. 323–325].

Мэдээжээр тус өгүүлэлд ашигласан гэрэл зургийн бар хэвлэл нь гурван зүйлийн модон барын дунд хадгалагдсан байдал сайн бөгөөд үсэг бичиг нь тодорхой байдаг Японд хадгалагдаж байгаа “Манж Лао Кида” болно. Судрын хэмжээ: 33.4x22.1 см, барын хэмжээ: 25.9x19.5 см, нүүр бүр 6 мөр, үсгийн тоо тогтуун биш. Судрын нэр (版心题) нь “清语老乞大” бүлгийн дэс дараалал (张次) нь — гэж тэмдэглэгджээ. 1-р бүлгийн ботийн өмнө номын нэрийн дээр “濯足庵均赏” гэдэг шунхан үсэгтэй дөрвөлжин тамга (朱文方印) бий. Доор талд нь “金泽藏书” гэдэг ном хадгалах тамга (藏书印) бий.

Япон хэвлэлийн онцлог гэвэл “Оршил” нь 1-р ботийн сүүлд байж, бар хэвлэлийн ажилд холбогдох бүгд орчуулагч ба тушаалтны нэр (诸译衔名) нь 8-р ботийн эцэст бий [郑光编著, “清语老乞大新释”首尔, 太学社, 1998. p. 19].

Парис хэвлэлийн оршил нь 1-р ботийн өмнө байж, Лондон хэвлэлийн “Оршил” нь 2-р ботийн сүүлд байна. Оршлын сүүлд байгаа Хон Чи Ший (洪启禧) гэдэг нэр нь Парис ба Япон хэвлэлд бүрэн боловч, Лондон хэвлэлд Чи Ший (启禧) хоёр үсгийн дээр бэхээр дарж балархайшжээ.

Бас бар хэвлэлийн ажилд холбогдох бүгд орчуулагч ба тушаалтны нэр (诸译衔名) нь Парис хэвлэлд илэрсэнгүй боловч Лондон хэвлэлд 6 дугаар ботийн сүүлд илэрчээ. Парис болон Япон хэвлэл нь 8 боть, 8 дэвтэр боловч, Лондон хэвлэл нь 8 боть, 3 дэвтэр (1–4, 5–6, 7–8) бий [吴敏锡, <“清语老乞大新释”>:, 제이본간의 판본비교연구선본확정을위한기초작업국어사연구 17, 국어사학회, 2013, p. 305].

“Манж ЛаоКида”-ийн зохиож хэвлэгдсэн явцын тухай тэмдэглэлийг “Манж Лао Кида”-ийн шинэ тайлбарын Оршил (“清语老乞大新释序”), “Турван орчуулсан ерөнхий тайлбарын оршил” (“三译总解序”) “Нэвтэрхий бичгийн

ордны ойллого” (“**通文館志**”), дахинтаа барласан “Гурван орчуулсан ерөнхий тайлбарын оршил” (“**重刊三译总解序**”) зэргээс тодолж болно. Доор бид тэдгээрийг тус, тусад нь шинжилж үзье.

I. “Манж ЛаоКида”-ийн шинэ тайлбарын оршил (“**清语老乞大新释序**”)

“Манж Лукида”-ийн шинэ тайлбарын оршил (“**清语老乞大新释序**”) нь Япон Жуй Зе их сургуулийн номын санд хадгалагдаж байгаа (日本驹泽大学图书馆所藏) “Манж Лукида”-ийн шинэ тайлбар (**清语老乞大新释**)-ийн 1-р ботийн сүүлд илэрчээ. Хятад эх бичиг нь доорх мэт:

清語，在今諸譯，爲用最緊，爲功最難。其課習之書，有“老乞大”及“三譯總解”。而“三譯總解”，則本以文字翻譯，無甚同異訛舛。若“老乞大”則始出於丙子後，我人東還者之因語生解，初無原本之依倣者，故自初已不免齟齬生澁。而今過百季，又有古今之異，假使熟於此書，亦無益於通話之實，從事本學者多病之。庚辰咸興譯學金振夏，因開市往雷會寧，與寧古塔筆帖式，質問音義，辨明字畫。凡是書之徑庭者改之，差謬者正之，翌季開市時，復質焉。則皆以爲與今行語一一脗合。自此諸譯無所患於舌本之間強，振夏儘有功於本院矣。因都提舉洪公筵稟，入梓箕營。不佞方與聞院事，故略記顛末如此云。乙酉秋，提調行判中樞府事，洪啓禧，謹序。]

“Манж ЛКида”-ийн шинэ тайлбарын оршил нь хэдийгээр дахин хэвлэгдсэн барын “Оршил” боловч, “Манж ЛаоКида”-ийн анх удаа ба дахин хэвлүүлж зохиогдсон явцыг бодитой харуулдаг.

Тус оршлын хэсгээс холбогдол бүхий агуулгыг орчуулбал доорх мэт:

(А). Манж хэл өдгөө бүхий л харь гүрний хэлний дунд хамгийн чухал хэл боловч сурахад хамгийн хэцүү байдаг. Манж хэл сурах бичигт “Манж Лао Кида”, “Сан Шиови И Юй” (“**三学译语**”) бий. Үүнд “Сан Шиови И Юй” нь манж хэлийг шууд орчуулсан болохоор ондоо зүйл эсвэл буруу ташаа зүйл цөөн буюу алга. Гэвч “Манж ЛаоКида” нь 1636 оны сүүлчээс манжид баригдаж очоод, буцан ирсэн Солонгос хүмүүс (东还者)-ийн үгийг үндэслэж, тайлбарлах явцад анх бий болсон болохоор, угтаа лавлалт болгох эх дэвтэр эсхүл дуурайж бичих зүйлгүй байжээ. Тэгэхлээр эхнээсээ буруудаж, будилаантай зүйл олон оршиж байсан юм.

(В) Одоо зуун жил өнгөрч, эрт одоогийн ялгаа зөрөө үүссэнээс болж, хүмүүс хэдийгээр энэ номыг боловсронгуй мэдсэн ч бодитой орчуулгын явцад хэцүүдэж байжээ. Тиймээс манж хэл сурч байгаа хүмүүс үүнийг том асуудлаар үзэж байжээ. 1760 он (英祖 36)-д Жин Жен Шиан Гүй Нин (会宁)-д очиж, Нин Хү Да (宁古塔)-гийн бичээчээс дуудлага ба утгыг асууж, үсэг зурлагыг ялгаж тодруулсан байна. Тэгээд энэ номын ялгаа зөрөөтэй зүйл ба буруу ташаа зүйлийг тэрр даруй зөв засжээ. Дараа жил худалдаа эхлэх үед дахин сурагласанд тухайн үеийн хэлтэй нэгдэлтэй байсныг мэджээ. Тийнхүү орчуулагчийн хэл хатуу болох учиргүй болжээ. ...1765 он (英祖 41)-ы намар Хон Чи ший (洪启禧) энэ оршлыг хичээн бичжээ.

Дээрх (А) хэсгээс “Манж ЛаоКида” бол манжид баригдаж очоод, буцан ирсэн солонгос хүмүүсийн үгийг үндэслэж зохиогдсон судар гэдгийг мэдэж болно. Бас

“Манж ЛаоКида”-г зохион найруулах үед, суурь болох эх дэвтэр байгаагүй болохоор, эхлэнгүүт буруу ташаа зүйл оршиж байсныг тодолж болж байна. Энд “Манж ЛаоКида” -ийн эх дэвтэр гэж манж хэлэн дээр бичигдсэн “ЛаоКида”-г хэлж байгаа юм.

(B) хэсэгт дахин хэвлүүлсэн “Манж ЛаоКида”-ийн зохиогдсон бодит явцыг харж болно. Урьд зохиогдсон “Манж ЛаоКида”-ийн он жил удааширсан болохоор сүүлчийн хүмүүс үүнийг ойлгоход хэцүү болжээ. 1760 ба 1761 онд Жин Жен Шиан манж гүрний бичээчээс манж хэлний дуудлага, утга, үсэг бичлэг зэргийг асууж, буруу зүйлийг залруулж, тэр үед хэрэглэгдэж байсан хэлийг мөн хэвээр тусгасан байдал доор сая дахин хэвлүүлсэн гэдгийг ойлгож болно.

II. “Гурван орчуулсан ерөнхий тайлбарын оршил” (三译总解序)

“Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбарын оршил” (三译总解序) нь Сөүл их сургуулийн Күй Жан Ге дэвтэр (首尔大学校奎章閣本) болох “Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбар” (“三译总解”) 1-р ботийн өмнө илэрчээ. Хятад эх бичиг нь доорх мэт: 國家設置譯學, 所以通四方語, 事大交鄰. 而於女真學, 改號, 今爲清學, 其語傳襲既久, 訛繆寔多. 逮自丙子以後, 凡於文書之往復者, 言語之酬酢者, 皆用此語, 而全不曉得. 伊時, 都提調楸灘吳相國, 具由入啓, 遴本學中有才者申繼黯, 每行連續差遣. 取 “八歲兒” 等五種書, 考證刪定, 俾業是學者習之. 今上即位之七年庚申, 老峯閔相國, 提學譯院, 以繼黯所刪書, 字少, 語不廣, 無以會其通而盡其變, 令崔厚澤·李濊·李宜白等, 更加釐正. 刪 “去化” “仇難” “尚書” 三冊, 而取清書 “三國志”, 相與辨難, 作爲 “三譯總解” 十卷. 又解 “漢語老乞大”, 爲 “清語老乞大” 八卷, 與舊 “八歲兒” “小兒論” 各一卷, 通共二十卷. 用此爲程式, 使決其科, 等其食. 而顧其寫本, 易致傳訛, 而艱於布行, 以此病之. 癸未九月, 有朴昌裕等六人, 齊辭于都提調竹西申相國, 願出捐己財, 劖劂是書, 以廣其傳布, 則公可之. 於是吳廷顯·李宜白等, 以訓上主其事, 事訖名之曰清語總解. 鳩工鋟梓, 苦心殫力, 凡十數月, 而始克就緒. 夫譯者, 有國之不可無者. 而其譯之能, 必待其學之精, 其學之精, 必賴其書之備. 則是書之刊也, 其功亦豈少哉? 雖有是書, 使是書刊行者, 非吳廷顯等耶. 歲甲申仲夏上浣識. 康熙四十二年癸未九月日開刊. 讐整官前判官, 金世弘·吳允武·鄭銑·李海. 書寫官前判官, 李世萬·金尚密. 前奉事, 李震馨·李東奎.

Гурван орчуулсан ерөнхий тайлбарын оршил” бол хэдийгээр гурван орчуулсан ерөнхий тайлбарын оршил боловч, үүнд “Манж ЛаоКида”-ийн анхны барыг хэвлүүлэхээс өмнөх хэлбэр ба анхны барыг зохиож хэвлүүлсэн явцыг тусгаж байгаа болохоор тодруулж үзэх шаардлагатай. Доор энэхүү “Оршил”-ын хэсгийг үзье.

(A) Улсаас орчуулгын сургуулийг байгуулсан зорилго нь дөрвөн зүг найман зовхист нэвтрэх хэлийг ашиглаж гадаад харилцаа хийхийн төлөө юм. “Жүрчин сургууль” (女真學)-ийг “Манж сургууль” (清學) гэж өөрчилж, тэр хэлийг уламжлаад удсан болохоор буруу ташаа зүйл олон болжээ. 1636 оноос нааш бичгийн хэл ба ярианы хэлэнд бүр, энэ үгийг хэрэглээд харилцан ойлгож чадсангүй. Энэ үед Эү Ен Чан (吳允謙) учир ухааныг мэдээд, хаан эзэнд

айлтгаж орчуулгын эрдэмтэн Шен Жий Ан (申继黯)-г засалт хийлгэхээр Манж гүрэнд томилжээ. Найман настай хүүхэд (“八岁儿”) зэрэг 5 судрыг авч, нэмж хасан, балархай зүйлийг тодруулаад, энэ мэргэжлээр ажил хийж байгаа хүмүүнд сайхан танилцуулжээ. Сүү жун (肃宗) хааны сууринд гарсан 7 дугаар жил даруй 1680 онд Мин Дин Жун (闵鼎重), Орчуулгын яам (司译院) -ны Ди Жиүй (提举) болоод, Шен Жий Аны нэмж хассан судрын үсэг нь бага мөртөө үг арвин биш болохоор бүгдийг ойлгоход хэцүү, хэлний шинэ хувиралтыг бас тусгаж чадсангүй гэдэг саналаа дэвшүүлэв.

(B) Тийм болохоор Цүй Хү Зе (崔厚泽), Ли Жий (李澱), Ли И Бай (李宜白) зэрэг хүмүүсээр дахин нэмж засуулжээ. “Чюй Хуа (“去化”), Чеү Нон (“仇难”), Шан Шуу (“尚书”) зэрэг 3 номыг хасч, манж ном “Гурван улсын ойллого” (“三国志”) -ын хүчир зүйлийг асууж, сураглаж байгаад “Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбар” (“三译总解”) 10 ботийг зохиожээ. Бас хятад “ЛаоКида” -г орчуулаад “Манж ЛаоКида” -г зохиожээ. Хуучин найман настай хүүхэд, хүүхдийн онол (小儿论) тус, тус 1 ботийн дээр нэмээд, нийт 20 боть болгожээ. Үүнээс хойш шалгуулын дүрэмд хэрэглэж, зэрэг дэс хуваах баримжаа болгожээ. Гэтэл бичмэл дэвтэр (写本) -ийг үзэхүл буруу ташаа зүйл олон, өргөн хэрэглэгдэж чадахгүй болохоор зовуурь болжээ.

(C) 1703 оны 9 сард Пиу Цан Юй (朴昌裕) зэрэг 6 хүмүүн Шен Ван (申琬)-д өөр өөрийн эд мөнгөө гаргаж энэ судрыг дармаллаж өргөн дэлгэрүүлэе гэдэг саналаа дэвшүүлэхэд тэр зөвшөөрчээ. Эө Ян Шиан (吴延显), Ли И Бай (李宜白) зэрэг хүмүүн хаанд айлтгаж энэ ажлыг гол даачилж хийгээд, номыг зохиож дуусгасны дараа манж хэлний ерөнхий тайлбар (“清语总解”) гэж нэрлэжээ. Ажилтнуудыг цуглуулж модон бард дармаллаж, хэдэн сар чармайгаад, сая өнөө ажил урагштай явагджээ. Орчуулагч гэдэг нь нэг улс гүрэнд авч үзвэл дутагдаж болшгүй, боловсронгуй сайхан орчуулъя гэвэл мэдлэг заавал нарийлаг байх хэрэгтэй. Мэдлэгийн нарийлаг нь бүрэн гүйцэд номоор суурь болгодог. Тэгвэл ном хэвлэх ажлын ач холбогдлыг хэрхэн бага гэж хэлж болох вэ? Хэдийгээр ном байвч энэ номыг хэвлүүлсэн хүн Эү Ян Шиан зэрэг хүмүүн биш үү? 1704 он (肃宗 30) -ы зуны дунд сар. Шан Ван (上浣) -д тэмдэглэжээ. Тэнгэр тэтгэгчийн 42 он (1703, 肃宗) -ы 9 сар өдөр хэвлүүлжээ.

Дээрх (A) хэсгээс бид “Манж ЛаоКида”-г хэвлүүлэхээс өмнөх, манж бичгийн ерөнхий байдлыг мэдэж болно. Даруй 1680 он болоход манж хэлэнд мэргэшсэн хүмүүн Шен Жий Аны зассан найман настай хүүхэд зэрэг 5 номын агуулга нь цөөрч, хэлний шинэ хувиралтыг тусгаж дийлэхгүй болсон болохоор орчуулгын ажлыг хийхэд хүчир болжээ.

(B) хэсгээс “Манж ЛаоКида”-ийн анх удаа зохиогдсон байдлыг ойлгож болно. Цүй Хү Зе, Ли Жий, Ли И Бай зэрэг хүмүүс Чюй Хуа, Чү Нон, Шан Шуу зэрэг номыг хасч, гурван орчуулгын ерөнхий тайлбар (10 боть), “Манж ЛаоКида” (8 боть)-г засаж, “Найман настай хүүхэд” (1 боть), “Бага хүүхдийн онол” (1 боть)

зэргийг нийлүүлж, “Манж хэлний ерөнхий тайлбар” (20 боть)-г дуусгасаныг мэдэж болно. Энд хоёр зүйлийг тодолж болно. Даруй хятад “ЛаоКида”-ийн суурин дээр “Манж ЛаоКида” зохиогдсон ба “Манж Лао Кида”-ийн анхны эх дэвтэр нь гар бичмэл болно.

III. Нэвтэрхий бичгийн ордны ойллого (“通文馆志”)

Энэ хэсэг агуулга нь “Нэвтэрхий бичгийн ордны ойллого” (通文馆志卷二劝奖陞差) ‘3b)’ -д илэрчээ. Хятад эх бичиг нь доорх мэт: 清學八冊“八歲兒” “小兒論” “新翻老乞大” “三譯總解” 翻 “經國大典”. (тайлбар: ..., 康熙甲子, 始用“新翻老乞大”, “三譯總解”).

Дээр ярьсан “Манж ЛаоКида”-ийн гар бичмэл нь “Нэвтэрхий бичгийн ордны ойллого”-д шинэ орчуулсан “Лао Кида” (新翻老乞大) гэдэг нэрээр тэмдэглэгдэж байжээ. Тус судрын холбогдол бүхий агуулгыг орчуулбал доорх мэт:

Манж сургууль (清學)-ийн 8 ном бол “Найман настай хүүхэд”, “Хүүхдийн онол”, “Шинэ орчуулсан “ЛаоКида”, “Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбар” зэрэг мөн.

“Солонгос вант төрийн үеийн хуулийн бичиг” (經國大典) -г орчуулна.

(Тайлбар: ... 1684 онд анх удаа “Шинэ орчуулсан “ЛаоКида”, “Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбар”-г ашиглажээ.

“Нэвтэрхий бичгийн ордны ойллого”-ын тэмдэглэлийг үндэслэвэл, 1680 онд Чүй Хү Зе, Ли Жий, Ли И Бай зэрэг хүмүүсийн зохиосон “Манж ЛаоКида” 1684 оноос эхлэн шалгуулийн дүрэмд хэрэглэх судар болсныг мэдэж болно. 1703 онд анхны бар хэвлэл хэвлэгдэхээс өмнө нэгэнт “Шинэ орчуулсан “ЛаоКида” гэдэг нэрээр хэрэглэгдэж гар бичмэлээр тархаж байжээ.

Бас дээрх (хоёр) (с) хэсгээс энэ гар бичмэлийг 1703 оны 9 сард Пиу Чан Юй зэрэг 6 хүмүүн эд мөнгөө гаргаж Эү Ян Шиан, Ли И Бай зэрэг хүмүүс удирдан, 10 гаруй сарын хооронд модон бараар барласаныг мэдэж болно.

Энд дурдууштай зүйл гэвэл өмнөх “Манж ЛаоКида” -ийн шинэ тайлбарын оршил” дахь “Манж Лао Кида” 1636 оны сүүлчээс манжид баригдаад буцан ирсэн Солонгос хүмүүсийн аман яриаг дагаж тайлбарласан суурин дээр анх зохиогджээ гэсэн тэмдэглэл ба “Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбарын оршил” (三译总解序) дахь 1680 онд Чүй Хү Зе, Ли Жий, Ли И Бай зэрэг хүмүүс хятад “Лао Кида” -г орчуулж “Манж ЛаоКида” 8 ботийг зохиосон тэмдэглэлийн хоорондох харьцааг анхаарах чухалтай.

“Леу бан ко” (“倭板考”) -г үндэслэвэл, “Манж ЛаоКида” анхандаа манжид баригдаад буцан ирсэн хүмүүсээр дамжин зохиогдсон гэж тэмдэглэгдэж байсан ч, зохиогчийн нэрийг хэлсэнгүй. Тиймээс 1703 онд анхны бар гарч ирэхээс өмнө “Манж ЛаоКида”-г найруулах явцад манжид баригдаад, буцан ирсэн Сооһиуан-ы хүмүүс болон Чүй Хү Зе, Ли Жий, Ли И Бай зэрэг хүмүүс бүр холбогдохыг тодруулж болно.

Гэтэл хоорондох харьцааг одоохондоо тодруулахад хэцүү байна. ”Манж ЛаоКида” 1636 оны сүүлчээс манжид баригдаад буцан ирсэн Сооһиуан-ы хүмүүсийн аман яриаг дагаж зохиогдсон гэдэг тэмдэглэлийг үндэслэвэл, манжид баригдаад буцан ирсэн Сооһиуан-ы хүмүүс нь Чүй Хү Зе, Ли Жий, Ли И Бай зэрэг

хүмүүсээс эрт “Манж Лао Кида” -г зохиох ажилд оролцсон гэж магадалж болох юм.

IV. Дахин барласан гурван орчуулгын ерөнхий тайлбарын оршил (重刊三译总解序)

“Дахин барласан гурван орчуулгын ерөнхий тайлбарын оршил” (重刊三译总解序) нь Сөүл их сургуулийн Күй Жан Ге дэвтэр (首尔大学校奎章閣本) болох “Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбар” (三译总解書) 1-р ботийн өмнө илэрчээ. Хятад эх бичиг нь доорх мэт: 書以載語, 書不明, 語亦不明. 顧清語, 在今諸方語, 爲用最緊. 而舊有 “老乞大” “三譯總解” 諸書, 歲月寢多, 卷帙散逸, 字句音釋, 亦不無古今之異, 學者病之. 金公振夏以善清語名, 先以 “老乞大”, 就質於清人之習其書者, 筵白而刊行之. 繼又考校 “三譯總解”, 刪其訛誤, 獲成全書. 都提舉栢谷金相國, 聞而嘉之, 官給財力, 因使金公董其役, 張君再成, 書而入梓焉. 從茲以往, 業是書者, 無復疑晦, 而緩急辭令之間, 庶免扞格之患, 其爲益豈淺渺也哉? 嗚呼! 茲書之成, 雖自金公, 其所以重刊而廣布之者, 繫惟我相國之賜, 後之學者, 一心孜孜, 毋替夫今日之深意也. 原敘之并附, 以其有可攷云爾. 歲甲午秋, 崇政大夫行知中樞府事李湛序. 乾隆三十九年甲午九月日改刊. 檢察官, 崇政大夫行知中樞府事金振夏. 折衡將軍行忠武衛副司直高師彥. 書寫官, 朝散大夫行司譯院副奉事張再成.

1765 онд дахин барласан “Манж Лао Кида” -гийн хэвлэгдсэн явцыг хэдийгээр урьдах “Манж Лао Кида” -ийн шинэ тайлбарын оршил” -д бас үзсэн боловч, “Дахин барласан гурван орчуулгын ерөнхий тайлбарын оршил” -оор дамжин улам нэг алхам тодруулж болно. Үүнийг монголчилбол доорх мэт:

А. Үсэг үгийг ачаална гэдгээр, үсэг тодорхой биш бол үг бас тодорхойгүй. Эргэцүүлэн бодохул, манж гүрний үг олон үгний дунд хамгаас чухал. Гэвч урьдах “Манж Лао Кида”, “Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбар” зэрэг олон ном цаг хугацааны өнгөрөхийг дагалдан салж бутарч, үсэг, өгүүлбэр, дуудлага ба тайлбарт хувиралт үүсээд үүнийг сурч байгаа хүмүүс хэцүүдэж байна.

(В) Жин Жен Шиян манж хэлэнд сайн гэж алдаршив. Тэгэхлээр “Манж Лао Кида” -г авч, манж гүрний тус номыг сайхан мэдэх хүмүүсээс асууж, хааны зөвшөөрлийг олж хэвлүүлжээ. Дараа нь “Гурван орчуулгын ерөнхий тайлбар”-г засаад, буруу зүйлийг хасч бүтэн ном зохиожээ. Жин Дае Чен (“金得臣”) үүнийг сонсоод яамнаас зоос гаргуулж, Жин Жен Шиянаар удирдуулан Жан Зай Цэн (張再成)-ээр үсэг бичүүлж, модон барт сийлүүлжээ. Үүнээс хойш энэ судраар шалгалт бэлтгэх хүмүүс дахин хэцүүдэх учиргүй болж, элчин сайдтай харилцахад бас хэцүүдэх асуудал алга болжээ. Тэгэхлээр тэр ач гавьяаг хэрхэн бага гэж хэлж болох вэ? Аа! Энэ судрыг дуусгах ажил хэдийгээр Жин Жен Шиянаас эхэлсэн боловч, үүнийг дахин хэвлүүлээд өргөн тархаасан үйл ажиллагаа нь үнэхээр манай гүрний энэрэл болой. Тиймээс хожмын сурагсад энэ судрыг нэг сэтгэлээр хатуужилтай суралцаж, өнөөдрийн гүн санааг битгий хөсөрдүүлтүгэй! Уг бичгийг хамт тавьсан нь үзүүлэхийн төлөө юм. 1774 он (英祖 50)-ы намар, Ли Жен (李湛) тус оршлыг бичжээ.

Дээрх (А) хэсгээс анхны хэвлэлийн үсэг, өгүүлбэр, дуудлага, тайлбар зэрэг нь тухайн үед хэрэглэгдэж байгаа хэлтэй ялгаатай болсон болохоор суралцаж байгаа хүмүүс хүчирдэж байсныг мэдэж болно. Тиймээс “Дахин хэвлүүлсэн “Манж ЛаоКида” авиа, үг, үсэг, өгүүлбэр зэрэг олон талаар засагдсан бололцоо өндөр байжээ.

Даруй урьд “Манж ЛаоКида”-ийн шинэ тайлбарын оршилд илэрсэн авиа, утга, үсэг бичлэг зэрэг, бас дээрх “Дахин барласан гурван орчуулгын ерөнхий тайлбарын оршил”-д илэрсэн үсэг, өгүүлбэр, дуудлага, тайлбар зэрэг манж хэлний засалтыг дагалдан солонгос орчуулгад бас адилхан засалт оруулсан бололтой.

(В) хэсгээс Жин Жен Шиян гэдэг хүн манж хэлэндээ шалгарсан хүмүүн байхыг мэдэж болно (金公振夏以善清语名). Тэр “Манж ЛаоКида”-г авч, манж хүмүүний дотор энэ судрыг сайн мэддэг хүмүүнээс асууж, хэвлүүлснийг тодруулжээ. Даруй “Манж ЛаоКида” -ийн дахин хэвлүүлсэн бар хэвлэл нь манж хүмүүн “(Эрдэмтэй хүмүүн)-ий тусламжийг хүртэж хэвлэгдсэн болохоор, тэр үеийн хэрэглэгдэж байсан хэлээр засагдсан боломж их. Энэ нь дээрх “Манж ЛаоКида”-ийн шинэ тайлбарын оршил”-ын тэмдэглэл, даруй 1760 он ба 1761 онд Жин Жен Шиян манж гүрний бичээч (“书记”) -ээс манж хэлний дуудлага, утга, үсэг бичлэг зэргийг асууж, буруу ташаа зүйлийг сураглаж байгаад, тэр үеийн хэлтэй нэг нэгээр тохиролцох суурин дээр “Манж ЛаоКида” бий болсон гэдгийг дахин нотолж болно.

Хураангуйлбал, “Манж Лао Кида” бол Сооһиан гүрний сүүлчээр манж хэлний орчуулагч ба орчуулагчийг шалгаруулах шалгалтад зориулж найруулсан манж хэл сурах бичиг юм. Дээр голдуу “Манж ЛаоКида”-ийн шинэ тайлбарын оршил”, “Гурван орчуулсан ерөнхий тайлбарын оршил”, “Нэвтэрхий бичгийн ордны ойллого”, “Дахин барласан гурван орчуулсан ерөнхий тайлбарын оршил” зэрэг түүхэн материалд үндэслэж, “Манж ЛаоКида”-ийн хэвлэгдсэн явцыг тодруулав.

Тус судар 1680–1684 онд гар бичмэлийн хэлбэрээр тархаж байснаас 1703 онд анх удаа модон бараар хэвлэгдэж, 1765 онд дахин барлагдав. 1765 оны модон барын хэвлэл бол Жин Жен Шиян 1703 оны эх бичгийн дуудлага, үсэг бичлэг, утга тайлбар, өгүүлбэр зэрэг талд засалт оруулж, Пиен Ранд дахин хэвлүүлсэн бар болно.

“Манж ЛаоКида”-ийн зохиогдсон ба хэвлэгдсэн явцыг доорх хүснэгтээр дүгнэж болно.

	Он жил (бар хэвлэл)	Зохиож хэвлэхэд холбогдох хүмүүс	Онцгой зүйл	Одоо хадга- лагдаж байх эсэх
Шинэ Орчуулсан “ЛаоКида”	1680–1684 он (Гар бичмэл)	Манжид баригдаад буцан ирсэн Сооһиан-ы хүмүүс ба Чүй Хү Зе, Ли- Жий, Ли И Бай зэрэг хүмүүс	-	Үгүй
“Манж ЛаоКида”	1703 он (Модон)	Пиу Чан Юй зэрэг (эд гаргав)	Манж хэлний ерөнхий	Үгүй

	барын хэвлэл)	Эү Ян Шиан, Ли И Бай (гол хариуцав)	тайлбар (манж хэл сурах дөрвөн бичиг 20 боть)- дбагтаажээ	
Манж “ЛаоКида”ийн Шинэ тайлбар	1765 он (Модон барын хэвлэл)	Жин Жен Шиян (засалт хийв) Жан Зай Чэн (бичээч)	Дуудлага, утга тайлбар, үсэг зурлага, өгүүлбэр зэргийг засчээ	Байна

Литература

1. 郑丞惠 “조선후기왜학서연구태학사 ” 2003 он, 90-р нүүрийн агуулгаар лавлалт болгожээ.
2. 吴敏锡“<清语老乞大新释”>:, 제이본간의판본비교연구선본확정을위한기초작업국어사연구 17, 국어사학회, 2013 он, 303 -р нүүр.
3. 郑光,允世英, “司译院译学书册板研究” ·, (인문사회과학총서 17), 고려대학교출판부, 1998 он, 233-235-р нүүр.
4. 吴敏锡, <“清语老乞大新释”>:, 17, 국어사학회, 2013 он, 323-325 -р нүүр.
5. 郑光编著, “清语老乞大新释” 首尔, 太学社, 1998 он, 19-р нүүр.
6. 吴敏锡, <“清语老乞大新释”>:, 제이본간의판본비교연구선본확정을위한기초작업국어사연구 17, 국어사학회, 2013 он, 305-р нүүр.

THE WORKBOOK “MANCHU LUKIDA”

Shuilan

Dr. Sci. (Philol.), Prof.,
School of Mongolian Studies, Inner Mongolia Normal University
Hohhot, China
E-mail: bayar_pak@yahoo.com
monliterature@gmail.com

Abstract. The “Manchu Lukida” is a workbook of the Manchu language of the Qing period, which was compiled to prepare translators and was used on translator selection exams. The workbook was spread in manuscripts between 1680 and 1684. First published in 1703. It was reprinted in 1765 by Jin Zhengxiang, who corrected the original typographical errors. Since then, “Manchu Lukida” has become more widespread. Some scholars have suggested that the word "lukida" (老乞大) is derived from the word "Chinese Dragon". "Chinese Dragon" means a person who has mastered the Chinese language.

Keywords: Manchu language, textbook, translator, publication, wood engraver, manuscript.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК МИФА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© *Бобкова Наталия Георгиевна*

кандидат филологических наук,
преподаватель французского языка высшей квалификационной категории,
Лингвистическая гимназия № 3
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: bobkova_natalia_uu@mail.ru

Аннотация. Миф, как основной художественный метод, придающий глубину и универсальность конкретному сюжету, встречается как в античной трагедии, так и в постмодернистском романе. В XX веке миф понимается как достояние исторически далеких эпох. Как литературный прием, проявляя себя на уровне сюжета, образа и мотива, миф увеличивает обзор изображаемых событий, помогает выстроить особый условный мир, в котором зашифрована авторская картина мира. Современная литература продолжает пользоваться символическим языком мифа, который является одним из основных способов иносказания. Миф объясняет человеку его самого и окружающий мир, чтобы поддерживать существующий социальный и космический порядок. Многие современные писатели вплетают в свои произведения различные литературные, библейские и мифологические коды.

Ключевые слова: миф; мифология; мифологизм; литературный прием; сюжет; образ; мотив; художественный метод.

Художественная литература, как и искусство в целом, неразрывно связана с мифологией или совокупностью мифов, представляющих наиболее глубинные, общие, вневременные слои человеческого сознания. Интерес к мифу присущ писателям разных эстетических направлений от античной трагедии (Гомер, Эсхил, Софокл, Еврипид) до постмодернистского романа, поэтому о мифе следует говорить не только как о философии, идеологии или мировоззрении, а и как об основном художественном методе, позволяющем придать глубину и универсальность конкретному сюжету.

Реалистическая литература XIX века отображала действительность в адекватных ей жизненных формах, создавала художественные истории своего времени. Однако и она не отказывается полностью от мифологии как литературного приёма. Вспомним повесть «Нос» Н. В. Гоголя, где автор рисует фантастическую историю про нос майора Ковалева, который был запечен в тесте, затем брошен в Неву, разъезжал по Петербургу в ранге статского советника, а потом возвратился на законное место — «между двух щек майора Ковалева». В реалистической литературе и в частности в повести нет традиционных мифологических имён, но уподобленные архаическим ходы фантазии писателя активно выявляют в заново созданной образной структуре простейшие элементы человеческого существования, придавая целому глубину и перспективу. И совершенная «чепуха», произошедшая с майором Ковалевым имеет свою логику. Н. В. Гоголь шутя, говорит о важных для человека вещах: как «сохранить лицо», «не потерять себя»; о человеческой личности и «собственном месте» в этом мире. «Чепуха происходит от превращения этих понятий в какие-то самодовольные внешние вещи. Нос как видная часть становится в центре этих превращений: из части в целого господина, из вещи — в лицо» [Бочаров, 1984, с. 203].

В XX веке под мифологизмом понимаются мировоззрение писателя и используемые им приемы введения мифологических образов в произведение. В настоящее время миф приобрел иную окраску и стал пониматься не как любой вымысел, облаченный в рассказ, а как достояние исторически далеких эпох. К мифу обращаются сознательно как к инструменту художественной организации накопленного опыта, как к способу «выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки». Современные теории определяют миф как «некую емкую форму и структуру, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения, а также художественной практики». Миф являет себя на уровне сюжета, образа, мотива, аллюзии, подтекста. В науке появляются такие новые понятия, как «мифологема» (часть мифа, отделившаяся от целого и выполняющая функцию мотива). Миф может играть идеологическую, композиционную, поэтическую, структурообразующую и другие роли в произведении.

Мифология, по выражению представителя немецкой классической философии Ф. Шеллинга, представляет собой прекрасный «первичный материал для всякого творчества, для создания в искусстве индивидуальной мифологии, материал для искусства, основу и переход к христианству. Миф объясняет и санкционирует существующий социальный и космический порядок в том его понимании, которое свойственно данной культуре. Миф так объясняет человеку его самого и окружающий мир, чтобы поддерживать этот порядок» [Бурковский, 2013, с. 133].

О порядке, успокоении и уверенности в окружающем мире человека говорит и Эдвин К. Крапп, директор Гриффитской обсерватории в Лос-Анджелесе: Миф служит той же цели, что и наука. Цель эта — отчаянная попытка человека объяснить противоречивый окружающий мир. Миф дает ему успокоение и уверенность в опасном и непредсказуемом окружении. Разница лишь в том, что ответы и взаимосвязи между явлениями при этом ищутся не во внешнем мире, а во внутренней Вселенной самого человека [Михалевская, 2015, с. 14].

Миф показывает не только внешнюю причину происходящего, но и психологизм ситуации, который, как следствие, содержит в себе психологизм действующих лиц. Миф раскрывает еще и то, как на это происходящее пытаются влиять через действие, поступок, которое в основе своего совершения имеет определенную цель. Рамки мифологического сюжета увеличивают обзор изображаемых событий, одновременно обязывают художника к лаконичной манере, обостренному драматизму.

Современная литература продолжает пользоваться символическим языком мифа. Литературные произведения наполняются многочисленными аллюзиями на древние мифы и одновременно являются источниками новой мифологии. В отличие от традиционного мифа, новый литературный миф — это один из основных способов иносказания, художественный образ, созданный с помощью привлечения тех или иных черт мифологической образности.

В последнее время в науке о литературе очень широко используется понятие «архетип» (от греч. *arche* — начало и *typos* — образ). Особо следует выделить категорию, которая оказалась предпочтительна именно в постмодернистских текстах — литературные архетипы, которые базируются на вечных литературных образах, созданных конкретными авторами — образы Гамлета, Дон — Кихота, Одиссея, Медеи, Кентавра и т. д. Так, в романе «Улисс» Джойса прообра-

зом Стивена Дедала является не только Телемак, но и Гамлет. Кроме того, в одном из эпизодов романа появляется некто, похожий на Шекспира. В постмодернистских текстах герои могут соседствовать с их создателями — авторами и входить в новую систему. Иногда целые литературные произведения могут становиться подтекстом всего повествования, придавая ему мифологическую структуру. Джон Фаулз виртуозно вплетает в свои произведения различные литературные и мифологические коды, требующие от исследователя большой эрудиции и искусства декодирования. Так, к примеру, сборник повестей «Башня из черного дерева» отсылает читателя к образу Пабло Пикассо. Образ мифологическому, т. е. ко времени создания повести П. Пикассо стал мифом европейской культуры. Сложная система мифологической символики прослеживается и в романе «Коллекционер». Например, символика элементов живой природы (животных, птиц, насекомых), где ключевую роль занимает образ бабочки, неразрывно связанный с образом главной героини Миранды. В самих именах (Миранда и Калибан) писатель подчеркивает полярность героев, заставляет обратиться к пьесе В. Шекспира «Буря», где Миранда и Калибан стали «литературными знаками красоты и уродства, нравственной чистоты и животной непосредственности» [Чамеев, 2004, с. 9]. В «Женщине французского лейтенанта» — викторианский код. В финале романа главный герой поставлен перед выбором: либо главный герой мирится со своей судьбой, женится на Эрнестине (викторианский), либо остается с женщиной своего сердца, презрев жестокие моральные принципы общества (беллетристический), либо остается на пути искания своего собственного «я», своего места по реке жизни с ее законами и тайнами (беллетристический). [Бобкова, 2015, с. 7]. Мифологическая символика в романах Д. Фаулза подчеркивает состояние героев, особенности их мировоззрения, позволяет предопределить их дальнейшую судьбу.

Мифологический дискурс пронизывает почти все романы отечественного писателя Б. Акунина о Фандорине. Чаще всего писатель предпочитает библейские мифы. В романе «Азazelь» присутствует библейский миф. Известно, что в иудаизме Азazelь является демоническим существом. В Библии Азazelь упоминается в контексте описания ритуала «дня искупления»: в этот день грехи народа перелagались на двух козлов, один из которых предназначался в искупительную жертву для Яхве, а другой («козел отпущения») — для Азazelя [Бобкова, 2015, с. 87].

В апокрифической «Книге Еноха», упоминаемой Б. Акуниным в романе, Азazelь выступает как падший ангел, поднявший мятеж против Бога, совратитель человечества, своего рода негативный культурный герой, научивший мужчин войне и ремеслу оружейника. В самом романе организатор террористической организации баронесса леди Эстер, объясняя смысл названия, говорит: «Азazelь — не сатана, мой мальчик. Это великий символ спасителя и просветителя человечества. Человечество давно бы погибло, если б не особые личности, время от времени появлявшиеся среди людей. Они не демоны и не боги. Благодаря каждому из них человечество делало скачок вперед. Прометей дал нам огонь. Моисей дал нам понятие закона. Христос дал нравственный стержень. Но самый ценный из этих героев — иудейский Азazelь, научивший человека чувству собственного достоинства. «Азazelь» — мой передовой отряд, который должен исподволь, постепенно прибрать к рукам штурвал управления миром. О, как рас-

цветет наша планета, когда ее возглавят мои Азазели!» [Акунин, 2002, с. 213]. С помощью мифа об Азазеле писатель создает в романе особый, условный мир, в котором царят законы террористической организации, мечтающей захватить бразды правления в свои руки и перевернуть мир. При помощи этого романного условного мира строится все романное повествование.

Левиафан в Ветхом Завете соотносится с морским чудовищем (китом). Контекстуальное значение Левиафана в одноименном романе — это чудо-корабль, результат научно-технического прогресса, где достижения современной техники сочетаются с комфортом. Огромные размеры корабля в открытом море вызывают у читателя ассоциации морского кита из Библии. Недаром золотая эмблема корабля с изображением кита, найденная комиссаром Гошем на месте преступления, стала причиной того, что сыщику стали сниться кошмарные сны: «Комиссар катался с мадам Гош на лодочке в Булонском лесу. Вдруг из-за вершин деревьев выглянула гигантская золотая морда с бессмысленными круглыми глазами, разинула пасть, в которой запросто поместилась бы Триумфальная арка, и стала всасывать в себя пруд. Между тем оказалось, что дело происходит вовсе не в парке, а посреди безбрежного океана. Весла гнулись, как соломинки, мадам Гош больно тыкала зонтиком в спину, а огромная сияющая туша заслонила весь горизонт» [Акунин, 2002, с. 16]. Для комиссара эти сны оказались вещими. На борту корабля, где Гош расследует «преступление века», его убивают, чтобы замести «следы» преступления. Корабль «Левиафан» оказывается для комиссара настоящим «чудовищем» поглотившим его в безбрежном океане.

В романе «Смерть Ахиллеса» также присутствует мифологический дискурс, связанный с греческим мифом об Ахиллесе — одним из наиболее прославленных героев Троянской войны. Как и древнегреческий герой, Михаил Соболев — прославленный полководец, прозванный Ахиллесом из-за большого количества блестящих побед в Плевне и Туркестане. После многочисленных побед в сражениях его стали называть неуязвимым Ахиллесом, которому нестрашны никакие сражения. Но, как и у древнегреческого героя, у Белого Генерала была своя «ахиллесова пята» — он был большим поклонником прекрасных дам. Начав представлять угрозу для царя императора, был приговорен тайным императорским судом к смерти. Любимое вино генерала, отравленное сильно действующим ядом, которое преподносит дама — причина смерти генерала в романе [Бобкова, 2015, с. 87].

В мифологическом пласте романа «Любовник Смерти» Эраст Фандорин сравнивается с Одиссеем Гомера. Подобно древнегреческому герою он спускается в пещеру подземелья Хитровки и сражается там с Циклопом — Будочником, хозяином Хитровки, предавшим закон и ставшим хладнокровным убийцей. В поединке с Будочником сыщик одерживает верх и выходит на свет целым и невредимым.

В творчестве Б. Акунина дискурсы литературы прошлого не рассчитаны на постижение сложной философии писателей-постмодернистов. В романах Б. Акунина аллюзии, цитаты, реминисценции представляют обширный арсенал сюжетных, жанровых формул, прошедших проверку классикой и потому являющихся признаком «высокой литературы» для массового читателя.

Итак, понимая деятельность людей как речевую практику, современные писатели, обращаясь к текстам прошлого, воскрешают при этом и бессознательную культурную память человечества (Ж. Деррида).

Используя миф в качестве метода в произведениях, современные писатели пытаются упорядочить хаотичность мира, выстроить особый условный мир, создавая из хаоса реальности мир, наделенный порядком и смыслом. Мир, нагруженный дополнительными скрытыми смыслами, где зашифрована авторская картина мира. Поэтому можно говорить не просто об использовании мифа или интерпретации мифа, но о «мифологизме» современной литературы или о «мифотворчестве».

Литература

1. Акунин Б. Азазель. М. Захаров. 2002. С. 213.
2. Акунин Б. Левиафан. М.: Захаров. 2002. С. 16.
3. Бобкова Н.Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Б. Акунина о Фандорине и Пелагии. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 2015. 152 с.
4. Бурковский М.В. Мифология в свете философских исканий Шеллинга. Вестник ВГУ. Серия Философия. №1. 2013. С.132-135.
5. Леденева Т.В. Постмодернизм и современная культура [Электронный ресурс] URL: http://www.yspu.yar.ru/vestnik/novye_Issledovaniy/1_1/index.html (14.04.2009).
6. Мельников Н.Г. Массовая литература [Электронный ресурс] URL: www.Sochindex.ru (10.05.2008).
7. Фидлер Л. Современная западная культурология. М., 1993. С. 462-518.
9. Хализев В.Е. Теория литературы. — М.: Высшая школа. 2005. 405 с.
10. Чамеев А. Коллекционер vs художник (О романе Джона Фаулза «Коллекционер») / Фаулз Д. Коллекционер; Женщина французского лейтенанта: Романы / Пер. с англ. — СПб: Азбука — классика. 2004. — 864 с.
11. Штейнман М.А. Популярная литература: Опыт культурного мифотворчества в Америке и России // Вопросы литературы. 2004. № 5. С.15-20.

SYMBOLIC LANGUAGE OF MYTH IN CONTEMPORARY LITERATURE

Natalia G. Bobkova

Cand. Sci. (Philol.),

French language teacher of the highest qualification category

Linguistic Gymnasium № 3

Ulan-Ude, Russia

E-mail: bobkova_natalia_uu@mail.ru

Abstract. Myth, as the main artistic method that gives depth and universality to a specific plot, is found both in ancient tragedy and in the postmodern novel. In the XX century, the myth is understood as the property of historically distant eras. As a literary device, manifesting itself at the level of plot, image and motive, the myth enlarges the overview of the events depicted, helps to build a special conditional world in which the author's picture of the world is encrypted. Modern literature continues to use the symbolic language of myth, which is one of the main methods of allegory. The myth explains to a person himself and the world around him in order to maintain the existing social and cosmic order. Many modern writers weave various literary, biblical and mythological codes into their works.

Keywords: myth, mythology, mythologism, literary reception, plot, form, motive, artistic method.

II. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОНОМАСТИКОН В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 81'246

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНТРОПОНИМИКИ В СВЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

© *Рогозная Нина Николаевна*

доктор филологических наук, профессор,
Байкальский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
E-mail: 009636@bgu.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика вербализации имени собственного в ономастическом пространстве иносоциума. Учет особенностей функционирования и трансформации антропонима в иноязычном контексте становится все более актуальным. Антропонимическая система представляет собой исторически сложившееся единство на определенной государственной территории. Языковое мышление нации способно органично включать в коллективное сознание только созвучные и национально ориентированные антропонимы. Необходим особый подход в выборе имени собственного вторичной номинации в национально ориентированном пространстве. Этноисторическая особенность функционирования имени собственного должна учитывать все психолингвистические нюансы социализации. Распространение русско-китайского и китайско-русского билингвизма диктует свои правила вхождения антропонизма вторичной номинации в территориально и национально целостное пространство языковой картины мира. Психолингвистические особенности, традиционные воззрения на функционирование антропонизма определяют его выбор на территориальном пространстве Китая и России в процессах современной миграции.

Ключевые слова: антропоним; процессы миграции; имянаречение; психолингвистика; этноисторическая особенность; социализация; адаптация; конфронтация; билингвизм; иносоциум.

Ономастическая лексика является частью языковой картины мира. Она вербализует особый и очень важный пласт каждого языка, связанный с антропонимикой — названием человека [Суперанская, 1986, с. 25]. Языковые единицы, относящиеся к человеконазыванию часто позволяют определить реликтовое языковое сознание той или иной нации в аспекте языковых, этнических и культурных традиций. Традиционная духовная культура народов воплощается в первичном наименовании человека и отражает отдельный сегмент в структуре ономастикона любого языка.

Актуальным является описание традиционных подходов в современной картине мира с точки зрения сопоставительного аспекта в социуме. В этом плане важным компонентом для лингвистики служит сопоставление не только синхронно-диахронного этапа номинации человека, но и проекция на проникновение имен собственных из иной культуры и их функционирование в современном мире, когда два языка вступают не только в контакт друг с другом, но и, тесно

переплетаясь, вырабатывают этнокультурную и этно-историческую особенность характера функционирования антропонима в ином контексте действительности.

Данная статья посвящена вопросам проникновения имени собственного человека в другую культуру, в частности культуру двух соседствующих стран: Китая и России. Антропонимы, как имена собственные человека, являются этнокультурной и лингвокультурной составляющей любой национальности, органично входя в ее концептосферу. Экспериментально выделенные лексические единицы, систематизированные по семантическим признакам, отражают национальную историко-культурную специфику функционирования антропонима в социуме, его современную трансформацию, тенденции взаимопроникновения, возможные со стороны личности и общества. Благодаря анализу и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов как методов исследования, такие обнаружения служат надежными критериями при лингвистическом анализе [Рогозная, Ли, 2013, с. 74].

По мнению некоторых ученых, русские и европейские имена состоят, как правило, из графемных знаков, которые часто представляют собой ряд механически собранных символов и главной задачей которых является передача благозвучия [Никонов, 1974, с. 27]. Присвоение имени собственного ребенку в китайской культуре имеет ряд отличительных особенностей.

Если, с психолингвистической точки зрения, имянаречение у русских чаще имеет экспрессивный и немотивированный характер, то китайцы придают этому событию высокую степень важности и ответственности. Китайцы считают, что при рождении ребенок должен получить хорошее имя, которое должно соответствовать китайской социальной норме [陈建民, 1989, с. 46]. Обязательными считается, что приоритет выбора имени новорожденному принадлежит бабушкам и дедушкам. И это является не формальностью или ограничением выбора произвольного иероглифа. Семантика имени собственного должна содержать идеальное видение и всестороннее отражение роста будущей личности в социуме. Имя получает одобрение у старшего поколения. Оно должно выражать надежду при передаче эстафетной палочки младшему поколению на достижение потомком высоких норм морали и целей, которых, возможно, они сами не достигли. При выборе имени собственного старшее поколение как бы передает эстафету нереализованных, незавершенных ими начинаний и переносит осуществление своей мечты на ребенка вписать родовое имя в судьбу государства достойными делами. С такими чаяниями на будущее к вопросу выбора имени не подходит так тщательно, пожалуй, ни одна нация в мире. Это вскрывает глубокий традиционный уклад народа, культуру, раскрывает генетический потенциал нации.

Процессы современной миграции вводят свои коррективы во все социальные сферы, в том числе не только к имянаречению младенцев, но и подталкивают мигрантов первого поколения к выбору нового имени собственного для быстрой социализации на новом месте взрослых людей. Так люди, приехавшие на долгий срок в какую-либо страну или на постоянное место жительства, часто неофициально, реже официально, меняют свои имена для вживания в новую культуру и быстрой адаптации.

Китайцы-экспаты приобретают или получают новые имена, содержащие различные трансформации. Например, наиболее типичная ситуация возникает, когда для успешной социализации к китайскому имени добавляется новое англий-

ское имя. При переводе такого антропонима на русский язык первым обозначается английское имя, затем китайское фамилия, а далее следует китайское имя. Английская традиция диктует использование последовательности: английское имя — китайское имя — китайская фамилия, в русском языке предпочтение отдается первому варианту. Подобные традиции при передачи китайского антропонима важны для техники перевода [陈建民, 1989, с. 53].

Таким образом, перевод на русский язык должен осуществляться в указанной последовательности, например, Ли Дуни — Дуня — Ивановна. При дальнейшей ассимиляции имени собственного нередко происходит выпадение китайского имени из состава именованного: Ли Дуня Ивановна. При переводе с английского языка на русский китайского имени должна соблюдаться традиция и английского языка.

Приобретая новое имя собственное на территории России, китайцы вносят инновационные компоненты для обозначения имени человека в разные периоды его биологического развития, взросления, изменения статуса и даже предопределения желаемых поворотов судьбы. Тождество номинанта самому себе создается внешними, а не внутренними признаками и потребностями. Существование в референте имени собственного вторичной номинации подчеркивает принципиальную изменчивость лица во времени, месте и ареале проживания.

Несмотря на то, что имена собственные ориентированы на единство индивидуума, тем не менее, в некоторых языках допускается варьирование, а иногда и замена антропонима по мере продвижения человека по жизненному пути. Новая традиция использования антропонимической последовательности графического изображения представляется так, как указано выше.

Человек, собирающийся длительное время контактировать с иностранцами, в том числе с китайцами, должен продумать серьезный антропонимический шаг, ориентирующий его на иносоциум и выбрать новое имя собственное, подходящее для страны проживания и успешного прагматического обоснования. В этом смысле идет не только противопоставление старого и нового, но и подчеркивается существование разной «самости» человека.

Воспринимая мир языковых наименований и явлений ассоциативно, китайцы опираются на определенный иероглиф, четко отражающий семантику антропонима: черты, характер, место рождения, время, погоду, социальные условия во время рождения и т.п. Для китайской нации это не формальное звучание или графическое изображение [田雪亭, 2011, с. 8.]. Если русское имя имеет более двух слогов, например, Константин, Вячеслав, Александр, Валерий и т. п., то китайцам это представляется не только сложным для запоминания, но и создает трудность ассоциирования с чем-либо. Конечно, скорее всего, они не выскажут никаких эмоций, но будьте готовы к тому, что даже после продолжительного контакта, китайцы не смогут не только произнести его правильно, но даже запомнить его звучание. Исключение составляют китайцы, изучающие иностранные языки.

С одной стороны, сложность запоминания иноязычных имен предопределяет коммуникативный шаг по выбору и освоению имени собственного вторичной номинации. Такой психолингвистический прием не вызывает негативной реакции, а плавно входит в жизнь китайца. С другой стороны, если человек серьезно заинтересован в контактах с Китаем, положение обязывает его изменить ситуа-

цию, в которой он находится, и возникает прямая зависимость от прагматической направленности, диктующей выбрать для себя китайское имя, как новую этикетку или одежду, в которой не всегда удобно, но она необходима. Часто в этом случае возникает когнитивный диссонанс. Он связан с интеллектуальным конфликтом, возникающим в тех случаях, когда по имеющимся мнениям и представлениям, появляется новая противоречивая информация, не находящая отражение в ранее сформированном национальном менталитете. Дискомфорт и напряжение вызываются внутренним психологическим конфликтом при использовании имен вторичной номинации другими национальностями, но не для китайцев. У них это происходит с помощью мощного психологического действия, сформированного системой принятия новой информации через призму устоявшихся психолингвистических традиций. Для любого китайца не нужно снимать внутреннего противоречия и убеждать себя в необходимости принятия нового имени. Сохранение равновесия, стабильности и порядка в собственном представлении о мире и о себе самом функционирует в китайском социуме традиционно.

Общепризнанным является факт функционирования имени собственного вторичной номинации на генетическом уровне. Биологические признаки индивидуума сопровождаются темпоральной сменой имени собственного на пути взросления, становления и развития личности. В каждый момент взросления китаец получает свое новое имя. Вот почему вторичное имя плавно входит в языковой континуум китайско-русского или китайско-английского билингва без всякой психологической конфронтации. Следует заметить, что культурное пространство русско-китайского билингва с трудом воспринимает новое имя, тем не менее, русско-китайские билингвы вынуждены обращаться к процедуре выбора китайского имени с целью смены социальной функции. Это значит, что новое имя лица становится заместителем старого на определенный период времени и ситуативно меняется. Встает вопрос: каким образом русскому необходимо выбирать китайское имя в китайском социуме.

Русский человек, решивший выбрать себе китайское имя, попадает в «транслитерационную ловушку». Часто он безуспешно пытается адаптировать свое имя на китайский манер. Например, *Руслан* трансформируется в *Ло Сылань* (罗斯兰). Кажется, звучит неплохо и перевод подходящий, поскольку иероглифы данного имени используются в названиях таких стран как *Россия* (俄罗斯) и *Украина* (乌克兰). Прибегая к такому распространенному способу, русские оказываются в ловушке, которая заключается в том, что версия выбора имени собственного (написания и звучания) не всегда верна. Так иероглиф *лань* (兰) означает «орхидея» и используется в женских именах. Кроме этого, имя не вписывается в принятые каноны китайского полного именованья, которое содержит два-три иероглифа, и первым элементом всегда идет фамилия или ее аналог. Количество иероглифов, которые могут передавать фамилию, ограничено, так иероглиф *ло* (罗) попадает в этот список [曾婷, 2007]. Владелец выбранного имени попадает в такую ситуацию, что ему приходится объяснять всем его происхождение и доказывать свою традиционную ориентацию. Когда человек с таким именем обратился к партнеру по бизнесу и попросил помочь в выборе китайского имени, которое ему подходило бы и состояло бы из двух иероглифов, а также соответство-

вало бы его характеру, китайский партнер блестяще справился с задачей, и Руслана нарекли *Ма Да* (马达). Это имя означало «двигатель», «мотор» и отражало его характер [Крюков, 1971, с. 33–39].

Можно привести много подобных примеров, иллюстрирующих неудачный выбор имени собственного. Так, фамилия *Ян* (杨) часто используется с именем *Вэй* (伟) и переводится «великий», «могущественный». Парадокс заключается в том, что *Ян Вэй* (杨伟) звучит так же, как *яньвэй* (阳痿), но означает малоприятное название для мужчины — «импотенцию».

Еще один пример неудачного выбора китайского имени связан с фамилией *Чжу* (朱) (созвучно слову «свинья»), которая в сочетании с тем же *Вэй* (伟) может быть понята как *чжувэй* (猪尾) — «свинячий хвост». Вот почему, чтобы приобрести правильное и благозвучное китайское имя, необходимо обратиться за советом к носителю языка, которому можно доверять. В этом случае у вас есть гарантия, что ваше имя будет восприниматься серьезно, а не насмешливо.

По статистике такие ситуации нередки. Так, фамилия в имени *Чжу Цзюань* (朱娟), фамилия *Чжу* (朱), имя *Цзюань* (娟), означает «красивый», однако *Чжу Цзюань* (朱娟) звучит как *чжуцзюань* (猪圈) и означает «свинарник» [任启亮, 2006, с. 35]. Следующий пример: *Янь Ган* (晏刚), здесь фамилия *Янь* (晏), имя *Ган* (刚), переводится как «железный», однако *Янь Ган* (晏刚) может ассоциироваться как *яньган* (烟缸) — «пепельница».

Когда русские приезжают в Китай, то по разным причинам выбирают себе китайское имя. Как демонстрируют приведенные примеры, подход к выбору имени собственного должен быть тщательным в китайском социуме.

Социологический опрос 2018 года показал, что из 90 русских респондентов, проживающих в Шэньяне, 57 имеют второе имя, функционирующее в китайском обществе, в их числе 30 женщин (52,6%) и 27 мужчин (47,4%). Анкета содержала следующую информацию: первичное русское имя, пол, возраст, семантика русского имени, имя собственное вторичной номинации (китайское), его значение, причина выбора вторичного имени, социальный статус, прагматическая направленность нового имени (зачем, с какой целью сделан выбор нового имени). Рисунок 1 отражает причины выбора имени собственного вторичной номинации русскоговорящими в Китае [Рогозная, Ли, 2013, с. 87].

Статистические данные психолингвистического анализа выбора китайского имени собственного вторичной номинации русскоговорящими в первую очередь объясняются прагматической направленностью коммуникативного поведения индивидуума. Функциональные имена в разных социумах по-иному проявляют потенциальную психолингвистическую сему, которая связана с периодами жизни человека, социальной функцией, миграционной адаптацией и прагматической направленностью.

Русское имя	Пол	Возраст	Значение в русском языке	Китайское имя	Значение в китайском языке	Почему выбрано это имя (принцип)	Социальный статус (профессия)	Причина переименования
Александр	м.	32	мужественный	Хаосюань	возвышенный	нравится значение	вкладчик	для общения с китайцами
Александр	м.	23	мужественный	Яюань	отдалённость	нравится значение	студент	благозвучие
Анатолий	м.	28	восход солнца	Жунсюань	моральный облик	нравится значение	повар	для удобства коммуникации
Анатолий	м.	25	восход солнца	Жичу	восход солнца	одинаковое значение	магистрант	для общения с китайцами
Андрей	м.	19	храбрый	Вэйци	великий, чудесный	нравится значение	студент	символ другой культуры
Анна	ж.	23	милость	Мэйли	красивая	нравится значение	студентка	благозвучие
Анна	ж.	38	милость	Лань	синий цвет	нравится цвет	предприниматель	для общения с китайцами
Анфиса	ж.	16	цветущая	Таньхуа	название цветка	нравится значение	студентка	для удобства коммуникации
Белла	ж.	21	прекрасная	Чжэньжу	жемчуг	нравится значение	студентка	для общения с китайцами
Борис	м.	30	борьба	Бао лисы	–	одинаковое звучание	бизнесмен	для удобства коммуникации

Рис. 1. Психологический анализ китайского имени собственного русскоговорящими в Китае

Отсутствие имени собственного вторичной номинации ощущается как психологический дискомфорт и ущербность в новом социуме. Проблемы иммиграции затрагивают личность экспата, его языковое поле, языковой код, культурные контрасты, социальные ценности, нарушают прагматическую направленность вживания в новые условия жизни индивидуума. Таким образом, имя собственное служит не только заместителем, но и является щитом, защитой от агрессивной среды.

Литература

1. Крюков М. В. Китайские фамилии: как и когда они возникли. Этнография имен. М.: Наука, 1971. С. 33-39.
2. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
3. Рогозная Н. Н., Ли Ч. Новые горизонты функционирования имени собственного (в аспекте русско-китайского билингвизма): монография. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. 160 с.
4. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 254 с.
5. 陈建民. 语言文化社会新探. 上海: 上海教育出版社, 1989, 264 p.
6. 任启亮, 时序. 中国文化常识/国家汉语国际推广领导小组办公室, 中华人民共和国国务院侨务办公室编.北京: 话语教学出版社, 2006. 241 p.
7. 田雪亭. 现代快报: 改名之感, 2011. 第 F10 版.
8. 曾婷. 俄罗斯人姓名趣谈. 2007 (2) . P. 64-65.

TOPICAL ISSUES OF ANTHROPONIMICS IN LIGHT OF LINGUOCULTURAL STUDIES

Nina N. Rogoznaya
Dr. Philol., Prof.
Baikal State University

Irkutsk, Russia
E-mail: 009636@bgu.ru

Abstract. The paper deals with the dynamics of the verbalization of a proper name in the onomastic space of the alien society. Taking into account the peculiarities of the functioning and transformation of an anthroponym in a foreign language the context is becoming more and more relevant. The anthroponymic system is a historically established unity on a certain state territory. The linguistic cognition of a nation is capable of organical including in the collective consciousness only consonant and nationally oriented anthroponyms. A special approach is required in choosing the name of your own secondary nomination in a nationally oriented space. The ethno-historical peculiarity of the functioning of a proper name should take into account all the psycholinguistic nuances of socialization. The spread of Russian-Chinese and Chinese-Russian bilingualism dictates its own rules for the entry of anthroponym of the secondary nomination into the territorially and nationally integral space of the linguistic picture of the world. Psycholinguistic peculiarities, traditional views on the functioning of anthroponym predetermine its choice in the territorial space of China and Russia in the processes of modern migration.

Keywords: anthroponym; processes of migration; naming; psycholinguistics; ethno-historical peculiarity; socialization; adaptation; confrontation; bilingualism; alien society.

УДК 811.11.112

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ОНОМАСТИКОНА ШВЕЙЦАРИИ

© *Беляев Андрей Николаевич*

доктор филологических наук, доцент,
Башкирский государственный аграрный университет
Уфа, Российская Федерация
E-mail: anbelajew@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются региональные особенности фамилий, распространенных в немецкоязычных кантонах Швейцарии. Цель состоит в исследовании формальных и содержательных признаков, позволяющих отнести немецкую фамилию к “швейцарской” по сравнению с немецкими фамилиями в Германии. Углубляется понимание региональных вариантов фамилий. Демонстрируются региональные отличия в написании, морфологии и происхождении фамилий от диалектной лексики. В качестве материала выбраны фамилии со вторым компонентом *-mann*, широко распространенным в немецкоязычных странах. По мотивационному признаку фамилии классифицированы на пять групп: фамилии, данные по названию профессий, по месту жительства, по происхождению, образованные от звательных имен и прозвищ. Выявлено, что на всех языковых уровнях отмечаются региональные особенности, включая типологию имен.

Ключевые слова: немецкий язык; швейцарско-немецкий; ономастика; национальный ономастикон; региональная специфика; фамилии.

Изучение региональной специфики национального ономастикона представляет интерес со многих точек зрения. Сам по себе материал региональных ономастических систем и категорий дает возможность в большей или меньшей степени проникнуть в глубь времен и тем самым создает возможности для реконструкции

в области лексической семантики, а также для реконструкции типовых антропо- и топооснов, использовавшихся в процедурах наречения именем, которые в народе передавались из уст в уста, от поколения к поколению. Кроме того, лингвистическое изучение своеобразия территориальных ономастиконов, которые создавались на почве местных диалектов, представляет интерес также и в плане развития исторической диалектологии, ареальной лингвистики, а вместе с тем — и для пополнения исторических знаний недостающими фактами. Установление взаимоотношений между территориальными ономастическими системами любого языка очень важно для понимания современной языковой ситуации, для выяснения общих и частных вопросов истории национального языка, для раскрытия процесса складывания и развития народного ономастикона на основе древних племенных диалектов. Совершенно справедливо утверждается, что современная лингвистическая наука сосредотачивает все большее внимание на исследовании национального ономастикона, представляющего собой значительный пласт в лексической системе любого языка [Доржиева, 2010; 2011; Хиад, 2018, с. 112].

Говоря о разработке данной проблематики применительно к швейцарскому ономастикону, обслуживающему немецкоязычные кантоны швейцарской нации, следует отметить, что зарубежными германистами успешно исследуются национально детерминированный характер ономастических единиц, разрабатывается методология и применяются методы, позволяющие выявить первичные языковые признаки (индикаторы), по которым имя можно считать типично «швейцарским» для жителей германоязычной Швейцарии. Центральная проблема, на изучение которой обращено внимание швейцарских исследователей, связана с динамикой лингвистической структуры онимических форм, какие при этом встречаются регионализмы на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях и как они соотносятся с нововерхненемецким литературным языком. Должно быть вместе с тем естественным, что региональные особенности языка укрепляют «культурно-национальную идентичность», а имя собственное, говоря словами Ф. Дебуса, сказанными им по этому поводу, «заостряет идентичность» [Debus, 2003, с. 78].

До настоящего времени серьезно не поднимался вопрос о региональной специфике швейцарских фамилий в немецкоязычных кантонах, если не считать некоторых работ, в которых, между прочим, уже говорится (правда, весьма поверхностно) о «региональной действенной силе», способной извлечь регионально закодированную информацию об именах собственных, прибегая к языковой компетенции [Ris, 1977, с. 559]. Антропоэлементы национального ономастикона, в отличие от единиц лексического состава языка, в большей степени подвергаются воздействию региональных, местных условий. В этой связи важно отметить, что лингвистические ситуации, когда немецкий язык в качестве национального государственного языка используется несколькими нациями одновременно, характеризуются в отношении основного инвентаря элементов внутренним единством [Домашнев, 1888, с. 96], демонстрируя тем самым выходящий за границы немецкоязычных государств лингвистический континуум [Nübling, 2007, с. 145]. Изучение этого соотношения в его историческом развитии и современном состоянии очень важно для постижения самого понятия «литературный язык». Разновидности форм немецких имен собственных, сравнимые с диалектами, образуют особые региональные ономастические поля. Для обозначения подобного состояния

ономастики на национальном уровне в зарубежной германистике используется понятие региональной специфики [Hausner, 2009]. Самое понятие *региональная специфика*, по мнению А. Линсбергера, является очень важным и представляет основное условие при обращении к анализу фамильных онимов [Linsberger, 2011]. Подобной же концепции придерживается и С. Бертольд, когда говорит об именах как информантах, способных предоставить комплекс сведений языкового, социокультурного или регионального характера [Berthold, 2019]. При этом ученые оперируют индикаторами, которые наряду с чисто языковыми показателями могут содержать следующую информацию регионального характера:

1) диалектная региональная специфика (фонетика, словообразование и орфография) включает в себя как в алеманнском диалекте долгое /i:/ в *Wyler, Wyss(mann)* или долгое /u:/ в *Studer*;

2) географическая региональная специфика, которая указывает, например, на место происхождения, *Dietiker* к ойкониму *Dietikon*;

3) социокультурные или социо-экономические индикаторы указывают на социально-лингвистическое расслоение онимов, например, на происхождение из сельской местности или из городской среды (*Amman, Bader*);

4) индикаторы языковых контактов (миграции): из Позднего Средневековья: *Peyer* к *Bayern* (Бавария), *Unger* к *Ungarn* (Венгрия), *Weltsch* к ср.-в.-нем. *wal(hi)sch, wel(hi)sch* 'готманисч', здесь же *Soria* к *Syrien* (Сирия); в XX в. — итальянские (*Agosti, Rossi*), славянские (*Chmelnitzky*), еврейские (*Abramowitz*) фамилии.

Прежде чем говорить о региональных аспектах изучения ономастикона, необходимо затронуть несколько общих проблем, касающихся иерархически организованных манифестаций немецкого языка в пределах национальных (швейцарских) границ: немецкого литературного языка с присущей ему швейцарской окрашенностью (*Schweizerhochdeutsch*) и швейцарско-немецкого (алеманнского) диалекта (*Schwyzerdütsch*). Как отмечают германисты, нижняя ступень языковой иерархии состоит из двадцати традиционно выделяемых однородных швейцарско-немецких поддиалектов с соответствующей кантональной закрепленностью (*Baseldeutsch, Berndeutsch, Zürichdeutsch* и др.), которая находится в настоящее время в процессе сложной и многогранной перестройки своей системы [Домашнев, Помазан, 1883, с. 30]. В настоящее время все более отчетливо проявляется тенденция к нивелировке поддиалектов в направлении сближения с немецким литературным языком. Так, о пониживании фамильных онимов элементами литературного языка свидетельствует официально принятое, регламентированное написание фамилий. Например, в фамилиях на *-mann* никогда не пишется *-ma*, хотя в разговорном языке (*Umgangssprache*), а также в топонимах встречается произношение как [mā] или [mə]. Также графически не реализуется палатальный <sch>[ʃ] (**Eschtermann*); однако долгий [u:] в некоторых случаях передается в фамилиях как <au>.

Сближение со швейцарской региональной спецификой отчетливо наблюдается в области этимологии имен, их происхождения, что может явиться в дальнейшем отправной точкой при классификации имен на определенные группы по мотивационным признакам. Вырисовывающаяся при этимологическом анализе семантико-мотивационная картина онимов, отражающая всю полноту номинативной и культурно-прагматической ситуации, может быть использована для уста-

новления количественных отношений в разных группах онимов. Появление таких групп варьируется в зависимости от выбранной области исследования. Так, например, установлены географические отличия в отношении мотивов присвоения имени для провинций и крупных городов в Нидерландах и Фландрии. На юго-востоке этой области более $\frac{3}{4}$ всего онимикона составляют патронимические имена, которые дальше простираются в земли Рейнланда. Списки же наиболее частотных немецких фамилий, составленные без привязки к какому-либо региону, свидетельствуют о том, что в данных областях не наблюдается подобное соответствие, поскольку здесь, как правило, доминируют мотивы, связанные с профессиональной деятельностью; ср. фамилии *Baumann*, *Zimmermann*, *Kaufmann*, *Hofmann*.

По данным С. Берхтольд, в мотивационном отношении среди швейцарских фамилий со вторым компонентом *-mann* самую частотную группу составляют фамилии, мотивированные местом жительства — 34%. На втором месте стоят имена, мотивированные профессиональной деятельностью — 25%; за ними следуют фамилии, образованные от звательных имен — 19% и прозвищ — 17%. Фамилии, связанные с происхождением составляют всего лишь 3% [Berchtold, 2019]. В качестве примеров из первой группы приведем регионально окрашенные типы швейцарских фамилий: *Aeschmann*, *Aeschlimann*, *Aeschmann*, *Estermann*, *Bruhlmann*, *Portmann*, *Zihlmann*. Начальный компонент в фамилии *Aeschmann* восходит к др.-в.-нем. *ask* ‘Esche’; перед палатальным /ʃ/ выступает умляутированное /a/. Форма *Aeschli* является гипокористикой к *Aesch*; *Aeschi* является производной формой от др.-в.-нем. *ask*, н.-в.-нем. *Esche* ‘ясень’ и суфф. *-ahi*, выражающий коллективное значение. Фамилии *Aeschmann* и *Eschmann* составляли в начале XIX в. цюрихский тип, а *Aeschli* *Aeschlimann* — бернский тип имен. Типично швейцарским является также в этих именах диграф <Ae>, употребляемый для обозначения на письме фонемы [æ]. По мнению Р. Кулли, речь идет об устаревшей письменной привычке, которая, однако, в XX в. из-за вынужденных ограничений, связанных с печатанием на пишущей машинке, продолжала иметь место [Kully, 2009, с. 367]. На пишущей машинке того времени должны были располагаться клавиши как для немецких специальных знаков, так и для французских. В XVI в. в анлауте встречались по меньшей мере три графических варианта: 1531 — *Petter Eschlyman*, 1544/45 — *Uollj Aeschliman*, 1566 — *Böndecht Äschlijman* [Berchtold, 2019, с. 31].

Для расширения и углубления наших знаний в области истории происхождения немецких фамилий необходимо внимательно разобраться в мотивах присвоения имен каждого исторического периода, обратив особое внимание на особенности организации региональных ономастиконов. Так, в группе фамилий, мотивированных профессиональной деятельностью своей региональной специфичностью выделяются имена *Achermann* (от ср.-в.-нем. *acher* ‘поле’), *Kurmann* (от швейц.-нем. *Chur* ‘Pfarrhaus’), *Fehlmann* (от ср.-в.-нем. *vel* ‘Fellvon Tieren’, обозначает торговца мехами). Наряду с последним встречается вариант *Fellmann*. Написание через <hl> типично для кантона Аргау.

Специфичная организация ономикона в области лексики, обусловленная ее функциональной направленностью, и уже затем некоторым специфическим набором языковых средств (антропооснов), отчасти коррелирует с антропоосновами вышеприведенных фамилий. Такие топонимы, как *Solothurn* или микро-

понимы типа *Büel* характеризуются региональным колоритом. На уровне антропооснов региональные особенности проявляются, например, в фамилии *Ammann* (от ср.-в.-нем. *ambetman* ‘чиновник, управляющий’). Этот тип широко распространен на швейцарско-немецкой границе. Только в Швейцарии распространены композиты, как *Hausamann* и *Hausammann*. Регионально типичные фамилии *Rüttimann*, *Rütimann*, *Schwendimann*, указывающие на раскорчевку леса, восходят к др.-в.-нем. *riuti*, ср.-в.-нем. *riute*, н.-в.-нем. *Rodung* ‘корчевание’, др.-в.-нем. *swendi*, ср.-в.-нем. *swende* ‘место раскорчевки леса’. Оба этих апеллятива часто встречаются в топонимии Швейцарии и соответственно от них частотны фамильные онимы. Здесь явно прослеживается связь фамилий, мотивированных местом жительства, с микропонимами.

Особо следует выделить орфографию имен, и шире — проблему кодифицированности или некодифицированности норм, строго говоря, вообще может ли она быть отнесена к признакам самого языка и его национальных вариантов. В области имен собственных орфография играет важную роль, так как имена собственные, как ни какая иная категория слов, находятся в поле зрения лингвистов. Поэтому графемный уровень годится, как представляется, лучше других уровней, чтобы маркировать проприальность языковой единицы. Графемные отклонения, наблюдаемые в правописании фамилий, не являются нарушением орфографической нормы. Имена собственные в лексиконе языка представляют собой своеобразный подкласс существительных, которые отличаются на всех уровнях и подуровнях языковой системы от нарицательных существительных. Нечто похожее мы встречаем и в повседневности. Часто на имена собственные смотрят поверх «орфографических» очков, что приводит к появлению разных графических написаний, ср. *Schmid*, *Schmidt*, *Schmitt*. Обладая некоторыми признаками грамматических отступлений, выполняющих функцию «проприальности», они тем не менее вплетены в содержательную ткань повествования. Замечено, что орфография имен обуславливается их местным произношением в соответствии с местной, региональной письменной традицией.

Например, во всех фамилиях с <ue> и <üe>, а также в некоторых с <ie> в соответствии с орфографией произносится нисходящий дифтонг.

[ue] (= нем. [u:], австр. [u/e]): *Feuter*, *Hueber*, *Ueli*.

[yә] (= нем., австр. [i:]): *Diem*, *Dieth*, *Lienert*.

Из всего изложенного вытекает необходимость установить степень зависимости употребления имен собственных от региональной языковой специфичности и выделения таких онимических типов, которые представляют собой национальные разновидности в языковой системе.

Литература

1. Домашнев А. И., Помазан Н. Г. Актуальные проблемы швейцарской германистики // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 30–38.
2. Домашнев А. И. К истории создания концепции национального варианта языка // Вопросы языкознания. 1988. № 5. С. 96–106.
3. Доржиева Г. С. Аборигенные топонимы Квебека. Улан-Удэ: Издательство Бурятского университета, 2010. 204 с.
4. Доржиева Г. С. Франкофонные топонимы Квебека (этнолингвистический аспект). Улан-Удэ: Издательство Бурятского университета, 2011. 352 с.

5. Хиад Дашдондогийн Энхбат. Социальные функции монгольских антропонимов // Язык–культура, мышление–познание. Интегративные исследования: материалы международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 28–30 июня 2018 г.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского университета, 2018. С. 112–116.
6. Berchtold S. Auf der Suche nach der Regionalspezifität: Familiennamen mit -mann in der Deutschschweiz // Namenkundliche Informationen. 111. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019. S. 13–71.
7. Debus F. Identitätsstiftende Funktion von Personennamen // Sprachidentität — Identität durch Sprache. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. S. 77–90.
8. Hausner I. Regionalspezifische Familiennamen in Österreich // Familiennamen in Deutschland. Erforschung und Nachschlagwerke. Jürgen Udolph zum 65. Geburtstag zugeeignet. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2009. S. 351–363.
9. Kully R. M. Form und Inhalt der Deutschschweizer Familiennamen // Familiennamen im Deutschen. Jürgen Udolph zum 65. Geburtstag zugeeignet. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2009. S. 365–392.
10. Linsberger A. Regionalspezifität als Kriterium der Namensauswahl bei der Erstellung eines Österreichischen Online-Familiennamenbuches // Methoden der Namenforschung. Methodologie. Methodik und Praxis. Berlin: Akademie Verlag, 2011. S. 155–167.
11. Nübling D., Dammel A. Das deutsche Personennamensystem // Europäische Personennamensysteme. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch. Hamburg: Baar, 2007. S. 139–152.
12. Ris R. Namensschätzung und Namenwirklichkeit. Ein Beitrag zur empirischen Sozio-onomastik // Onoma XXI. 1977. Band 3. S. 557–576.

REGIONAL SPECIFICITY OF SWISS GERMAN SURNAMES

Andrey N. Belayev
 Dr. Sci. (Philol.), A/Prof.,
 Bashkirs State Agriculture University
 Ufa, Russia
 E-mail: anbelajew@mail.ru

Abstract. This article examines regional patterns of Swiss German surnames ending in *-mann*. The aim is to explore what makes a German surname “Swiss” in comparison to German surnames in Germany by deepening our understanding of regional variation in surname patterns. Thus surnames are geographically distributed and show regional variation in writing, articulation, morphology, and dialect lexis. *Mann-* surnames are quite common in German speaking countries. Due to the functions of *-mann* in word and name formation, this ending is found in all five categories (occupational names, nicknames, relationship names, habitation names and locative surnames). The analysis seeks to show which linguistic levels reveal which kinds of onomastic regionalism, including surname typology.

Keywords: German; Swiss German language; onomatology; national onomasticon; regional specificity; surname.

УДК 81'373.21

ГИДРОНИМ БАЙКАЛ: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

© *Доржиева Туяна Сергеевна*
 кандидат филологических наук,
 Улан-Удэ, Российская Федерация

© *Доржиева Галина Сергеевна*

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: Tess22@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента с гидронимом *Байкал*, проведенного под руководством Людмилы Владимировны Шулуновой в 2011 году в рамках диссертационного исследования «Семантика топонимов Чайного пути на территории Бурятии: ассоциативный эксперимент». Озеро Байкал является конечной точкой исследуемого участка Чайного пути.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; топоним; географические названия; Байкал; Бурятия; семантика; ассоциации; психолингвистика.

Ассоциативный эксперимент — один из методов экспериментальной психологии и психодиагностики, с середины XX в. очень широко применяется в психолингвистике (Залевская, 1971; Клименко, Супрун, 1977; Тойм, 1978, 1981; Маслова, 1981; Котик, 1981; Рогожникова, 1989; Болотнова, 1994; Караулов, 1994, 2002; Глозман, Кожина, 1999; Сазонова, 2000; Сидоренко, 2000; Горошко, 2001 и др.). Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка. В свое время Дж. Диз реконструировал семантический состав слова на основе ассоциативного эксперимента.

Имена собственные обладают разным ассоциативным потенциалом, то есть неравной способностью вызывать в сознании носителей языка разнообразные представления, те или иные образы. Уровень ассоциативного потенциала они определяют степенью его известности в том или ином языковом (территориальном) коллективе. В данной работе ассоциативный эксперимент используется как способ семантизации топонимов. Согласно определению Верещагина, Костомарова семантизацией называется любая процедура описания, направленная на выявление смысла, значения некоторой языковой единицы [Верещагин, Костомаров, 1983, с. 103].

Озеро Байкал находится в центре Азиатского континента, на границе Иркутской области и Республики Бурятия. Озеро протянулось с юга на север на 636 км в виде гигантского полумесяца. Ширина колеблется от 25 до 80 км. Площадь поверхности — 31,5 тыс. км². По площади водного зеркала Байкал занимает восьмое место среди крупнейших озер мира. Максимальная глубина озера — 1637 м — по праву позволяет называть Байкал самым глубоким в мире (средняя глубина — 730 м). **Объем вод** в озере — 23 тыс. км³ (около 22% мировых и 90% российских запасов пресной воды). По этому показателю озеро Байкал занимает второе место в мире среди озер, уступая лишь Каспийскому морю [<http://www.lake-baykal.ru/baikalst1.php>]. Как видно из описания, озеро Байкал — уникальное явление природы, данная информация имеет особую значимость для жителей Бурятии, являясь важным пунктом их самоидентификации в мировом континууме.

На это географическое название было получено 1325 ассоциативных реакций от 455 респондентов. 450 анкет (98%) содержат понятийную ассоциацию 'озеро', из них без зависимых слов — 96. Ассоциации с объектами вторичной номинации возникают крайне редко и не совпадают друг с другом, их общее количество составляет 5 реакций: 'кличка собаки' — 2, 'ансамбль', 'большой корабль', 'торго-

вая марка минеральной воды'. Данный факт подтверждает закономерность, отмеченную А. В. Суперанской о том, что имена со всеобщей известностью, даже если они широко используются для всякого рода вторичных именовании, первая и главная ассоциация однозначна, что достигается высокой частотностью употребления их именно в этом основном значении.

Данный гидрообъект выделяется среди других подобных в первую очередь глубиной и содержанием огромного количества пресной воды. Соответственно, именно эти факты оказываются в ядре ассоциативного поля гидронима *Байкал*: кластер «глубина» насчитывает 100 единиц (7,5%), «пресность воды» — 112(8,5%). На крупные размеры озера указали 57 респондентов (4,3%).

Удивителен и разнообразен животный и растительный мир Байкала, что отмечено 11 респондентами. Ассоциации с рыбами возникли у 69 испытуемых, большинство из которых назвали рыбу омуль, эндемик озера Байкал (45; 3,4%). Из представителей животного мира Байкала второе место по ассоциации с данным гидронимом занимает другой эндемик озера — байкальская нерпа (23; 1,7%). Она является единственным представителем млекопитающих в озере и единственным в мире видом тюленя, который живет в пресной воде.

Наибольшую значимость для жителей Бурятии по экспериментальным данным имеет чистота воды и окружающей природы Байкала (134; 10,1%), что во многом обусловлено сравнительным восприятием объекта в аспекте глобальной экологической проблемы. Однако экологическая ситуация на Байкале стремительно ухудшается и уже расценивается исследователями как критическая. Внимание к байкальской проблеме не ослабевает в течение последних десятилетий. Ассоциации, связанные с экологией Байкала, не так многочисленны, как ожидалось (21; 1,6%) несмотря на то, что все население Бурятии, несомненно, находится в курсе данной проблемы. Причины этого не ясны, впрочем, можем предположить, что средний житель Бурятии (не эколог по профессии, не занимающий высокую должность, не располагающий крупными доходами), будучи в определенной степени обеспокоенным этой проблемой, осознавая свою несостоятельность в ее решении, подсознательно отодвигает ее на второй план.

Для среднего жителя Бурятии характерно мелкое потребительское отношение к Байкалу, о чем свидетельствует ассоциативный материал: зафиксирована 91 реакция (6,9%), связанная с отдыхом на Байкале ('лето', 'отпуск', 'лучшее место для отдыха', 'хочу купаться', 'пляж', 'катамаран' и пр.). Уникальность и красота Байкала с каждым годом привлекает все большее число туристов, в том числе иностранных. Этому также способствует развивающаяся инфраструктура. Респонденты редко называли туристические базы и центры Байкала (9; 0,7%): Максимиха (2), Усть-Баргузин (2), Листвянка (1), Энхалук (1), Саяны (1) и слово 'турбаза (-ы)' (3). Но, достаточно часто озвучивали ассоциации, связанные с туризмом (30; 2,3%): 'туризм', 'туристы', 'туристско-рекреационная зона', 'приезжают отдыхать со всех стран мира', 'известность', 'в будущем самая популярная туристическая точка' и пр.

Безусловно, любой контакт с великим озером оставляет впечатления, которые пополняют ассоциативный фон реципиента. Прежде всего это проявляется в визуальной оценке объекта, отмечающей красоту озера и ее природы (62; 4,7%). Испытуемые часто называли элементы байкальского пейзажа (53; 4%): 'природа' (7), 'пейзажи' (2), 'вода' (11), 'байкальский прибой' (2), 'камни' (4), 'песок' (4),

‘зелень’ (1), ‘солнце’ (3), ‘закат’ (3), ‘мысы’(1), ‘острова’(1), ‘тайга’ (2), ‘в окружении леса’ (2), ‘снежные вершины’ (2), ‘горы’ (3), ‘туман’ (1), ‘большая птица, парящая в высоте’ (1), ‘коттеджи у Байкала’ (1), ‘бездна’ (1), ‘простор’ (1). Аудитивное восприятие исследуемого объекта отражают две противоречащие друг другу ассоциативные реакции ‘шум волн’ (3) и ‘тишина’ (1). «Обонятельная» ассоциация зафиксирована лишь одна — ‘морской запах’. Впечатления от физического контакта с водой и природой озера проявились в ассоциациях ‘холодная вода’ (5 реакций) и ‘ветер’ (3 реакции).

Ассоциации, отражающие чувства и эмоции по отношению к Байкалу, отличаются разнообразием, их общее количество — 41 (3%): кластер состоит из более 10 разных ассоциаций, но совпадений мало. Из них выделяются ассоциации ‘энергия’ (9), ‘спокойствие’ (6), ‘восхищение’ (4). Жители Бурятии с гордостью признают величие озера (18 реакций) и преклоняются перед ним, о чем свидетельствует многочисленность кластера «священность» (66; 5%): ‘природная святость’, ‘святое место для всех бурят-монголов’, ‘священное озеро бурят’, ‘огромная святость’, ‘сакральное место’, ‘поклонение’, ‘божество’, ‘это святое!’ и пр.

Некоторые респонденты подчеркивают таинственность и мистичность озера Байкал (13; 1%). Это неудивительно, Байкал занимает третье место в списке самых таинственных мест в России. Ежегодно средства массовой информации публикуют все новые и новые сообщения о необъяснимых явлениях, происходящих на Байкале — это визиты НЛЮ, круги на поверхности льда на озере, аномальные зоны. Весьма многочисленны реальные свидетельства людей, ставших на Байкале очевидцами необъяснимых явлений [URL: <http://tainy.net/27768-tainstvennyye-obekty-nad-svyashhennym-bajkalom.html>].

Таблица 1

Гидроним *Байкал*: распределение кластеров по видам ассоциаций

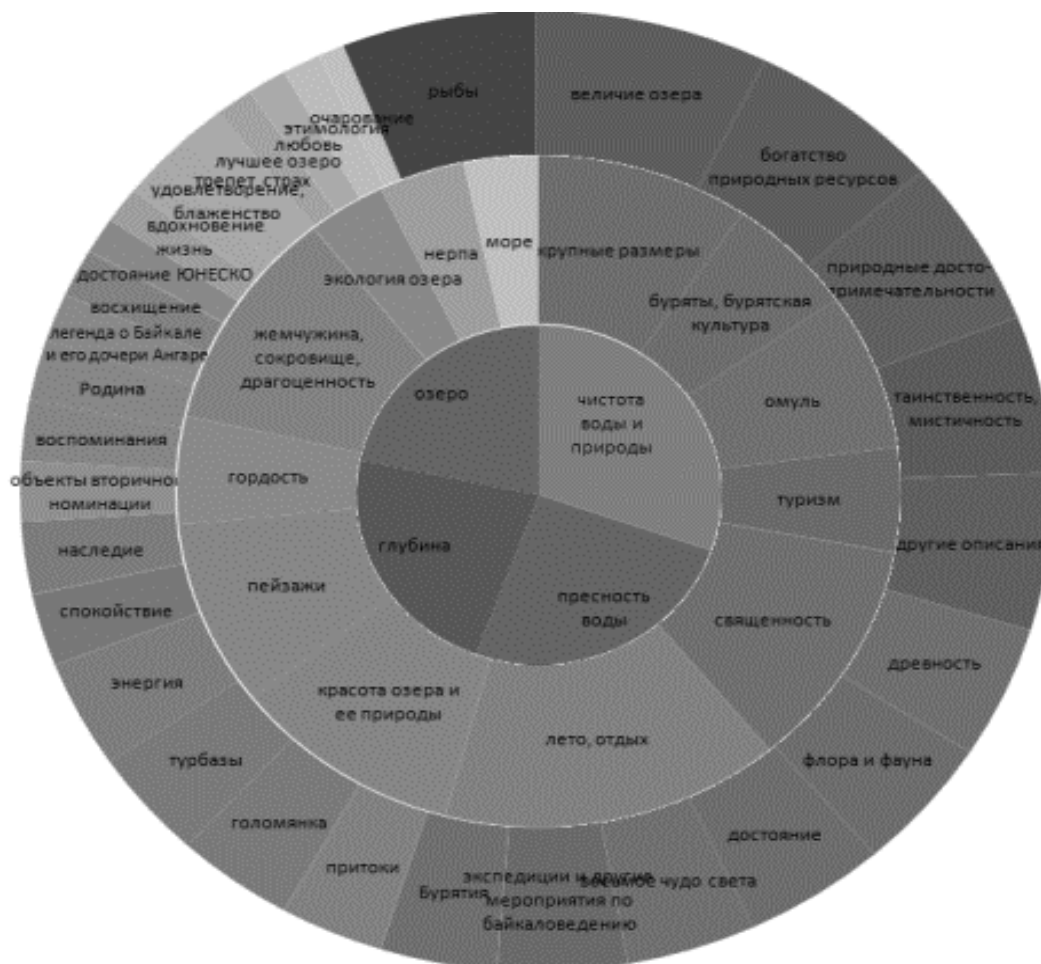
№	Виды ассоциаций	Кластеры	Кол-во ответов	%	Общее кол-во	%
1.	Понятийные	озеро (из них без атрибутива)	450 (96)	34	455	34,3
		объекты вторичной номинации	5	0,4		
2.	Энциклопедические	глубина	100	7,5	699	52,7
		пресность воды	112	8,5		
		чистота воды и природы	134	10,1		
		крупные размеры	57	4,3		
		древность	11	0,8		
		уникальность	18	1,4		
		достояние ЮНЕСКО	3	0,2		
		восьмое чудо света	10	0,8		
		Бурятия	9	0,7		
		буряты, бурятская культура	35	2,6		
		притоки	8	0,6		
		природные достопримечательности	14	1		

		флора и фауна	11		0,8			
		рыбы (13; 1%)	омуль	4	69; 5%	3,4		
			голомянка	9		0,7		
			сиг	1		0,1		
			хариус	1		0,1		
		нерпа	23		1,7			
		богатство природных ресурсов	15		1,1			
		экология озера	21		1,6			
		турбазы	9		0,7			
		туризм	30		2,3			
		экспедиции и другие мероприятия по байкаловедению	10		0,8			
3.	Описательные	священность	66		5	362	27,3	
		таинственность, мистичность	13		1			
		величие озера	18		1,4			
		лето, отдых	91		6,9			
		красота озера и ее природы	62		4,7			
		пейзажи	53		4			
		другие описания (осязательные, аудитивные, обонятельные)	13		1			
		эмоции и чувства	энергия	9	46; 4%	0,7		
			жизнь	3		0,2		
			спокойствие	6		0,5		
			восхищение	4		0,3		
			уважение	1		0,1		
			вдохновение	3		0,2		
			удовлетворение, парение, блаженство	3		0,2		
			трепет, страх	3		0,2		
			очарование	2		0,1		
			любовь	3		0,2		
	романтика		1	0,1				
	счастье		1	0,1				
	благодарность		1	0,1				
	уединение		1	0,1				
	вспоминания		5	0,4				
4.	Регио-		Родина	5			0,4	39

	нально- субъек- тивные	гордость	31	2,3		
		лучшее озеро	3	0,2		
5.	Этимо- логиче- ские	бур. байхан гал 'стоячий (вечный) огонь'	3	0,2	3	0,2
6.	Интер- тексту- альные	море	20	1,5	106	8
		жемчужина, сокровище, драгоценность	64	4,8		
		достояние	11	0,8		
		наследие	6	0,5		
		око земли	1	0,1		
		легенда о Байкале и его дочери Ангаре	4	0,3		

Схема 1

Ассоциативное поле гидронима *Байкал*

О Байкале сложено множество легенд и преданий, написано много книг, песен, стихов. Наибольшей популярностью пользуется песня Д. П. Давыдова «Славное море — священный Байкал», которую считали народной. Интертекстуальное происхождение ассоциации 'море' (20; 1,5%), связано, на наш взгляд, с названной песней и объясняется тем, что современные жители побережья в отличие от прежних поколений прекрасно знают географическую природу Байкала и употребляют это слово относительно последнего лишь в художественном смысле. Сравнительно разнообразны ассоциации на данный стимул, закрепившиеся в сознании жителей исследуемого региона под влиянием СМИ. Среди них наибольшую частотность с большим отрывом проявляет ассоциация 'жемчужина' (57), к ней примыкают синонимы 'сокровище', 'драгоценность' (7), итого — 64 (4,8%). Менее частотны реакции 'достояние' (11), 'наследие' (6), а также 1 раз встречается красноречивое выражение 'око Земли'. Ассоциации 'бабушка', 'старик', 'невеста Ангара', 'чистоводная дочь Байкала' связаны с одной из самых увлекательных легенд о Байкале и его дочери Ангаре.

Гидроним *Байкал* в отличие от других исследуемых нами топонимов обладает мировой известностью, что влияет на восприятие данного объекта местными жителями. Это проявляется в первоочередном возникновении ассоциаций, указывающих на те качества озера, которые значимы в мировом масштабе, и их количество в несколько раз превышает количество регионально-субъективных ассоциаций. Однако число последних не так мало (39; 2,9%), кроме того, высокий уровень энциклопедических знаний респондентов и широкий спектр описательных и интертекстуальных ассоциаций, безусловно, свидетельствуют о гордости жителей Бурятии «жемчужиной» своего края.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1983. 269 с.
2. URL: <http://www.lake-baykal.ru/baikalst1.php>
3. URL: <http://tainy.net/27768-tainstvennye-obekty-nad-svyashhennym-bajkalom.html>

HYDRONIM *BAIKAL*: AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Tuyana S. Dorzhieva
Cand. Sci. (Philol.),
Ulan-Ude, Russia

Galina S. Dorzhieva
Dr. Sci. (Philol.), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: Tess22@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of an associative experiment with the hydronym Baikal, executed under the leadership of Lyudmila Vladimirovna Shulunova in 2011 within the framework of the dissertation research "Semantics of toponyms of the Tea Road on the territory of Buryatia: an associative experiment". Lake Baikal is the final point of the investigated section of the Tea Road.

Keywords: associative experiment; toponym; geographical names; Baikal; Buryatia; semantics; associations; psycholinguistics.

УДК 81'373.21 (571.56-180)

ТОПОНИМИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РЕСПУБЛИКИ САХА КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСОВ

© *Багдарыын Ньургун Сюлбэуола*

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН

Якутск, Российская Федерация

E-mail: bagdaryyn@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выделению топонимной лексики, связанной с материальной культурой этносов на территории северо-востока Республики Саха. Основным ономастическим материалом явились топонимическая картотека М. С. Иванова — Багдарыын Сюлбэ, полевой материал автора. На основе проведенного исследования топонимии северо-востока республики автором описана лексика материальной культуры, которая представляет юкагирский, чукотский, тунгусо-маньчжурский, тюрко-монгольский, русский языки. Выявлены фонетико-морфологические особенности географических названий. Вырисовывается формирование многоязычной топонимии.

Ключевые слова: язык саха; диалект; говор; топоним; топонимия; топонимика; лексика; лексикология; культура; этнос.

В последнее время российские ономасты исследуют отдельно взятую территорию или бассейны рек в культурно-историческом, этнолингвистическом аспектах и в плане этноязыкового контактирования [Агеева, 2004; Муллонен, 2002; Березович, 2009 и др.]. В работах прослеживают пути заселения данных территорий, направление миграции народов в древности, языковые контакты различных этносов, выявляют топонимные системы и их ареалы, разрабатывают методику извлечения этнокультурной информации из топонимии региона.

В языковом плане северо-восток республики изучен как диалектная зона якутского языка в монографии Е. И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» [Коркина, 1992], в котором были включены верхоянский, индигирский, колымский, оймьяконский, усть-янский говоры и саккырырский подговор верхоянского говора. По отдельно взятому говору был изучен верхоянский в монографии П. С. Афанасьева «Говор верхоянских якутов» [Афанасьев, 1965]. Как ономастическое пространство данная зона изучена недостаточно.

Топонимика, как новое направление в лексикологии саха, небогата своими исследованиями. В трудах К. Ф. Гриценко [Гриценко, 1968], М. С. Иванова — Багдарыын Сүлбэ [Багдарыын, 2015; 2019], В. Д. Монастырева [Монастырев, 1993], Нь. М. Иванова [Иванов, 2001] и других исследователей частично затрагиваются фонетические, морфологические, лексические особенности топонимов северо-востока республики. Тем не менее, дальнейшее изучение в плане лексико-семантических групп даст дополнительные сведения по лексикологии, истории

языка и этнокультурной информации народов, освоивших территории и их контактов.

Современная топонимия северо-востока республики — это результат длительного исторического контактирования, взаимовлияния этнических групп. По историческим сведениям, этот регион до освоения тюркоязычными племенами саха был заселен эвенскими, юкагирскими и другими родами, племенами. В течение нескольких веков на данной территории произошло тесное контактирование неродственных языков саха, эвенов, юкагиров и другими, следы которых обнаруживаем, по мнению исследователей, как диалектные особенности в области фонетики, лексики и грамматики, сохранение архаизмов, монгольских элементов (лексические параллели, аффиксы и т. д.) в языке саха, также в географических названиях региона. Топонимический пласт данного региона уходит и в древнеисторическое прошлое, например, как чукотское [Багдарыын, 2020]. Данное обстоятельство создает возможность исследования взаимодействия неродственных языков в области топонимического пространства.

Актуальность данной темы определяется лингвистической ценностью топонимического материала и выявлением контактирования этнических групп в топонимическом пространстве северо-востока республики. Важность исследования данного материала в настоящее время заключается в выявлении культурного взаимодействия этносов, контактов с аборигенами и адаптации в арктической зоне сахаязычных племен.

Объектом исследования является топонимия северо-востока Республики Саха (в черте Эвено-Бытантайского, Верхоянского, Усть-Янского, Оймяконского, Момского, Абыйского, Аллаиховского, Верхнеколымского, Среднеколымского, Нижнеколымского улусов).

Материалы: топонимическая картотека М. С. Иванова — Багдарыын Сюлбэ, топонимический материал, собранный автором (топонимы, выявленные с официальных картографических и справочных изданий и иных источников, аудио-, видеоматериалы, занесенные в базу данных «Топонимия Республики Саха»).

Целью настоящей статьи является описать некоторые топонимы, связанные с материальной культурой народов северо-востока республики.

Топонимия исследуемой территории свидетельствует об освоении региона разноязычными племенами, притом неродственными: юкагирами, чукчами, эвенками, саха, русскими.

Чукотский язык является языком малочисленного коренного народа чукча северо-востока Азии, населяющего Чукотский автономный округ, северо-восток Корякского округа. В Республике Саха местом локального расселения является Халарчинский чукотский национальный наслег с центром в с. Колымское Нижнеколымского улуса, граничащий с Чукотским автономным округом. Среди исследователей языковой вариант колымских чукчей за пределами титульного региона вызывает интерес как отделившийся говор западной зоны чукотского языка со своими фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями в контакте с неродственными языками. Колымские чукчи занимали тундры Нижней Колымы и жили в соседстве и в языковом контакте с юкагирскими и эвенскими кочевыми родами с середины XIX века.

В чукотском языке имеется слово *агран* ‘зимний полог’, ‘зимник’, ‘зимнее жильё’ [Меновщиков, 1972, с. 75], которое зафиксировано в названиях горы

Агранай, озера *Агрангытгын* в Халарчинском наслеге Нижнеколымского улуса, также в Верхнеколымском улусе озеро *Агараан*. В орониме *Агранай* выделяется топоформант чукотского языка *-нэй/-най* со значением ‘гора’. В бассейне реки Колыма зафиксированы следующие топонимы с конечными *-най*: *Болобунай*, *Окооной*, *Соһуонай* в Среднеколымском улусе, *Дьалапынай*, *Чэрбиэнэй* в Верхнеколымском улусе. Гидроним *Агрангытгын* имеет топоформант *гытгын* со значением ‘озеро’, которое достаточно широко функционирует в гидронимии Нижней Колымы: *Атгытгын*, *Галгагытгын*, *Лымкыгытгын*, *Сокургытгын*, *Тосгийгыгытгын* и т. д. [Багдарыын, 2019, с. 85].

Наименования частей жилища часто фиксируются как ориентиры на местности, в последующем как название местности, например, *Таурэгыткин* — название озера в Халарчинском наслеге Нижнеколымского улуса. В чукотском языке *тэври-/таврэ-* — тренога для приготовления пищи над костром [Меновщиков, 1972, с. 152].

Чукотская рыболовная культура богата названиями приготовления рыбной продукции, которая отражается и в топонимии, например, *Вэчыхаткегытгын*, озеро, Халарчинский наслег Нижнеколымского улуса. Информант перевел значение гидронима так ‘рыба вяленая, вяленой рыбы озеро’ [картотека БС].

Седло у кочевников имеет большое хозяйственное значение. Форма седла метафорически передается в географических названиях, и чукотская топонимия в этом не исключение. В Халарчинском наслеге имеется холм *Коомышын*, где *коо* колымск. диал. ‘седло у эвенов’; *мышын* ‘холм’. Холм по форме напоминает седло [Рахтилин, 1977, с. 35].

Юкагирский язык является языком древнейшего населения Северо-Востока Азии, ныне малочисленного народа Севера — юкагиров. В настоящее время единственными носителями юкагирского языка являются лесные (Верхнеколымские) и тундрные (Нижнеколымские) юкагиры. Из-за существенного различия в языке двух групп исследователями выделены два диалекта: колымский и тундрный. Также топонимы юкагирского происхождения в большинстве сконцентрированы в Верхнеколымском и Нижнеколымском улусах. Единичные географические названия встречаются и в бассейнах реки Индигирка — речка **Мунил** от *мугил* ‘возвышенность; правобережные холмы’, реки Яна — речка **Дьархалаах** от *дьарха* ~ *йарха* ‘лёд’, реки Вилюй — озеро **Лабыйа**, реки Амма — речка **Лабыйа** от *лавйэ* ‘вода’, которые служат косвенными доказательствами о былом расселении древних юкагиров. Бассейн реки Амма — это Центральная Якутия.

Топонимов, свидетельствующих о материальной культуре юкагиров, немного. Например, юкагирское *нимэн* ‘дом’ [Крейнович, 1958, с. 275] зафиксировано в топониме *Ньимэркин* — названии бывшего поселка колхоза Микоян (Юкагирский наслег Аллаиховского улуса).

Жизненно важным для северян является огниво, которым разжигают огонь. *Кэбдыкээ Үрүйтэ* Нелемнский наслег Верхнеколымского улуса. По определению информанта: *Кэбдыкээ юкагир тыла, хатат диэн. Охсобут дии, уот таһаарабыт* ‘Кэбдыкээ юкагирское слово, огниво это. Огонь высекаем’ [картотека БС].

Из названий одежды встречается юкагирское слово колымского диалекта *мурэ* ‘обувь’ [Крейнович, 1958, с. 282] в гидрониме *Йукуол Мурангиэ* в Нелемском наслеге Верхнеколымского улуса. По словам информанта: *мура диэн саха-*

лыыта этэрбэс. Ыукуол — аччыгый. Аччыгый үрэх ити ‘мура по-якутски торбоса (обувь из кожи, подобно сапогам). Ыукуол — маленький. Маленькая речка это’ [картоoteca БС].

В юкагирском языке *өл’д’эн* ‘лодка’ [Крейнович, 1958, с. 276]. В топонимии Нижнеколымского улуса имеется ороним *Өлдээн поморчибэ* ‘холм, с которого скатывалась лодка’ [Курилов, 1999, с. 28]. С юкагирского заимствовано в эвенский язык: *өлзэ* ‘лодка (небольшая), ветка, челн’ [ССТМЯ II, с. 30]. В топонимии Аллаиховского улуса имеется название небольшого лесного хребта *Өлдэмдыс*. Информант дал объяснение, что этот хребет похож на перевернутую лодку [картоoteca БС].

Эвенский язык является языком малочисленного народа Севера эвенов, которые освоили северо-восток республики до прихода сахаязычных родов и племен (XVII век). В настоящее время они живут локальными группами по бассейнам рек Яна, Индигирка, Колыма, где сохранены и функционируют эвенские географические названия. Основным занятием является кочевое оленеводство.

В эвенском языке *дом, жилище* передается словом *дю, уутэн*.

Топоним *Гулли Дьуун* в наслеге Силээннээх Усть-Янского улуса, где *Дьуун* происходит от эвенского *дю* ‘дом’.

Гидроним *Уутэчан* в наслеге Ойоотун Аллаиховского улуса и ороним *Уутэчээн* в наслеге Төрүт Оймяконского улуса, гидроним *Уутэндэ* в наслеге Уйаандьа Усть-Янского улуса образованы от эвен. *үтэн* ‘землянка, зимовье, жилище (якутского типа)’ [ССТМЯ II, с. 295]. Гора *Уутэчээн* в Оймяконском улусе находится в верховьях реки Элгии и похожа на дом, где находит убежище горный баран чубука [картоoteca БС]. Топонимы оформлены формантами *-ндьа, -чаан* эвенского языка.

Термины, характеризующие особенности способа ведения охотничьего и рыболовного промысла зафиксированы в топонимии края. Они отражают культуру эвенского народа в условиях крайнего Севера.

Бэркэчээн реч., наслег Первый Бороѳон Оймяконского улуса. От эвен. *бэркэчэк, бэркэчээк* ‘охота, промысел с помощью самострела’, ‘место охоты, промысла с помощью самострела’ [ССТМЯ I, с. 126].

Дертир оз., Момский улус. От эвен. *дартир* ‘закол, запор (для ловли рыбы)’ [ССТМЯ I, с. 200].

Дэлбүргэ, Момский улус. От эвен. *дэлбүргэ* ‘жертвоприношение’, заимствованного с якутского языка, в котором считается монголизмом. Слово распространено в топонимии республики достаточно широко, свидетельствуя о взаимовлиянии культур тюрко-монгольских народов [Иванов, 2001, с. 70] и не только.

Северо-восток республики осваивался сахаязычными родами с XVII века. Они привнесли культуру коневодства и разведения крупного рогатого скота за полярным кругом. Вели полуоседлый образ жизни, имея *сайылык* ‘летник’ (например, топонимы *Сайылык Илэ, Сайылык, Сайылык Куөл* и мн. др. зафиксированы в Абыйском, Верхоянском, Нижнеколымском, Оймяконском, Среднеколымском, Усть-Янском и др. улусах), *кыстык* ‘зимник’ (например, топонимы *Омуоһан Кыстыгын Анна* в Оймяконском, *Эргэ Кыстык* в Среднеколымском, *Тиит Тумуһах Кыстыга, Уһуктаах Кыстыга* в Эвено-Бытантайском улусе), а в некоторых местах и *отор* ‘осеннее стойбище’ (топонимы *Отор* в Оймяконском, Среднеколымском, Эвено-Бытантайском улусах, *Отор Куөл, Отор Балаѳан,*

Отор Өтөбө, Пиэрмэ Оторо, Собыруу Отор, Отордообут в Верхоянском, Верхнеколымском, Нижнеколымском, Среднеколымском улусах).

В якутском языке ‘дом’, ‘жилище’ передается словом *дьиэ*, которое является, по мнению Н. К. Антонова и П. А. Слепцова, закономерным видоизменением общетюркской основы *ев, йев, иб* ‘дом’. Топонимов с лексемой *дьиэ* на исследуемой территории множество. Например, *Дьаам Дьиэтэ, Кучукаан Дьиэтэ, Охсуу дьиэ, Сир Дьиэ, Үрүг Дьиэ* и др. в Верхоянском, Момском, Нижнеколымском, Оймяконского, Среднеколымском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском улусах.

Также от слова *балаҕан* ‘якутская юрта’ в топонимии северо-востока республики образовано большое количество топонимов. Они имеются во всех исследуемых улусах. Более половины из них названы *Балаҕаннаах* ‘местность, имеющая балаҕан’ <*Балаҕан* + *-лаах* (аффикс обладания языка саха). Они свидетельствуют об освоении народом саха не только бассейнов восточных рек Яна, Индигирка, Колыма, но и берега Ледовитого океана.

Еще один пример отражения материальной культуры саха в топонимии северо-востока республики — это топонимы от слова *сэргэ* ‘коновязь’, которая ставилась неподалеку от двери дома (балаҕан). Она считается священной. Потому местности в основном названы *Сэргэлээх* (*Сэргэ* + *-лаах*) в Аллаиховском, Верхоянском, Момском, Оймяконском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском улусах. Составные топонимы со словом *сэргэ* (*Энэ Сэргэлээх, Маннар Сэргэлээбэ, Муустаах Сэргэ* и мн. др.) распространены повсеместно.

Русская лексика, отражающая материальную культуру, также присутствует в топонимии региона.

Кириэптэс от русского *крепость* > *Кириэптэс, Верхнэй Кириэптэс*, Верхнеколымский улус.

Амбар > *Амбаар Үрэбэ, Амбарчик, Амбаарындьаа, Ампаар Үрэх, Ампаардаах, Ампаардаах Алаас, Икки Ампаардаах, Солобуйуоп Ампаара, Ампаар Анна* и мн. др. топонимы зафиксированы повсеместно. Наличие в топонимах аффиксов *-лаах, -а* языка саха, *-ндьаа* эвенского языка свидетельствует о заимствовании местными языками русских онимов.

Кириэс от русского *крест* > *Кириэс, Кириэстээх, Манньыар Кириэхэ, Кириэс Майыар, Кириэс Таас, Кириэс Айаан, Кириэс Тумула, Аллараа Кириэс, Кириэстээх Хайа, Собыруунгу Кириэстээх, Хотугу Кириэстээх* и мн. др.

Как показывают материалы, топонимы отражают материальную культуру народов, заселяющих данную территорию.

В настоящее время в топонимии северо-востока Республики Саха выделены чукотские, юкагирские, эвенские, якутские, русские топонимы. Это говорит о поликультурном пространстве, особенно в бассейне реки Колыма, где функционируют и чукотские, и юкагирские, и эвенские, и якутские, и русские топонимы. К сожалению, в современной языковой ситуации национальный ономастикон, в частности топонимикон, малочисленного народа подвержен исчезновению.

Литература

1. Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Р. А. Агеева; отв. ред. Н. И. Толстой. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС, 2004. 252 с.
2. Афанасьев П. С. Говор верхоянских якутов. Якутск: Якуткнигоиздат, 1965. 176 с.

3. Багдарыын Нь. С. уола. Юкагирские и чукотские географические термины в топонимии бассейна реки Колыма // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 5 июня, 2020 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс» 2020. С. 134–141.
4. Багдарыын Сүлбэ. Талыллыбыт үлэлэр. Т. 4: Этитиилээх ааттар. Дьокуускай: Бичик, 2015. 720 с.
5. Багдарыын Сүлбэ. Талыллыбыт үлэлэр. Т. 7: Словарь топонимной лексики Республики Саха: местные географические термины и понятия. Дьокуускай: Бичик, 2019. 328 с.
6. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Под ред. А. К. Матвеев. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либриком», 2009. 328 с.
7. Гриценко К. Ф. Названия рек и озер Якутии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во ТГУ, 1968. 20 с.
8. Иванов Н. М. Монголизмы в топонимии Якутии / АН РС(Я), Ин-т гуманитар. исслед.; отв. ред. д.ф.н., проф. Н. Д. Дьячковский. Якутск, 2001. 204 с.
9. Коркина Е. И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1992. 270 с.
10. Крейнвич Е. А. Юкагирский язык. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 288 с.
11. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
12. Курилов Н. Н. Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Якутск, 1999. 48 с.
13. Меновщиков Г. А. Местные названия на карте Чукотки. Краткий топонимический словарь. / Науч. ред. В. В. Леонтьев. Магадан: Кн. изд-во, 1972. 207 с.
14. Монастырев В. Д. Структура и семантика якутских топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии): Дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1993. 231 с.
15. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с.
16. Рахтилин В. Г. Чукотские топонимы Халарчинской тундры // Бюллетень научно-технической информации. Вопросы истории, языка, литературы. Якутск, 1977. С. 32–36.
17. ССТМЯ I — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука, 1975. 672 с.
18. ССТМЯ II — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л.: Наука, 1977. 992 с.

TOPONYMY OF THE NORTH-EAST OF THE SAKHA REPUBLIC
AS A REFLECTION OF ETHNIC CULTURES

Bagdaryyn N. Su.

Cand. Sci. (Philol.),

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB of the RAS
Yakutsk, Russia

E-mail: bagdaryyn@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the identification of toponymic vocabulary associated with the material culture of ethnic groups in the north-east of the Sakha Republic. The main onomastic material was the toponymic card file of M. S. Ivanov-Bagdaryyn Syulbe, the field material of the author. Based on the study of the toponymy of the north-east of the republic, the author describes the vocabulary of material culture, which represents the Yukaghir, Chukchi, Tungus-Manchu, Turkic-Mongolian, and Russian languages. The pho-

netic and morphological features of geographical names are revealed. The formation of a multilingual toponymy is emerging.

Keywords: the Sakha language; dialect; toponymy; place names; vocabulary; lexicology; culture; ethnicity.

УДК 811.512. 157

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ БУРЯТСКИХ АНТРОПОНИМОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

© *Николаев Егор Револьевич*

кандидат филологических наук,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

СО РАН

Якутск, Российская Федерация

E-mail: 1953307@mail.ru

Аннотация. В статье затрагивается ранее не исследованная тема взаимосвязи бурятского антропонимикона и якутского языка. Путем семантической интерпретации был отобран антропонимический материал из лексикографических источников. Рассматриваются лексико-семантические параллели бурятских антропонимов с апеллятивной лексикой якутского языка. Бурятские антропонимы были классифицированы на тематические группы по семантике их апеллятивных основ. Обзор показал, что тематические категории представляют собой общие эпизоды традиционного уклада жизни, природного ландшафта, социального устройства общества бурят и якутов. Бурятские антропонимы, семантически близкие, схожие с якутской лексикой, имеют схождения чаще в качестве прилагательных, которые описывают характер, движения, физические особенности человека. Также в качестве проприальной базы служат существительные, образующие термины в различных тематических группах.

Ключевые слова: бурятский язык; якутский язык; антропонимы; лексико-семантические параллели; описательные личные имена.

Исследование лексических параллелей обычно возникает на основе существующих, полноценно оформленных списков, словарей, представляющих различные разряды: части речи, отдельные пласты лексики. Не углубляясь в доказанный факт историко-культурных контактов бурят и якутов, более известными и общераспространенными в сфере лингвистики можно считать исследования монголиста В. И. Рассадина [Рассадин, 2019, с. 316–324]. Также существуют труды, затрагивающие различные аспекты: сопоставление бурятской и якутской лексики [Барашков, 1958], сравнение якутских и бурятских пословиц и поговорок [Емельянов, 1958], существенные фонетические заметки бурятско-якутского взаимовлияния [Широбокова, 2001, с. 112–117], сравнительный анализ якутских и бурятских образных прилагательных [Егинова, 2014] и др. Среди всех этих изысканий заметно, что не уделено достаточного внимания связи ономастической лексики в бурятском и якутском языках.

На материале словарей бурятских личных имен [Митрошкина, 1976; 2013; Ламожопова, 2008; Алдарова, 1973] и Большого толкового словаря якутского языка [ТСЯЯ, 2004; 2005; 2006; БТСЯЯ, 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015; 2016; 2017; 2018], представим лексико-семантические параллели

ли бурятских антропонимов с лексикой якутского языка. Отобранный материал был классифицирован по семантике основ (апеллятивов).

Качества человека (физические, психологические): *Бардам* ‘чванливый, щедрый, расточительный, кичливость’ — як. *бардам* ‘нахальный, наглый, дерзкий нрав’, *Бушуудай* ‘проворный, верткий, юркий; прыткий’ — як. *быһый* ‘быстроногий, резвый, быстрый’, *Бухэд* ‘крепкий, прочный; выносливый; живучий; силач, борец’ — як. *бөбө* ‘обладающий большой физической силой; крепкий, прочный’, *Зоригто* ‘смельчак, смелый, отважный, решительный, волевой, мужественный; целеустремленный’ — як. *дьорбоот* ‘смелый, отважный, храбрый; смельчак, храбрец’, *Мэргэн* ‘меткий стрелок; искусный, ловкий, мастерский; способный, разумный, мудрый’ — як. *бэргэн* ‘меткий, искусный в стрельбе’, *Номогон* ‘смирный, спокойный, тихий, кроткий’ — як. *номогон* ‘разумный, толковый’; *Омог* ‘гордый, высокомерный’ — як. *Омобой* ‘один из исторических персонажей преданий и легенд якутов’, *Сурхээ* ‘прекрасный, исключительный’ — як. *сүрдээх* ‘необычайно, чрезвычайно’, *Сэбэрдээн* ‘чистый, красивый’ — як. *чэбэр* ‘чистоплотный, опрятный’, *Сэсэндэ* ‘мудрый’ — як. *Сээркээн сэһэн* ‘человек, обладающий феноменальной памятью, склонный к красноречию, добрый рассказчик’, *Түбдэн* ‘спокойный, уравновешенный’ — як. *түптээн* ‘спокойно, толком, как следует’, *түптээх* ‘спокойный, размеренный, без суеты и тревог (о жизни)’, *Харамша* ‘скряга, скупец, жадина, скупой, жадный’ — як. *харам* ‘скупой, жадный; бережливый’, *Хариг* ‘пугливый’ — як. *кирик-хорук* ‘боязливо вздрагивая, настороженно (держаться)’, *Хүдэрээ* ‘сильный, дюженный, здоровый’ — як. *күтүр* ‘огромный, громадный’, *Гобжоон* ‘тараторить’ — як. *хобдьоор* ‘говорить много, громко, без умолку, тараторить, пустословить’, *Этигэл* ‘доверие; надежный’ — як. *итэбэл* ‘верный, преданный, внушающий доверие’, *Хулхаа* ‘от *аг хулха* совершенно глухой’ — як. *кулгаах* ‘ухо, уши’ и др.

Внешний облик человека: *Арбажа* ‘косматый, лохматый’, *Гарбагар* ‘растрепанный (о волосах)’ — як. *арбаҕар* ‘взьерошенный; растрепанный, всклокоченный’, *Балбай* ‘пухлый, полный’ — як. *баллай* ‘казаться раздутым, увеличенным в объеме (напр. о губе, лице)’, *Халсахай* ‘облезлый, облезший; плешина’ — як. *халчабай* ‘облысевший, лысеющий’, *Хилаа* ‘косоглазый’ — як. *кылар* ‘косоглазый, косой’, *Хэлтэ* ‘кривоногий’ — як. *кэлтэгэй* ‘неполный, частичный, ограниченный, односторонний’, *Гаради* ‘от *hарагар*: растопыренный; широко расставленные, раздвинутые (о ногах); распростертый (о крыльях)’ — як. *сараҕар* ‘растопыренный, широко распростертый’, *Шантагар* ‘курносый, вздернутый (о носе)’ — як. *сантаҕар* ‘широкий, с широкими ноздрями (о носе у человека)’, *Гохор* ‘слепой, с очень плохим зрением’ — як. *соххор* ‘человек, ослепший на один глаз’, *Дэрхээ* ‘большие оттопыренные — об ушах’ — як. *тэрэгэр* ‘оттопыренный (об ушах)’ и др.

Термины родства, родственные связи: *Гергээн* ‘жена, баба’ — як. *кэргэн* ‘замужняя женщина, жена’, жен. *Хатуунай* ‘госпожа, знатная дама, княгиня; жена’ — як. *хотун* ‘супруга; жена богача’, *Эхир* ‘близнец, близнецы’ — як. *игирэ* ‘близнецы’ и др.

Род занятий, профессия: *Зурагша* ‘живописец, художник; чертежник’ — як. *сурааһын* ‘линия, черта’ и др.

Титулатура, социальный статус: *Баатар* ‘герой, богатырь, витязь, рыцарь, смельчак, храбрец, орел’ — як. *боотур* ‘человек большой физической силы, об-

ладающий также воинской выучкой, воин, витязь', *Баян* 'богатый, богач' — як. *баай* 'богатый, денежный, состоятельный', *Дархан* 'кузнец; мастер, умелец, искусный мастер, (ист.) *дархан*, вольный, лично свободный (не связанный с повинностями); (перен.) священный, неприкосновенный; заповедный' — як. *дархан* 'очень солидный, серьезный; великий, громадный, огромный', *Зонхи* 'народ, люди, нация' — як. *дьон* 'люди', *Буубээ* 'от *бүүбэй* ребенок (ласк.); люлька, колыбель' — як. *биэбэй*, *бүөбэй* 'голубчик, голубушка (уменьш.-ласкат.)' и др.

Металлы, железо: *Алта* 'от монг. *алт(ан)* золото: *алт+а*' — як. *алтан* 'медь', *Болод* 'от стп.-м. *bolud* сталь' — як. *болот* 'обоюдоострый выгнутый меч с короткой рукояткой'.

Военная лексика: *Гаадаг* 'колчан для стрел' — як. *саадах* 'чехол для лука, налучие', жен. *Сэрэгмаа* 'войско' — як. *сэриш* 'война; бой, битва, сражение', *Халха* 'защита, покровительство' — як. *хахха* 'защита, заслон, прибежище для кого-л.', *Түмэн* 'десять тысяч' — як. *түмэн* 'скопление, стечение большого числа людей где-л.', *Хуяг* 'панцырь, броня' — як. *куйах* 'панцирь, кольчуга и др.

Бытовая лексика. Животноводство: *Хишлуу* 'от *хиш* сухой измелченный навоз (используемый зимой для подстилки скоту в хлевах)' — як. *киш* 'засохший, залежалый навоз', *Хорёо* 'изгородь, загородка' — як. *күрүө* 'изгородь (вокруг стога, покоса); загон для временного содержания скота, лошадей'. **Посуда и утварь:** *Алагуй* 'котел' — як. *олгуй* 'большой сосуд для варки, котел', *Энгэр* 'лацканы, борта (у одежды)' — як. *энээр* 'передняя левая или правая пола одежды; нижняя пола одежды' и др.

Пища: *Ундоосха* 'от ср. монг. *унд* напиток, питье' — як. *умдаан*, *умнан*, *ундан* 'кислое (квашеное) молоко или тар, смешанный через сучение мутовкой с холодной водою, ундан (напиток, заменяющий беднякам кумыс)' [Пекарский, 1959, с. 3009] и др.

Фауна: *Сурхай* 'щука' — як. *дьорохой* 'детеныш щуки, щуренок', *Үендээ* 'от *уен* горностай' — як. *үйэн* 'горностай', *Хатюу* 'сарыч (птица)' — як. *хотой* 'орел', *Баха*, *Бахаашка* 'лягушка' — як. *баба* 'лягушка', *Сордон*, *Сордохон* 'щука', *Дальбарай* 'птенец' — як. *далбарай* 'птенец, только начавший летать', *Турлаг* 'ворона' — як. *тураах* 'ворона', *Бударгана*, *Бутаргана* 'поташник, коростель' — як. *бубарбана* 'коростель' и др.

Флора: *Арса* 'можжевельник' — як. *арчы* 'предмет (напр. пучок лучинок, береста), употребляемый в прошлом при совершении обряда изгнания злых духов, нечисти', *Цэцэг* 'цветок', жен. *Сэсэг* 'цветок' — як. *чэчик* 'цветок' и др.

Природный ландшафт: *Далай* 'море, океан, большое озеро' — як. *далай* 'широкое и глубокое озеро (река) или море' и др.

Космонимы: *Солбон(г)* 'венера, утренняя звезда' — як. *чолбон* 'звезда; Венера'.

Цветообозначение: *Хара* 'черный, темный; смуглый' — як. *хара* 'черного цвета, черный', *Хонгор* 'соловый, светло-рыжий' — як. *хонгор* 'темно-серый с красноватым отливом; соловый (о масти лошади)', *Улаан* 'румяный, багровый (о лице); красный (о масти)', жен. *Улааха* 'красный' — як. *улаан* 'чалый со светлыми гривой и хвостом (о масти лошади); светло-серый' и др.

Различные понятия: *Билиг* 'ум, разум, мудрость' — як. *билиш* 'приобретение знаний, опыта, сведений о чем-л.', *Хобдой* 'сплетня, клевета, ябеда' — як. *хон* 'порочающая кого-л. ложь, клевета', *Хогой* 'от *хог* труха, мусор, сор' — як. *хон*

‘грязь, нечистоты’, *Аянтай* ‘путешествие, поездка’ — як. *айан* ‘дальняя поездка, путешествие, путь, дорога’, *Тулбэри* ‘плата, взнос’ — як. *төлөбүр* ‘плата, оплата, вознаграждение за что-л.’, *Цаган* ‘от цаг время, период’ — як. *сах* ‘момент, период времени, связанный с каким-л. событием’, *Холбоонта* ‘связь’ — як. *холбоо* ‘соединять, скреплять одно с другим’ и др.

Данное исследование является обзорным, но, тем не менее, как постановка задач одного из направлений сравнительно-сопоставительных исследований в исторической антропонимике может стать интересным и перспективным. Можно сделать предварительные заметки в плане фонетических соответствий: *м=б* (*Мэргэн=бэргэн*), *h=c* (*Гарагар=сарабар*), *ч=c* (*Халсагай=халчабай*) и т. д.; типичная бурятско-якутская трансформация *з=дь* (*Зоригто=дьорбоот*); следы аканья-оканья (*Алгуй=олгуй*) в говорах якутского языка и др. В лексическом аспекте: прямые тождества (*Бардам=бардам*); семантические сужения/расширения (*Далай=далай*, *Хонгор=хонгор*) и др.

Тесная связь традиций имяназвания с бытом, с окружающей средой, с терминами родства, с абстрактными понятиями раскрывает некогда общий социокультурный ландшафт взаимовлияния бурятского и якутского языков. Рассматриваемые имена и апеллятивные лексемы, прежде всего, перекликаются с отличительной чертой якутских антропонимов дохристианского времени — с образностью, изобразительностью. Данный пласт был утрачен и смещен на второй план — в качестве вторичных, прозвищных имен. В перспективе, описательные имена и бурят, и якутов, указывающие на внешний облик, на характер человека, могут стать основой для составления общего справочника личных имен.

Сокращения

БТСЯЯ — Большой толковый словарь якутского языка
жен. — женское личное имя
ист. — историзм
ср.-м. — среднемонгольский язык
стп.-м. — старописьменный монгольский язык
ТСЯЯ — Толковый словарь якутского языка
як. — якутский язык

Литература

1. Алдарова Н. Б. Из охранных имен бурят / Ономастика бурятии / Труды института общественных наук. Вып. 26. Серия «Языковедческая». Улан-Удэ, 1976. С. 69-84.
2. Барашков П. П. О монголо-бурятских и якутских языковых связях // Сборник трудов по филологии. Вып. 3. Улан-Удэ, 1958. С. 176-206.
3. Большой толковый словарь якутского языка: в 13 т. Т. IV: (Буква К) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһисгын — кээчэрэ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII: (Буква С — сөллөбөр) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
8. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IX: (Буква С — сөллөй — сээн, буква Һ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. 630 с.

9. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. X: (Буква Т: т — төһүүлээ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. 575 с.
10. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх — тээтэннээ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.
11. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XII: (Буквы У, Ү) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.
12. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIII: (Буква Х) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. 639 с.
13. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV: (Буква Ч, Ы) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. 592 с.
14. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XV: (Буква Э) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2018. 576 с.
15. Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). Новосибирск: Наука, 2014. 232 с.
16. Емельянов Н. В. Происхождение якутских пословиц и поговорок // Труды Якутского филиала. Вып. I (VIII). Общественные науки. Якутск, 1958. С. 140-143.
17. Ламожанова И. А. Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика: Учебное пособие. 2-е изд-е, исправл. и доп. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. 139 с.
18. Митрошкина А. Г. Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их апеллятивов / Ономастика Бурятии / Труды института общественных наук. Вып. 26. Серия «Языковедческая». Улан-Удэ, 1976. С. 46-68.
19. Митрошкина А. Г. Словарь бурятских личных имен / науч. ред. Г. С. Доржиева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2013. 200 с.
20. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. Л.: Издание АН СССР, 1959. Т. III. 3858 стлб.
21. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / Под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019. 620 с.
22. Толковый словарь якутского языка / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с. (Буква А).
23. Толковый словарь якутского языка / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с. (Буква Б).
24. Толковый словарь якутского языка / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).
25. Широбокова Н. Н. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001. 151 с.

ABOUT LEXICO-SEMANTIC PARALLELS OF BURYAT ANTHROPONYMS IN THE YAKUT LANGUAGE

Egor R. Nikolaev

Cand. Sci (Philol.),

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB of the RAS

Yakutsk, Russia

E-mail: 1953307@mail.ru

Abstract. The article touches upon a previously unexplored topic of the relationship between the Buryat anthroponymicon and the Yakut language. Through semantic interpretation, anthroponymic material was selected from lexicographic sources. The lexical and semantic parallels of the Buryat anthroponyms with the appellative vocabulary of the Ya-

kut language are considered. Buryat anthroponyms were classified into thematic groups according to the semantics of their appellative bases. The review showed that thematic categories represent general episodes of the traditional way of life, natural landscape, social structure of the Buryat and Yakut society. Buryat anthroponyms, semantically close to the Yakut vocabulary, have convergence more often as adjectives that describe the character, movement, physical characteristics of a person. Also, nouns that form terms in various thematic groups serve as a proprietary base.

Keywords: Buryat language; Yakut language; anthroponyms; lexical and semantic parallels; descriptive personal names.

УДК 808.2-087 (571.53) (-21)

К ВОПРОСУ ОБ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ДИАЛЕКТЕ

© *Семенова Виктория Ильинична*

кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
E-mail: semenova1963@mail.ru

Аннотация. Вопрос о соотношении понятий «территория», «регион», «ареал» и «диалект» в ономастике имеет свою специфику, связанную с целым рядом моментов — этнических, религиозных, социолингвистических и прочих. Для каждого национального ономастикона проблема должна решаться с учетом этих факторов. Диалектное и ономастическое членение территории далеко не всегда совпадало. Для бурятской ономастики важнейшим фактором было родоплеменное деление народа. В наше время ситуация изменилась.

Ключевые слова: регион; территориальный диалект; ономастический диалект; генетический род; социальные изменения.

Необходимость различать понятия «диалект», «регион», «ареал» в ономастике была указана А. В. Суперанской [1973] и К. А. Матвеевым [1974]. Регион может быть как шире диалекта, так и уже. Диалектное и ономастическое членение территории может не совпадать. Поэтому вполне закономерно появление понятия ономастического диалекта.

Для бурятской ономастики вопрос о соотношении этих понятий был и остается актуальным. А. Г. Митрошкина пишет: «...если антропонимический регион считать категорией лингво-этнической и историко-географической, то применительно к бурятскому массиву единицей региона следует считать родоплеменную группировку людей и диалектные разновидности языка» [Митрошкина, 1978, с. 47]. В монографии «Бурятская антропонимия» А. Г. Митрошкина дает развернутое обоснование необходимости выделения в бурятской ономастике антропонимических диалектов: «Беглый обзор имеющихся у нас материалов показывает, что расхождения в наборе имен у потомков тех или иных родов и подродов, а также отдельных семей довольно значительны. Эти различия, безусловно, отражают локальный характер становления и функционирования имен в пределах известных социумов. Иными словами, бывшая родоплеменная организация общественной жизни бурят не только отразилась в территориальной дифференциации бурятского языка, но и определила многовариантность корпуса именника — антро-

понимические диалекты. Границы диалектов бурятского языка и антропонимических диалектов не совпадают, хотя диалектные черты сказываются в своеобразии последних» [Митрошкина, 1987, с. 20].

Рассмотрим это утверждение на примере регионов расселения бурят эхиритского племени. Миграция людей обусловила изменение экстралингвистических условий функционирования именника. А. Г. Митрошкина предлагает различать микрорегион (род) и макрорегион (племя). «В лингвистическом отношении к западнобурятскому наречию присоединяются из восточных бурят баргузинские, кударинские, тункинские и закаменские буряты, которые являются выходцами из западного Прибайкалья. Если западное Прибайкалье для эхиритцев и булагатцев считать материнской территорией, то Баргузин, Кудара, Тунка представляют дочерние ареалы говоров» [Митрошкина, 1978, с. 48]. Согласно изложенному положению, можно считать антропонимическую систему добайкальских эхиритов материнской системой (диалектом), а антропонимикон эхиритцев, переехавших в Баргузинский, Кабанский, Курумканский, Иволгинский, Кижингинский, Еравнинский и другие районы Бурятии, дочерними системами (диалектами).

Каждый антропонимический диалект представляет собой особую подсистему языка, характеризующуюся, прежде всего, представленным в той или иной местности говором, а также различными субстратными и адстратными явлениями. Для антропонимической системы эхиритских бурят субстратные явления связаны, главным образом, с наличием тюркизмов и, в меньшей степени, — эвенкизмов. А вот адстратные элементы в материнских и дочерних антропонимических диалектах эхиритцев определяются разными влияниями.

Значительный приток русских переселенцев в Западную Бурятию и общение их с местным населением, а также распространение христианства, привело к тому, что в антропонимию материнских диалектов стали проникать русские заимствования. К середине XX века русизмы почти полностью вытесняют исконные имена бурят. Именники дочерних антропонимических систем изменяются, прежде всего, под влиянием хоринского говора, с носителями которого переселенцы-эхириты непосредственно общались. Одновременно происходит смена шаманизма на буддизм. Это приводит к тому, что исконные бурятские имена сменяются на имена с тибетской и санскритской языковой основой.

Диалектная подсистема в известной степени и социальна, т. е. она определяется составом населения данной территории, образом жизни и деятельности людей, религией и т. д. Территориальный признак во многом определяет модели, по которым образуются имена, а от социального признака зависит состав морфем — наполнителей этих моделей. Как замечает А. В. Суперанская, «именно в лексическом содержании ономастических морфем косвенно отражается социальный аспект ономастики» [Суперанская, 1973, с. 225].

Бурятский язык и его диалекты располагают широкими возможностями, которые могут быть предоставлены для образования личных имен. Однако используются далеко не все модели. Любая территориальная система выбирает из общего арсенала лишь ограниченное количество типов и моделей. Существует немало основ антропонимов, одинаково свойственных всем или многим бурятским регионам. Но, поскольку они всегда вторичны, то понятно, что в реальности собственное имя живет в той подсистеме языка, в которой и на основе закономерностей которой оно возникает.

Антропонимии, как и любому сектору онимии, свойственна специфическая лексика, особый подбор и оформление собственных имен.

Набор семантических полей, вовлекаемых в антропонимию эхиритов, существенно отличается от лексико-семантических групп, существующих в говоре. Наши наблюдения показывают, что в образовании личных имен ограничено используется общественно-политическая лексика. Имена типа *Гүрэн* 'государство', *Соел* 'культура', *Сэрэг* 'войско, армия', *Түүхэ* 'история' функционируют только в дочерних антропосистемах эхиритов.

Ограниченно используются имена, восходящие к наречиям, союзам, частицам. Из глагольных форм в качестве антропооснов использованы формы императива (повелительного наклонения 2 лица ед. числа), консессива (повелительно-желательной формы 3 лица ед. числа), причастия будущего времени и простые формы настоящего времени: *Туда* — 'попади'; *Обеор* — лит. обеоро 'заметь', эхир. 'излечись, поправься (от «порчи», сглаза и т. п.)'; *Удэг* — 'пусть размножится'; *Таарха* — таараха 'будет соответствовать, подходить, годиться'; *Олорно* — 'умножается, преумножается'. Нами обнаружено только одно имя, образованное от местоимения — *Минши* 'мой', очевидно, это «охранное» имя функционировало в смысле 'Другим не трогать!'. Числительные нередко становятся антропоосновами, но и их набор довольно избирателен. В наших материалах обнаруживаются следующие имена: *Найман* — 'восемь'; *Хориной* — от хорин 'двадцать'; *Табинай*, *Табьта* — от табин 'пятьдесят'; *Жарантай* — от жаран 'шестьдесят'; *Түмэн* — 'десять тысяч; тьма, бесчисленное множество'.

В антропонимах нередко встречаются основы слов, в апеллятивной лексике эхиритского говора отсутствующие, но функционирующие в других говорах: *Астаахай* (Баянд.) — закам. 'разновидность стрекозы' [Рассадин, 1996, с. 173]; *Буйр* (Кач.) — окин., сойот., закам. 'крупный самец лося, бык лося' [Рассадин, 1996, с. 176]; *Мадага* (Ольх.) — лит. 'большой нож'; *Манзар* (Баянд.) — окин. манза, мандза, закам. банза номо 'лук (оружие)' [Рассадин, 1996, с. 185]; *Мухаа*, *Мухидай*, *Мухаани* (Кач., Баянд., Эхир.-Бул.) — хор. муха 'милый'; *Хайрсаг* (Ольх.) — лит. 'небольшой ящик, футляр, шкатулка'; *Хамба* (Ольх.) — лит. хамбо 'высший духовный сан в буддийских монастырях', перен. 'высшего качества'; *Ялмаан* (Ольх.) — лит. ялма 'тутовое дерево'.

Появление подобных имен, возможно, объясняется влиянием «женского языка». Запрет бракосочетания с женщинами из своего рода заставлял устанавливать брачные отношения с другими родовыми группами. Известно, например, что ольхонские буряты брали жен из Восточного Прибайкалья — Баргузина, Кудары, Тунки. Диалектологи часто отмечали различия в языке мужчин и женщин. Эта дифференциация является, конечно, не биологической, а социальной, обусловленной общественно-экономическими условиями, которые в прошлом были неодинаковыми для мужской и женской части населения. «Вообще говор женщин в большей степени сохранял типичные особенности традиционного диалекта» [Русская диалектология, 1964, с. 22].

Экзогамные браки, заключавшиеся на протяжении многих поколений, могли оказать известное влияние на языковое развитие улуса, в частности, на именник, в котором появляются имена, образованные от апеллятивов других диалектов.

Кроме того, для бурят характерно особое почитание родственников со стороны матери — зап. *нагасанад*, лит. *нагасанар*. Единичные имена тибето-

санскритского происхождения, отмечаемые в материнской антропосистеме, могли быть даны в честь родственников жены, что тоже является влиянием «женского языка». Например, в Баяндаевском районе зафиксированы имена: *Бимба*, *Доржо* и *Бадма*, в Ольхонском районе: *Доржо* и *Дарима*. Соответствующие апеллятивы в эхиритском диалекте, естественно, отсутствуют.

В антропонимии эхиритов обнаруживаются личные имена, представляющие собой связанные корни, в апеллятивной лексике говора ныне без суффиксов не встречающиеся: *Борто* — ср. бортогор ‘запылившийся, загрязнившийся, мутный; неясный, смутный’; *Борхо* — ср. борхогор ‘невзрачный, захудалый’; *Бужа* — ср. бужагар ‘здоровый, крепкий, могучий’; *Дошхо* — ср. дошхон ‘свое нравный, горячий, дикий; свирепый, яростный, лютый’; *Енхо* — ср. енхогор ‘впалый (о щеках), глубоко сидящий (о глазах)’; *Мархи* — ср. мархагар ‘большой, картошкой (о носе)’; *Монхо* — ср. монхогор ‘с горбинкой (о носе)’; *Нахи* — ср. нахигар ‘седловидный, вогнутый, прогнувшийся; наклонный’, нахигар хамартай ‘курносый’; *Тэе* — ср. тээрхэ ‘шуметь, грохотать’; *Хабжа* — ср. хабжагар — эхир. ‘резкий, вспыльчивый, недобрый, злой’; *Хонхой* — ср. хонхойхо ‘иметь углубление, быть впалым; перен. иметь истощенный вид’; *Шалха* — ср. шалхагар ‘обрюзгший, отвисший (например, о щеках)’; *Яртага* — ср. диал. яртагар ‘худая и высокомерная женщина’.

Встречаются личные имена, образованные от слов, теперь утративших лексическую самостоятельность и употребляющихся в составе идиоматических выражений: *Буйр* — ср. буйр хүйтэн ‘жгучий мороз’, буйр наһандаа ‘быть в расцвете сил, в самом соку’; *Зурма* — ср. собир. хэрмэн зурман ‘белка’; *Хашха* — хашха хуугай (или һүүхи) ‘крик’; *һаля* — ср. һали-були ‘кое-как, небрежно’.

В антропонимиконе эхиритцев обнаруживаются личные имена, образованные от слов, ныне устаревших: *Абхан* — зап. абхай ‘девушка, барышня’; *Заһуул* — п.-м. *zasayul* ‘управитель хошуна, командир отделения’; *Милаада* — милаага ‘древний обрядовый праздник по случаю рождения ребенка’; *Орто*, *Ортой* — от ортон ‘орочены, устар. эвенки’. Буряты называют эвенков хамниганами; *Юбуухай* — юбуу(н) ‘раковина, служившая украшением’.

Таким образом, территориальные границы эхиритского диалекта бурятского языка и эхиритской антропонимической системы не совпадают. При этом, естественно, диалектные особенности отражаются в своеобразии антропонимии. Антропонимический диалект формируется из ареалов определенных видов ономастических явлений, например ареала данной основы в именах собственных, ареала какого-либо фонетического явления, представленного именно в именах собственных, могущего и не совпадать с диалектным явлением в данном регионе.

В наше время, когда социально-экономические условия стали другими, многократно увеличилось возможности знакомства с культурами других народов, когда изменились и некоторые функции личных имен, в антропонимии появляются новые явления, исследование которых требует более детального анализа.

Принятые сокращения

Баянд. — Баяндаевский район

Кач. — Качугский район

Ольх. — Ольхонский район

Эхир.-Бул. — Эхирит-Булагатский

закам. — закаменский

зап. — западно-бурятский,
лит. — литературный бурятский
окин. — окинский
п.-м. — старописьменный монгольский
сойот. — сойотский
хор. — хоринский

Литература

1. Буряев И. Д. Проблемы классификации бурятских диалектов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 3-16.
2. Матвеев А. К. Ареальные исследования и этимологизация субстратных топонимов // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 289-295.
3. Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск, 1987. 221 с.
4. Митрошкина А. Г. О некоторых задачах изучения бурятской антропонимии // Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. Красноярск, 1978. С. 45-51.
5. Рассадин В. И. Присаянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ, 1996. 217 с.
6. Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964. 297 с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 366 с.

THE QUESTION OF THE ONOMASTIC DIALECT

Victoria I. Semenova

Cand. Sci. (Philol.), Assistant Professor
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia
E-mail: semenova1963@mail.ru

Abstract. The question of the relationship between the concepts of 'territory', 'region', 'area' and 'dialect' in onomastics has its own specifics associated with several points — ethnic, religious, sociolinguistic, and others. For each national onomasticon, the problem should be solved with these factors in mind. The dialectal and onomastic divisions of the territory did not always coincide. For the Buryat onomastics, the most important factor was the tribal division of the people. In our time, the situation has changed.

Keywords: region; territorial dialect; onomastic dialect; tribe; social changes.

УДК 811.11-112

**ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ
И ИХ РОЛЬ В СОСТАВЕ МЕДИЦИНСКОГО ЭПОНИМНОГО ТЕРМИНА**

© *Хантакова Виктория Михайловна*

доктор филологических наук, профессор,
Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского
Иркутск, Российская Федерация
E-mail : achinj@mail.ru

© *Швецова Светлана Викторовна*

кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского

Иркутск, Российская Федерация
E-mail: svetlana-sib@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость смещения акцента с изолированного рассмотрения компонентов эпонимного термина (имени собственного как агенса и фактитива) на «диалогическое» отношение между ними. Доказывается, что на пересечении имени собственного как агенса и фактитива создается и обогащается смысловой объем эпонимного термина. Выявляется роль каждого компонента эпонимного термина. Устанавливается, что имя собственное со свойственными ему анафорической ролью и избирательностью обеспечивает отсылку к той ситуации, когда имело место открытие и как происходило его наименование, наполняя смысловой объем эпонимного термина определенной совокупностью признаков. Фактитиву же принадлежит роль «управления» избирательностью агенса, проявляющаяся в установлении ограничений, способствующих актуализации признаков, необходимых эпонимному термину как единице медицинской терминологии.

Ключевые слова: имя собственное; анафорическая роль; термин; эпонимный термин; значение; смысл; агенс; фактитив; хаотичность; избирательность.

Среди многочисленных разрядов терминологических единиц особое внимание привлекают термины с ономастическим компонентом, в которых признаки двух больших лексических классов (терминов и имен собственных), непосредственно связанных друг с другом и как бы переходящих друг в друга, цементируют модель эпонимного термина, достаточно активно используемой при номинации объектов и их признаков в научном познании. Между тем целостная картина описания эпонимных терминов как источника получения, накопления и хранения научной информации находится всё ещё в стадии разработки с характерной для неё фрагментарностью и разрозненностью анализа языкового материала. Отсюда противоречивость теоретического осмысления, охватывающая целый ряд вопросов, начиная от понимания места и функции эпонимных терминов в научной деятельности человека, представления эпонимической информации в структуре термина, создающей определенные трудности в понимании и общении, его перевода и заканчивая требованием ограничения широкого применения терминов, образованных на основе имен собственных, и в то же время оцениванием эпонимного термина как носителя научной информации высокой степени.

Созданию напряжения при обсуждении вопроса о статусе эпонимных терминов среди разрядов специальной лексики способствует, прежде всего, принятое в ряде работ понимание имен собственных, согласно которому они, обозначая индивидуальный объект, не сообщают ни о каких-либо его признаках [Милль, 1914], т. е., имя собственное обозначает не внеязыковой объект, а само себя, которое отлично от всего другого и тождественно самому себе [Quine 1952, с. 78–79]. Имя собственное в таком случае рассматривается без фиксированной совокупности ассоциируемых с ним признаков [Wittgenstein 1953, с. 79], из которых можно было бы составить его смысл. Получается, что назначение имени собственного лишь только в том, чтобы выделить обозначаемый объект и показать его отличие от массы однородных ему объектов, причем этим отличием является само же имя собственное.

Очевидно, что именно такая точка зрения стала доминирующей при определении значимости терминов с ономастическим компонентом, согласно которой

они в семантическом отношении, кроме указания на имя носителя, не несут никакой информации.

С этим, однако, можно согласиться, оставаясь в рамках рассмотрения имени собственного в собственно языковом и чисто референтном аспектах без обращения к его функционированию, в ходе которого имя собственное наполняется определенным содержанием. Наполнение содержанием имени собственного может быть сравнимо с процессом расширения практически нулевой информации о человеке, которого видим в первый раз, по мере того как сталкиваемся с ним в дальнейшем [Есперсен 1958, с. 72]. Получается, что смысловой объем имени собственного расширяется посредством отсылки к контекстам его употребления, в результате чего происходит наполнение признаками, значимых для значения и употребления имени собственного [Frege 1952, Рассел 1982]. Так происходят расширение признаков и их «стабилизация» в смысловом объеме имен собственных. Расширение признаков способствуют сохранению имени собственного в системе языка, и как следствие, закреплению термина с ономастическим компонентом в системе терминологических единиц специальности. «Склонность» имени собственного к отсылке к тем ситуациям, когда и где впервые оно возникло, в связи с чем и как происходило наименование, реализуется выполнением свойственной ему анафорической функции. В результате имя собственное как средство анафорической связи накапливает признаки, образующие, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «скрытую дескрипцию» [Арутюнова 1979, с. 330–331].

Противоречие при осмыслении эпонимных терминов вызвано также тем обстоятельством, что основное внимание уделяется не отношениям между составляющими рассматриваемых терминов, а каждому отдельно, причем вне связи друг с другом. Бóльший акцент при этом делается на имя собственное и его признаки, информирующие, прежде всего, об историко-персоналогических характеристиках его носителя. Тяготение имени к этим характеристикам без учета взаимосвязи со вторым компонентом эпонимного термина (фактитивом, участником ситуации, которого не было до описываемого) затемняет информационный потенциал термина, затрудняя выяснение научной ценности сделанного открытия и снижая тем самым его понятийную определенность.

Имя собственное в сочетании с фактитивом начинает выполнять роль агенса, следовательно, пересечение агенса и фактитива становится одним из источников создания и обогащения смыслового объема эпонимного термина [Васильева, Виногорадов 2009, с. 72]. Ни имя собственное, ни второй компонент эпонимного термина не могут, однако, в своей изолированности друг от друга охватить обозначаемое понятие. Становится необходимым смещение акцента с изолированного рассмотрения компонентов эпонимного термина на определение их «диалогического» отношения, поскольку природа смыслового объема термина определяется только исходя из этого отношения.

Обратимся в этой связи к медицинской отрасли знания, в которой модель эпонимного термина является одной из широко используемых для наименования ее основных концептов: заболеваний, синдромов (*Albright syndrome* — синдром Олбрайта; *Fuchs–Kraup syndrome* — синдром Фукса–Краупа), патологических состояний пациента (*Langerhans islet* — островки Лангерганса), методов исследования и операций (*McReynolds method* — метод Мак-Рейнольдса, *Graefe operation* — операция по Грефе; *Meyer-Schwickerath operation* — операция Мейер-

Швикерата), инструментов и оборудования (*Graefe cataract knife* — катарактный нож Грефе, *Danberg iris forceps* — пинцет Данберга для радужки, *McReynolds spatula* — лопатка Мак-Рейнольдса), анатомических органов человека (*Tenon capsule* — тенонова капсула, *Zeis gland* — железа Цейса) и т. д.

Действительно, при первичном восприятии эпонимных терминов в глаза бросается, прежде всего, имя собственное, использование которого для наименования нового, выявленного и установленного при изучении тех или иных явлений и объектов, как бы долго к нему не шли к их открытию и как бы продолжительно не велись изыскания и расчеты, может быть объяснено чаще всего элементами неожиданности, сопровождающейся процессами хаотичности и порой беспорядочности. В нашем случае может идти речь о хаотичном процессе наименования и выбора имени (и первое, что приходит на помощь в ситуации выбора наименования нового в условиях получения неожиданных результатов исследования, это имя исследователя, ученого, сделавшего существенный вклад для получения значимого открытия).

Хаотические и беспорядочные процессы в любой системе, как известно, свидетельствуют, в первую очередь, о её «жизнеспособности», высокой степени адаптации к изменению и существованию в различном диапазоне параметров. По всей вероятности, имя собственное и обязано элементам хаоса своим «долголетием» в структуре эпонимного термина, делая его востребованной, необходимой и значимой в системе медицинских терминологических единиц.

В эпонимном термине имя собственное со свойственной ему адаптацией к изменениям и наполнениям новыми признаками в ходе отсылок к ситуациям (например, к таким ситуациям, где речь идет о том, когда и где впервые имя собственное появилось в составе эпонимного термина, в связи с чем и как происходило наименование нового эпонимным термином, при установлении каких признаков и у каких объектов или явлений медицинского знания использовалось имя собственное) проявляет своего рода «избирательность» к этим отсылкам. Следствием такой избирательности являются отбор и установление необходимой совокупности признаков у эпонимного термина в медицинском дискурсе. При этом процесс избирательности «управляется» фактитивом, который, накладывая определенные ограничения, способствует актуализации тех признаков, которые необходимы эпонимному термину как единице медицинской терминологии.

Так, в эпонимном термине *Langerhans islet* (*островки Лангерганса*) у имени собственного Langerhans может быть неизмеримо большое количество признаков (например, время и место жизни и профессиональной деятельности исследователя, образование, интересы, семейное положение и т. д.), однако, под влиянием фактитива (наименования анатомического органа islet) происходит нацеленная активация тех признаков, которые существенны в медицинском дискурсе и сообщают наряду с упоминанием имени носителя (немецкого патологоанатома Пауля Лангерганса) информацию о выявленном и описанном исследователем функциональном микрооргане с определённым размером, формой, характерным скоплением гормон-продуцирующих, эндокринных, клеток, которые локализируются в большей части в хвостовой части поджелудочной железы. При этом также актуализируется информация об отличии выявленных клеток от окружающей ткани и их влиянии на межклеточное соединение, паракринную регуляцию и синхронизацию высвобождения инсулина [URL: <https://ru.wikipedia.org/>

wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Islet_of_Langerhans_and_Insulin.jpg/ (дата обращения: 20.09.2020)].

Эпонимные термины, обладая уникальным свойством (способностью к «жизнеспособности» и адаптацией к существованию в различных дискурсах), способствуют пониманию не только теоретического, но и обыденного, или повседневного, знания (например, *болезнь Боткина, вирусная желтуха, инфекционный гепатит, эпидемический гепатит; Базедова болезнь, аутоиммунный гипертироз*), усиливая при этом функциональную мобильность клинических терминов. Дефиниции клинических терминов часто нуждаются в эпонимной информации, поэтому нередкими являются случаи привлечения эпонимного термина для определения других терминов. Так, например, определение термина *vitelliform dystrophy* осуществляется отсылкой к синонимичному эпонимному термину: *Vitelliform dystrophy, or Best disease, is a hereditary retinal dystrophy involving the retinal pigment epithelium* [URL: http://eyewiki.aao.org/Best_Disease (дата обращения: 26.01.2018)].

В медицинском дискурсе эпонимный термин и его синонимичные клинические термины становятся определенной предпосылкой понимания друг друга, дополняя смысловой объем каждого [Хантакова 2020, с. 529] и тем самым способствуя востребованности и устойчивости каждого из них в терминосистеме медицинской науки.

Таким образом, эпонимный термин, являясь одним из источников обогащения различных терминосистем, расширяющих базу номинации в сфере специальной лексики, активизирует всю концептуальную систему человека, связанную с его профессиональной картиной мира. При этом ни имя собственное как агенс, ни фактитив в структуре эпонимного термина не могут в своей изолированности друг от друга охватить обозначаемое понятие. Представление об описываемом явлении возможно при условии выполнения каждым компонентом эпонимного термина определенной роли. Имя собственное как одно из средств анафоры, обеспечивая отсылку к той ситуации, когда имело место открытие и его наименование, наполняется содержанием. При этом у имени проявляется своего рода «избирательность» к отсылкам, которые способствуют установлению некоторой совокупности признаков в эпонимном термине. Фактитиву же принадлежит роль «управления» процессом избирательности с наложением определенных ограничений, способствующих актуализации тех признаков, необходимых эпонимному термину как единице медицинской терминологии.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта // Изв. АН СССР. — Сер. лит. и яз., 1979. — Т. 38. — № 4. — С. 323–334.
2. Васильева Н. В., Виноградов В. А. Заметки об эпонимах // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. — М.: Изд-во МГОУ, 2009. — С. 72–74.
3. Есперсен О. Философия грамматики. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. — 404 с.
4. Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов очевидности в связи с методами научного исследования. — М.: Ленанд, 2011. — 828 с.

5. Рассел Б. *Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике.* — Вып. 13. — М.: Радуга, 1982. — С. 41–54.
6. Хантакова В. М., Швецова С. В., Хантакова Е.А. Принцип дополнительности в организации синонимического ряда (на материале терминов эндокринологии) // «Мир Науки, Культуры, Образования», 2020.– № 2 (81) — С. 528-530.
7. Best_Disease. Available at: http://eyewiki.aao.org/Best_Disease. Дата обращения 26.01.2018.
8. Frege G. On sense and reference //Translations from philosophical writings of Gottlob Frege. — Oxford, Basil Blackwel, 1952. — P. 56-78.
9. Islets of Langerhans Pancreas and Insulin.jpg. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Islet_of_Langerhans_and_Insulin.jpg. Дата обращения 20.09.2020.
10. Wittgenstein L. *Philosophical investigations.* — Oxford: Basil Blackwell, 1953. — 232 p.
11. Quine W. V. Notes on existence and necessity //Semantics and the philosophy of language. — Urbana, 1952. — P. 77-91.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE COMPONENTS
AND THEIR ROLE IN THE COMPOSITION OF THE MEDICAL EPONYM TERM

Victoria M. Khantakova
Dr. Sci. (Philol.), Prof.,
A. A. Ezhevsky Irkutsk State Agrarian University
Irkutsk, Russia
E-mail: achinj@mail.ru

Svetlana V. Shvetsova
Cand. Sci. (Philol.), A/Prof.,
A. A. Ezhevsky Irkutsk State Agrarian University
Irkutsk, Russia
E-mail: svetlana-sib@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the need to shift the emphasis from an isolated consideration of the components of an eponym term (a proper name as an agens and a factitive) to a "dialogical" relationship between them. It is proved that at the intersection of the proper name as an agens and a factitive, the semantic volume of the eponym term is created and enriched. The role of each component of the eponymous term is revealed. It is established that a proper name with its characteristic anaphoric role and selectivity provides a reference to the situation when the discovery took place and how its name occurred, filling the semantic volume of the eponym term with a certain set of features. The factitive also plays the role of "managing" the selectivity of the agens, which is manifested in the establishment of restrictions that contribute to the actualization of the features necessary for an eponym term as a unit of medical terminology.

Keywords: proper name; anaphoric role; term; eponym term; meaning; sense; agens; factitive; randomness; selectivity.

**НОРМАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМОВ В РОССИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

© *Дамбуев Игорь Александрович*

кандидат филологических наук,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

E-mail: igor_dambuev@mail.ru

Аннотация. В статье перечисляются действующие в настоящее время законодательные акты, регулирующие деятельность в области нормализации, установления, употребления, регистрации, учета и сохранения топонимов, перечисляются уполномоченные федеральные органы исполнительной власти в области наименований географических объектов и их основные функции, описывается Государственный каталог географических названий как гарант единообразного и устойчивого употребления топонимов, а также их сохранения как части исторического и культурного наследия народов России. Сообщается о результатах исследования топонимического варьирования официальных топонимов, являющегося одним из основных факторов, препятствующим их нормализации. Приводятся примеры основных типов варьирования и утверждается необходимость их дальнейшего исследования для совершенствования нормализации топонимов. Сообщается также о деятельности по обновлению инструкций по русской передаче географических названий на языках народов России.

Ключевые слова: топонимия; географическое название; российская топонимия; нормализация топонимов; топонимическое варьирование.

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности») № 121031000258-9.

С распадом СССР и созданием в 1992 г. Российской Федерации начался новый этап в деятельности по нормализации топонимов на территории России. Основы правовой деятельности в области нормализации топонимов, а также их установления, употребления, регистрации, учета и сохранения были заложены в Федеральном законе от 18.12.1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» и ряде нормативно-правовых актов.

Законодательство в данной области продолжает совершенствоваться, что проявляется как во внесении поправок в федеральный закон, так и в обновлении других нормативно-правовых актов, принимаемых во исполнение федерального закона. В настоящее время действуют следующие нормативно-правовые акты: указ Президента от 28.11.2018 г. № 681 «О присвоении отдельным географическим объектам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством»; постановление Правительства от 15.11.2012 г. № 1167 «О порядке согласования предложений о присвоении наименований отдельным географическим объектам или о переименовании таких географических объектов»; постановление Правительства от 19.11.2014 г. № 1221 «Об утверждении Правил присвоения, изменения и аннулирования адресов»; постановление Правительства от 22.05.2015 г. № 492 «О составе сведений об адресах, размещаемых в государственном адресном реестре, порядке межведомственного информационного взаимодействия при веде-

нии государственного адресного реестра, о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»; постановление Правительства от 07.03.2019 г. № 245 «Об утверждении Правил рассмотрения предложений о присвоении отдельным географическим объектам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством, и использовании указанных имен»; приказ Минэкономразвития от 27.03.2014 г. № 171 «Об утверждении Порядка осуществления экспертизы предложений о присвоении наименований географическим объектам и о переименовании географических объектов, а также выдачи заключений на указанные предложения»; приказ Минэкономразвития от 27.03.2014 г. № 172 «Об утверждении Порядка регистрации и учета наименований географических объектов, издания словарей и справочников наименований географических объектов, а также выполнения работ по созданию Государственного каталога географических названий и его ведения»; приказ Минэкономразвития от 29.05.2015 г. № 322 «Об утверждении Порядка выявления существующих наименований географических объектов Российской Федерации, континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации, а также географических объектов, открытых или выделенных российскими исследователями в пределах открытого моря и Антарктики».

Уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в области топонимов в настоящее время являются Министерство экономического развития (Минэкономразвития) и Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Минэкономразвития осуществляет функции по определению государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере топонимов. Росреестр осуществляет функции по ведению Государственного каталога географических названий (ГКГН), нормализации топонимов на русском языке, проведению экспертизы предложений о присвоении топонимов и о переименовании географических объектов, выявлению существующих топонимов, согласованию содержания словарей и справочников географических названий, издаваемых федеральными органами исполнительной власти и органами субъектов РФ. В рамках ведения ГКГН Росреестр проводит работу по выявлению, регистрации и учету как топонимов России, так и названий географических объектов континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ и объектов, открытых или выделенных российскими исследователями в пределах открытого моря и Антарктики. В рамках проведения экспертизы предложений о присвоении наименований и о переименовании географических объектов с 2012 по 2019 гг. Правительством РФ было принято более 162 нормативных акта о присвоении наименований 365 географическим объектам и о переименовании 114 географических объектов [Report 2017; Report 2019].

Государственный каталог географических названий представляет собой национальную базу географических названий, основанную на информационной поисковой системе, которая обеспечивает хранение, обработку, выдачу зарегистрированной информации о топонимах и связанных с ними сведений. Работы по созданию ГКГН были начаты в 2002 г. [Standardization...]. Основными задачами ГКГН являются обеспечение единообразного и устойчивого употребления топонимов; их сохранение как части исторического и культурного наследия народов РФ; обеспечение потребностей органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, СМИ и граждан в официальной информации о

топонимах [State...]. В 2016 г. эта система была зарегистрирована Федеральной службой по интеллектуальной собственности. Правообладателем системы является Российская Федерация. В настоящее время ведение ГКГН осуществляет подведомственное Росреестру ФГБУ «Федеральный научно-технический центр геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных».

ГКГН содержит информацию следующего характера: наименование географического объекта, род объекта, административный статус населенного пункта, административно-территориальное положение географического объекта, географические координаты, номенклатура листа топографической карты масштаба 1:100000, на которой обозначен объект, географическая привязка объекта относительно другого более крупного объекта, варианты названия, варианты рода объекта, данные о происхождении названия и т. д. Топонимы, вносимые в ГКГН, должны быть документально подтверждены достоверными источниками, такими как нормативно-правовые акты РФ и субъектов РФ, справочники административно-территориального устройства субъектов РФ, словари и справочники наименований географических объектов, данные переписи населения, картографические источники и т. д. По данным, представленным Росреестром на сессии Группы экспертов ООН по географическим названиям в 2019 г., в базу данных ГКГН внесена информация о наименованиях 787 800 географических объектов, в том числе информация о 1806 наименованиях географических объектов континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ, а также наименованиях объектов, открытых или выделенных российскими исследователями в пределах открытого моря и Антарктики [Report, 2019].

В целях обеспечения достоверности и актуальности информации о топонимах проводится согласование зарегистрированных в ГКГН наименований на территории субъектов РФ с органами государственной власти этих субъектов. Исследования последних лет топонимов, имеющих статус несогласованных, то есть имеющих расхождение в форме написания, позволяют говорить о том, что основной причиной несогласованности является топонимическое варьирование, которому могут подвергаться официальные названия в письменной и устной речи. Официальные топонимы могут подвергаться варьированию на орфографическом, фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровне. На орфографическом уровне варьирование возникает вследствие выборочного употребления буквы *ё* в топонимах (*Зеленый / Зелёный, Писарево / Писарёво, Чет / Чёт* и др.) [Дамбуев, 2018], варьирования слитного, дефисного и раздельного написания топонимов (*Подветреннотелеутское / Подветренно-Телеутское, Новодурово / Ново-Дурово, Юрьево-Первое / Юрьево Первое* и др.) [Дамбуев, 2016], варьирования употребления прописной и строчной буквы в топонимах (*Сибниви / СибНИВИ, Лесная Речка / Лесная речка, Судоремонтная техническая станция / Судоремонтная Техническая Станция* и др.) [Дамбуев, 2020а], варьирования гласных после шипящих согласных и буквы *ц* (*Инюшево / Инюшово, Малая Борщёвка / Малая Борщовка, Кривцево / Кривцово, Беяницино / Беяницыно* и др.) [Дамбуев, 2020с; Дамбуев, 2020b], варьирования способа выражения порядковых числительных в топонимах (*Куликовка Первая / Куликовка 1-я, III Интернационал / 3 Интернационал, Цовкра-1 / Цовкра 1-я* и др.) [Дамбуев, 2014] и других реже встречающихся типов орфографического варьирования, нуждающихся в более глубоком изучении. Орфографические варианты возника-

ют и закрепляются в топонимии по разным причинам. Это могут быть как орфографические ошибки, допущенные при установлении топонимов и закрепившиеся в официальных документах, так и кодификационные лакуны и недостаточность иллюстративного материала в справочниках по орфографии, изменчивость самих орфографических правил, стихийный характер написания некоторых топонимов и пр. На фонетическом уровне отмечается варьирование фонемного состава топонима (*Игино / Егино, Гонохово / Гонюхово, Лазный / Лозный* и др.). На морфологическом уровне варьированию подвергаются: родовые флексии (*Светлое / Светлый, Кокорский / Кокорское, Егорьевское / Егорьевская* и др.); флексии числа (*Урывки / Урывка, Пластинка / Пластинки* и др.); топоформанты (*Боронский / Боронск, Писарево / Писаревка, Борзенково / Борзенкова* и др.). На лексическом уровне варьирование создают конкурирующие словоформы, не имеющие корневой близости, часто разноязычного происхождения (*совхоза «Елань-Коленовский» / Берёзовка, Касьянов / Дубинин, Полынное / Бергин* и др.). На синтаксическом уровне варьировать может порядок компонентов топонима и тип связи между компонентами топонима (*Вязовицы Большие / Большие Вязовицы, Елец-Маланино / Елецкое Маланино, Калинина Дубрава / Калина-Дубрава* и др.). Перечисленные типы варьирования могут быть вызваны влиянием диалектов, изменением статуса географического объекта, переименованиями и другими причинами. Все они нуждаются в дальнейшем исследовании с целью выявления объективных тенденций развития современной топонимии и выработки оптимальных решений и стратегий в области нормализации топонимов.

Учитывая, что в России имеется большое количество наименований географических объектов не только на русском языке, но и на языках народов России, при их нормализации на русском языке возникают вопросы разработки инструкций по русской передаче географических названий на языках народов России. В XX в. Главным управлением геодезии и картографии при Совете министров СССР издавались инструкции по русской передаче географических названий на языках народов СССР и названий зарубежных стран. Как отмечалось в докладе советской делегации на пятой конференции ООН по стандартизации географических названий в 1987 г., было издано 43 инструкции по русской передаче географических названий на языках народов СССР [Торонумис...]. В настоящее время эти инструкции не имеют юридической силы, в связи с чем возникает необходимость создания аналогичных инструкций для языков народов РФ и их утверждения. По информации, представленной Росреестром на сессии Группы экспертов ООН по географическим названиям в 2019 г., Росреестром подготовлены проекты правил по передаче географических названий Республики Башкортостан, Республики Бурятия, Республики Татарстан, Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Мордовия, Республики Северная Осетия — Алания, Республики Калмыкия, Республики Коми, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, а также мансийских и ногайских наименований [Report 2019]. Из перечисленных проектов правил нам удалось обнаружить лишь Свод правил по русской передаче тувинских наименований географических объектов в Республике Тыва, утвержденный Терминологической комиссией при Правительстве Республики Тыва в 2015 г., и Инструкцию по русской передаче алтайских географических названий в Республике Алтай, утвержденную Правительством Республики Алтай в 2013 г. В указанных инструкциях содержатся значительные изменения в прави-

лах практической транскрипции по сравнению с предыдущими изданиями, согласно которым передано на русский язык большинство национальных топонимов. Их использование непременно поднимет вопрос о пересмотре русской передачи имеющихся узуальных написаний топонимов, поскольку передача одного и того же явления разными способами противоречит задачам нормализации.

Литература

1. Дамбуев И. А. К вопросу о нормализации употребления буквы ё в российской топонимии // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 239-262.
2. Дамбуев И. А. К вопросу о слитном, раздельном и дефисном написании топонимов // Ономастика Поволжья. Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. С. 279-283.
3. Дамбуев И. А. Прописная и строчная буквы в официальной топонимии России // Вопросы ономастики. 2020а. Т. 17. № 2. С. 278-302.
4. Дамбуев И. А. *Спицыно* или *Стицино*? К вопросу о нормализации топонимов с варьированием *ы / и* после *ц* // Научный диалог. 2020b. № 5. С. 38-62.
5. Дамбуев И. А. Сычовка или Сычёвка? Нормализация топонимов с варьированием *о / е* после шипящих и буквы *ц* // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020с № 2, <http://sflk-mn.ru/PDF/24FLSK220.pdf> (доступ свободный).
6. Дамбуев И. А. Трансформационные процессы в российской топонимии // Ономастика Поволжья. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 76-80.
7. Report 2017 — Report of the Russian Federation [Электронный ресурс] // UNGEGN. 11th Conference. URL: <https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/UNGEGN/ungegnConf11.html> (дата обращения: 20.12.2020).
8. Report 2019 — Report of the Russian Federation [Электронный ресурс] // UNGEGN. 1st Session of the United Nations Group of Experts on Geographical Names. URL: https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/UNGEGN/1st_session_UNGEGN.html (дата обращения: 20.12.2020).
9. Standardization of geographical names in the Russian Federation between 2003 and 2007 [Электронный ресурс] // UNGEGN. 9th Conference. URL: <https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/UNGEGN/ungegnConf9.html> (дата обращения: 20.12.2020).
10. State catalogue of geographical names of the Russian Federation [Электронный ресурс] // UNGEGN. 9th Conference. URL: <https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/UNGEGN/ungegnConf9.html> (дата обращения: 20.12.2020).
11. Toponymic guidelines in the USSR [Электронный ресурс] // UNGEGN. 5th Conference. URL: <https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/UNGEGN/ungegnConf5.html> (дата обращения: 20.12.2020).

STANDARDIZATION OF TOPONYMS IN RUSSIA: CURRENT STATUS AND PROBLEMS

Igor A. Dambuev

Cand. Sci. (Philol.),

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB of the RAS

Ulan-Ude, Russia

E-mail: igor_dambuev@mail.ru

Abstract. The paper lists the legislative acts in force regulating activities in the field of standardization, identification, usage, registration, and storage of toponyms. It informs on authorized executive federal bodies in the field of geographical names and their main functions. It also describes the State Catalogue of Geographical Names as a guarantor of uniform and permanent use of toponyms as well as of preservation of toponyms as a constitu-

ent of historical and cultural heritage of the peoples of Russia. The author reports some results of the study of official toponyms variation which is one of the main factors that complicates the standardization of toponyms. Examples of the main types of variation are given and the need for their further research to improve the standardization of toponyms is stated. It also reports on the activities to update the instructions for the Russian rendering of geographical names in the languages of the peoples of Russia.

Keywords: toponymy; geographical name; Russian toponymy; standardization of toponyms; toponymic variation.

УДК 81.373.23

НЕКОТОРЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИЗМЕНЕНИЯМ В ИМЕННИКЕ МОНГОЛОВ

© *Энхбат Дашдондог*

доктор (PhD), профессор,

Монгольский государственный университет

Улан-Батор, Монголия

E-mail: enkhbat.d@num.edu.mn

Аннотация. В статье автор делает попытку доказать с помощью статистических методов исследования, каким образом именник монголов в XX в. отражал общественное, политическое, культурное развитие Монголии, общественную психологию, стремления и ценности монгольского народа. В качестве материала исследования выступают монгольские имена XX в. Изменения в общественной жизни и в менталитете того или иного народа находят отражение в языке. Монгольские имена, как постоянный класс лексики, формируют картину ментальности народа. Исследование имен позволяет наметить пути развития традиций именования и выявить информацию о мечтах, желаниях, сознании, обычаях и традициях монгольского народа.

Ключевые слова: антропонимикон; функция имени; ономастика; динамика и статика; разрезы; выборка.

В любом языке наряду с именами нарицательными имеются имена собственные (ИС). Собственным именем называется «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов» [Подольская, 1988, с. 91]. Раздел лингвистики, который изучает имена собственные всех типов, называется ономастикой. Современная лингвистика все больше внимания уделяет исследованию имен собственных, представляющих собой внушительный пласт в лексике любого языка.

Одной из наиболее важных и универсальных разновидностей имен собственных являются антропонимы. Антропонимом называют «любое собственное имя, которое может иметь человек, в т. ч. личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним» [Подольская, 1988, с. 31].

Имена возникли в далекой древности. Вероятно, они не были именами в современном смысле. Они больше походили на прозвища, так как люди еще не имели готового именника. Он был создан гораздо позже. Имя является не только принадлежностью человека, но и необходимым условием существования любого человеческого общества. В антропонимах отражаются обычаи и традиции

народов, религиозные воззрения, эстетические представления, в них фиксируются как национальные идеалы красоты, так и отклонения от них и даже физические и иные недостатки. Как отмечает В. А. Никонов, имя «настолько сливается с самим называемым человеком, что на ранних ступенях развития даже отождествляли имя и человека» [Никонов, 1970, с. 33].

Существование антропонимов, как и всех прочих имен собственных, обусловлено их языковыми и неязыковыми функциями. И. В. Бестужев-Лада выделяет следующие тесно связанные между собой функции:

1. *Функция различения друг от друга* — самая главная функция, без которой антропонимы не имеют смысла.

2. *Функция, указывающая на место индивида* в социальной структуре общества.

Эти обе функции рассматриваются в одном ряду, как единая социально-различительная функция.

3. *Функция соответствия* традициям, обычаям, моде, личным вкусам и т. д. (ритуальная).

4. *Функция, связанная с верой в сверхъестественную силу* имен (харизматическая).

Последние две функции также целесообразно рассматривать как единую ритуально-харизматическую функцию. Перечисленные функции обладают противоположными тенденциями: «первая стремится максимально расширить номенклатуру антропонимов, последние по разным причинам стремятся, напротив, сузить ее. Это противоречие в условиях изменения конкретной исторической обстановки является, по-видимому, главной движущей силой эволюции системы антропонимов» [Бестужев-Лада, 1970, с. 24].

Антропонимия живого языка динамична, т. е. всегда развивается и находится в движении. Она подвижна не только диахроническом плане (меняется состав имен, характер их использования в речи), но и в синхронном плане (имена, употребляющиеся в конкретный период жизни языка, взаимосвязаны и взаимодействуют между собой). Поэтому синхронный и диахронический анализы, имея разные предметы исследования в пределах языка, дополняют друг друга и открывают возможность увидеть естественное состояние языка и его жизнь во времени. При использовании диахронического подхода явления рассматриваются «в горизонтальном, продольном срезе, который отражает движение времени, нарушающего порядок, время дезорганизует и может их разрушить, если бы не вмешательство противоположной организующей силы» [Энхбат, 2003, с. 23]. Синхронный подход призван рассматривать лингвистические явления в вертикальном срезе, не дезорганизующем движение, а в противоположном, который направлен в сторону организации и системизации, определяя их взаимозависимость и подчиняя их самым глубоким законам человеческого мышления. Изучая антропонимы в синхронном срезе, берут, как правило, годовой срез. При исследовании динамики личных имен монголов в XX в. нами производились годовые срезы 1925, 1955, 1990 годов.

Монголы считают, что личное имя обладает символическим значением, которое усиливается редким использованием в обыденной жизни таких антропонимических компонентов, как фамилии и отчества. Монгольские имена отражают традиции, обычаи, быт, мировоззрение, культурно-исторические

факторы, религиозные представления монгольского народа. Монгольские имена употребляются не только в Монголии: до середины XX в. они преобладали над именами иного происхождения у бурят, калмыков, тувинцев, отчасти алтайцев и других народов Южной Сибири в России, и по-прежнему преобладают в ряде районов Китая как среди монголов, так и среди бурят, ойратов, отчасти эвенков. Некоторые фамилии, распространенные по всему миру, происходят от монгольских имен. По происхождению у монголов выделяются имена: собственно монгольские; монгольские, являющиеся переводом с тибетского; комбинированные монгольско-тибетские; монгольско-санскритские и индийские.

Изучение монгольских личных имен дает богатый материал для истории монгольского языка. Исходя из характера социальных отношений, политической истории древних монголов и тюрков и их религиозных мировоззрений, можно предполагать, что в этом периоде мужские и женские имена друг от друга мало отличались как по семантике основ, так и по структуре. Именник был небогатый, в основном был связан с культом небесных тел, культом предков, культом горы и т. д., а также включал имена, в основе которых лежали названия животных.

Письменно засвидетельствованные данные показывают, что среди монголов санскритские собственные имена были распространены раньше, чем тибетские. В известной «Юань-ши», охватывающей XII–XIV вв., встечается много имен санскритского происхождения, таких как Амуга, Амуга шири, Ананда, Будашири, Дарма, Дармабала, Камала, Мангала, Раднабала, Радна шири, Санга, Санга бала, Санга шири и др.

Усвоение монголами тибетских собственных имен тесно связано с принятием ими тибетской формы буддизма. Можно полагать, что тибетские имена были приняты монголами с конца XVI в., и в XVII в. их стало уже много. Вместе с ростом влияния буддийских церквей в общественной жизни Монголии возросла и роль ламаизма в семейной жизни простых людей.

В Монголии имена новорожденным даются в соответствии с так называемой «**астрологией пяти гараков** (дней), на которые в буддийской астрологии разделяются все числа месяцев» [Жамбал-Сурэн, 1961, с. 5–8]. Каждый из гараков имеет особое название, которое дается новорожденному как его имя, сообразно тому гараку, в который он родился. Таким образом:

Гарак 1-го, 6-го, 11-го, 16-го, 21-го и 26-го числа каждого месяца носит название Доржи, и сообразно этому, человеку, родившемуся в показанные числа, даётся имя **Дорж**.

Гарак 2-го, 7-го, 12-го, 17-го, 22-го и 27-го числа называется Ренчин, поэтому человеку, родившемуся в одно из этих чисел, дается имя **Ренчин**.

Гарак 3-го, 8-го, 13-го, 18-го, 23-го и 28-го числа называется Бадма, поэтому человеку, родившемуся в одно из этих чисел, дается имя **Бадма**.

Гарак 4-го, 9-го, 14-го, 19-го, 24-го и 29-го числа называется Лийжи, поэтому человеку, родившемуся в одно из этих чисел, дается имя **Лийжи**.

Гарак 5-го, 10-го, 15-го, 20-го, 25-го и 30-го числа называется Санжчи, поэтому человеку, родившемуся в одно из этих чисел, дается имя **Санжи**. Неправильно было бы думать, что каждый раз, перелистывая астрономическую книгу «**Вайдурья гарбо**», ламы всегда давали имя в соответствии с указанием астрологического сочинения. Вероятно, в большинстве случаев они давали имена по своему усмотрению, случайные.

Для изучения динамики личных имен монголов нами взята сплошной выборкой 10 тыс. личных имен в 5 аймаках и в городе Улаанбаатар. Сопоставляя именной 1925 г. с именником 1955 г., мы видим существенные изменения, состоящих, во-первых, в утрате известного количества старых имен тибетского происхождения, во-вторых, увеличение числа собственно монгольских имен.

В силу свободного функционирования личные имена монголов отражают малейшее изменение в общественной и духовной жизни народа, в эстетике восприятия им действительности. Личные имена монголов подвижны и не в такой степени «законсервированы» по сравнению с личными именами в индоевропейских и славянских языках.

В монгольском именнике 1940-х гг. есть немало заимствованных русских имен, оформленных согласно требованиям монгольского языка. Такие имена, как Болоож (Володя), Гэрийш (Гриша), Вааня (Ваня), Шуурай (Шура), Пүрүүнз (Фрунзе), Хийров (Киров) и др., объясняются желанием закрепить добрые воспоминания о русском товарище или подруге.

1990-е годы характеризуются началом развития демократии во всех сферах социальной, экономической, духовной и культурной жизни общества, что не могло не отразиться на личных именах детей.

С 2000 г. в Монголии вновь начинают распространяться фамилии. Они могут быть прежними родословными и родовыми именами, однако не всегда в качестве фамилии берется то родовое имя, которое носили предки того или иного человека до революции. Оно может быть забыто или просто отсутствовать по причине простого происхождения.

Сопоставляя этот разрез с хронологическими разрезами 1925, 1955 годов можно сделать следующие выводы:

1. Большую часть современного монгольского именника составляют возникшие в древности собственно монгольские имена. Антропонимикон монголов отражает особенности исторического развития и духовного мира монгольского народа.

2. Данные социолингвистических исследований показывают, что в последнее время монголы стали чаще отказываться от иностранных имен, в том числе тибетских. Наблюдается тенденция отказа от длинных, непонятных и трудных для произношения личных имен.

3. Начинается массовое наречения своих детей именами монгольских исторических лиц, военачальников, императоров и их детей, исторических героев. Получается, что в Монголии почти все имена неповторимые и уникальные. Сегодня новорожденным дают имена с прозрачным семантическим значением.

Резимируя представленные выше наблюдения, можно отметить следующее:

1. Антропонимическая система живого языка динамична не только в диахроническом, но и синхроническом плане.

2. Только массовые, повторяющиеся факты могут быть закономерностями и приблизить нас к постановке проблемы о собственно лингвистических и экстралингвистических факторах, влияющих на постоянное изменение репертуара имен и степени их популярности

Литература

1. Бестужев-Лада И. В. Исторические тенденции развития антропонимов // Личные имена в прошлом настоящем будущем: Проблемы антропонимики. М.: Наука, 1970.
2. Жамбал-Сурэн Н. Тибетские слова в монгольском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961. 19 с.
3. Никонов В. А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом настоящем будущем: Проблемы антропонимики. М.: Наука, 1970.
4. Подольская Н. Н. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
5. Энхбат. Хүмүүний зохист нэр. УБ, 2003.

SOME STUDIES ON THE CHANGES IN THE ANTHROPONYMICON OF MONGOLS

Enkhbat D.

Dr. Sci. (PhD), Prof.,
National University of Mongolia
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: enkhbat.d@num.edu.mn

Abstract. The author aims to prove statistically how the names in the XXth century conform with Mongolian social, political, cultural development, social psychology, peoples will and values. The fund of XXth century Mongolian names has been reviewed. Changes in the social life and mentality of a particular nation find their reflection in the language. Mongolian names as a constant stratum of vocabulary form image in the people's mentality. Studying them allows to trace development of the naming tradition and learn about the Mongolians' dreams, wishes, mentality, customs, and traditions.

Keywords: anthroponymicon; function of a name; onomastics; dynamics and statics; snapshot; sample.

III. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

УДК 378.126

ШКОЛА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА Л. В. ШУЛУНОВОЙ

© *Ринчинова Арюна Владимировна*

кандидат филологических наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

Улан-Удэ, Российская Федерация

E-mail: arrinch@mail.ru

Аннотация. Статья повествует об учениках Л. В. Шулуновой, для которых одним из направлений педагогической деятельности стало преподавание русского языка как иностранного.

Ключевые слова: вектор профессиональной деятельности, русский язык как иностранный (РКИ), методика преподавания РКИ.

*Все́му, что необходимо знать, научить нельзя,
учитель может сделать только одно — указать дорогу*
Ричард Олдингтон

Людмила Владимировна Шулунова — имя широко известное в отечественной ономастике. Для нас быть в числе учеников Людмилы Владимировны — это и почётно, и ответственно. Наш Учитель и Наставник — это чёткая постановка цели, неуклонное следование выработанной стратегии, при этом обращая внимание на любые мелочи, которые могут способствовать творческому решению определенных задач. Это и постоянный поиск новых идей, раскрытие потенциала и возможностей саморазвития, основанное на принципах доверия, конструктивного диалога, ответственности. Благодаря Людмиле Владимировне, многие из нас открыли для себя не только научные горизонты, но и определили векторы преподавательской деятельности.

Одним из таких направлений стало преподавание русского языка как иностранного (далее — РКИ). Работе с иностранными студентами всегда уделялось особое внимание в Восточно-Сибирской государственной тогда академии культуры и искусств, теперь институте культуры. Многолетнее сотрудничество с МНР в области культуры вызвало необходимость обучения монгольских специалистов по данному направлению. В 1984 г., в связи с объединением секции русского языка как иностранного с кафедрой иностранных языков, данную структурную единицу по РКИ возглавила Л. В. Шулунова. Уникальная способность Людмилы Владимировны прогнозировать перспективы развития лингвистических дисциплин инициировало создание новых учебных вузовских подразделений. Так, в 1987 г. произошло разделение на две кафедры: иностранных языков и русского языка и страноведения, которое возглавляла Л. В. Шулунова (1987–1990). В 1990 г. кафедра была переименована в кафедру восточных языков

и лингвострановедения, в связи с необходимостью подготовки специалистов с учетом региональных, национальных особенностей.

На кафедре велась активная работа по поиску новых форм преподавания РКИ в новых экономических условиях, анализировались лингвострановедческие аспекты обучения языку, исследовалась методика РКИ в контексте межкультурной коммуникации. Свидетельством научного интереса к данным аспектам являются статьи, учебные и учебно-методические пособия преподавателей кафедры: Л. Б. Бадмаевой, И. Б. Нимаевой, Е. Л. Ким, Л. В. Шулуновой.

По инициативе Людмилы Владимировны в 1996 г. на кафедру восточных языков и лингвострановедения была приглашена опытный специалист по РКИ А. П. Лихатина. Ася Прокопьевна владеет непревзойденным мастерством обучения русскому языку иностранных студентов. Особая методика объяснения грамматических правил, подача лексических конструкций, обучение осознанному восприятию текста и т. д. — весь спектр методических приемов, используемых педагогом, способствует формированию коммуникативной компетенции.

Столь высококвалифицированный состав кафедры позволил организовать Л. В. Шулуновой курсы по методике преподавания РКИ для молодых преподавателей кафедры. Это не только открытые уроки, мастер-классы ведущих педагогов, но и рабочие уроки по различным аспектам русского языка как иностранного: фонетике, лексике и грамматике, практике речи и т. п. Все занятия опытных преподавателей обсуждались на кафедре, анализировались буквально все этапы урока.

Кроме того, Л. В. Шулуновой было инициировано обучение молодых преподавателей на годичных курсах переподготовки по направлению «Преподавание русского языка как иностранного» при Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина. Первые наши занятия с иностранными студентами проходили под руководством наших преподавателей: А. П. Лихатиной, Е. Л. Ким, Л. В. Шулуновой. Нам оказывалась постоянная методическая помощь как на стадии разработки занятий, так и непосредственно на уроках. Поэтапное обсуждение занятий позволяло увидеть свои недочёты, наметить несколько путей решения подачи материала.

В настоящее время многие из тех, кто прошёл школу педагогического мастерства наших учителей-РКИстов, работали или продолжают работать в этом направлении: Б. Б. Аюшеев, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные и русский языки» ФГБОУ ВО БГСХА; А. А. Лазарева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного ИФИ-ЯМК ФГБОУ ВО БГУ; Ю. Ф. Прокопьева (Зубкова), кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и общей лингвистики, доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО ВСГИК; А. В. Ринчинова, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО ВСГИК; Е. В. Сундуева, доктор филологических наук, ГНС отдела языкознания ФГБУН ИМБТ СО РАН, С. В. Шойбонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО ВСГИК.

Б. Б. Аюшеев заведовал кафедрой русского и китайского языков, тестор РКИ по всем уровням лингводидактического тестирования, комплексного экзамена, экзамена на гражданства Центра тестирования БГСХА; член комиссии МВД по

Республике Бурятия по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка.

А. А. Лазарева работает в направлении именно РКИ, являясь уже признанным практиком, очень много времени уделяет и теоретическим основам преподавания дисциплины. Спектр учебно-научных интересов в аспекте преподавания РКИ весьма разнообразен, продиктован необходимостью совершенствования форм и методов обучения языку. В частности, особое внимание уделяется А. А. Лазаревой лингвокультурной составляющей методики РКИ.

Общепризнанно, что лингвострановедческая компетенция иностранного обучающегося свидетельствует об успешности владения языком. Образ Бурятии наряду с национальным своеобразием ассоциируется с образом целой страны — многонациональной России. В этом ключе изданы А. А. Лазаревой: учебное пособие «Культура Бурятии» в 2009 г.; учебно-методическое пособие в соавторстве с Н. Н. Алексеевой, Л. Ц. Тарчимаевой, Г. В. Улазаевой, И. А. Феокистовой «Здравствуй, Бурятия», 2010 г.

Признавая формирование межкультурной компетенции одной из ключевых в практике преподавания РКИ, А. А. Лазарева занимается разработкой её когнитивной составляющей. Это научные статьи, посвященные вопросам межкультурной адаптации иностранных обучающихся, формирования вторичной языковой личности и научной концептосферы иностранных студентов-филологов и т. д.

Накопленный опыт преподавания позволяет А. А. Лазаревой презентовать свои наработки в области обучения разным аспектам речевой деятельности. В частности, описана методика обучения чтению как на начальном этапе освоения языка, так и на среднем уровне. Обращается особое внимание педагогом на явления интерференции в речи иностранных учащихся (на примере речи монгольских студентов).

Свидетельством научно-методического мастерства является и тот факт, что А. А. Лазарева выступает рецензентом различных видов учебных изданий: учебных, учебно-методических пособий, практикумов, сборников упражнений и т. д. Кроме того, является ответственным редактором многих составных научных и методических сборников.

С. В. Шойбонова — один из ведущих преподавателей РКИ в институте культуры. Более двадцати лет педагог успешно обучает иностранных студентов русскому языку. С. В. Шойбонину отличает постоянный поиск новых концепций и подходов к преподаванию РКИ, презентуются открытые уроки, мастер-классы по различным аспектам речевой деятельности. Особое внимание преподаватель уделяет обучению иностранных учащихся русской лексике, формированию потенциального словаря у студентов.

Педагогический профессионализм С. В. Шойбоновой проявляется и в умении формировать у студентов-иностранцев системный, научный стиль мышления. Показателем подобной продуктивной работы педагога является ежегодное успешное участие иностранных студентов ВСГИК в различных конкурсах, конференциях, олимпиадах. Так, к примеру в 2020 г. студентка 211Б-18 гр. факультета музыкального и хореографического искусства У Ячжоу удостоилась диплома 3 степени на XVIII Международной научно-практической конференции-конкурсе «Интеграционные процессы современной научной мысли» г. Казань.

А. В. Ринчинова также обучает студентов-иностранцев в институте культуры. Помимо преподавательской деятельности занимается и тестированием иностранных граждан в Центре подготовки и тестирования в своем вузе. Опубликовано ряд статей по методике преподавания РКИ, издано 4 различных по структуре и содержанию пособий: сборники упражнений, практикумы, учебно-методическое пособие.

Ю. Ф. Зубкова (Прокопьева) — тестор по всем уровням лингводидактического тестирования РКИ, экзамена на гражданство и комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, законодательства РФ и истории России. Кроме того, преподавала РКИ на подготовительных курсах в институте культуры, успешно обучала различным аспектам речевой деятельности бакалавров института. Ю. Ф. Зубковой издано 3 учебно-методических пособия, направленных на оценивание знаний, умений и навыков иностранных обучающихся.

Главное в жизни любого учителя, а тем более Учителя с большой буквы, как все мы воспринимаем Л. В. Шулунову, дать возможность ученику выбрать свое направление в жизни, определить свое место в профессиональной сфере. Благодаря Людмиле Владимировне, все мы с большим удовольствием занимаемся преподаванием русского языка иностранцам. В нашей памяти навсегда останутся уроки жизни нашего Учителя: уроки отзывчивости, честности, принципиальности, открытости, внимательности.

L. V. SHULUNOVA SCHOOL OF PEDAGOGICAL EXCELLENCE

Aruyna V. Rinchinova
Cand. Sci. (Philol.), A/Prof.,
East Siberia State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russia
E-mail: arrinch@mail.ru

Abstract. The article is about the students of L. V. Shulunova, for whom teaching Russian as a foreign language became one of the areas of pedagogical activity.

Keywords: vector of professional activity, Russian as a foreign language (RFL), methods of teaching RFL.

УДК811.161.1

NEW PERSPECTIVES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION: BEYOND THE NATIONAL

© *Claude Chastagner*
Ph. D., Professor of American popular culture and intercultural communication,
Paul-Valéry Montpellier 3 University
Vice-president of the University
Head of Foreign Applied Languages Masters' Program
Department of English and American Studies, France
E-mail: claude.chastagner@univ-montp3.fr

Abstract. The concept of interculturality has been used in different fashions since its inception, but most recently, it has become a cornerstone for stimulating developments in communication theories, downplaying the role of national or fixed identities, and putting forward on the contrary new conceptions of inter-individual communication processes, based on fluidity and complexity. By refusing simplifications and generalizations, this new paradigm should have immediate, positive consequences on the lives of many sub-groups and minorities.

Keywords: communication; interculturality; identity; culture; linguistic; nation; State; community; ethnicity; interdisciplinarity

The emergence of the “intercultural” concept has challenged, questioned, and enriched previous conceptions of the communication process, particularly regarding how the “cultural” element in intercultural communication has come to mean much more than “national” culture. The article retraces the emergence of this new paradigm and sketches its impact and consequences.

The term “intercultural” is currently being used with a variety of meanings. For some, it is a fully-fledged concept, with consequences on research in various fields. For others, it is a mere method to improve negotiation or educational strategies. Some use it in linguistics or communication theory, others, much more pragmatically, to describe a set of tools designed to improve the integration of expatriate employees or immigrant populations. It can however also be understood more ambitiously, as a prism, a focal point that allows to examine inter-individual relations from an interdisciplinary perspective.

Interculturality (some could have preferred La Boétie’s word, “entreconnaissance”, translated indifferently as “inter-knowledge” or “inter-acquaintance”) is often opposed to (but sometimes also confused with) multiculturalism. Multiculturalism is a way for individuals of diverse origins of living together in a given space (often the Nation-State) with little interaction between them. It implies taking into consideration individuals according to the groups or communities they live in, communities often defined in terms of ethnic or religious affiliation. Proponents of multiculturalism insist on the right to be different and on the need to preserve the so-called “cultural” difference and diversity of these groups, diversity mostly understood in terms of practices (religious, linguistic, sartorial, dietary, etc.). But the asymmetry of power relations between groups in the spaces they share, and the difficulty of giving equal space to the various, and sometimes conflicting, practices of an always increasing number of groups, make it difficult to respect this diversity. As a consequence, multiculturalism has often evolved into a form of withdrawal, each group or community closing in around practices and values they consider fundamental to their sustainability, often at the expense of their neighbors’. The second mode of cohabitation that results from the multicultural perspective, often imposed by the dominant group, is that of integration or assimilation, a mode that is based on essentialist conceptions of culture, and tends to evolve towards paternalism, and in the worst cases, racism.

In contrast to the multiculturalist model, the intercultural approach values individual exchanges, interactions, and negotiations, both at the intra- and inter-group level. It focuses on processes rather than states, on connections rather than differences. It calls for entering into relationships, and for paying attention to others, integrating and accepting the risk of conflict.

These interactions are envisaged according to criteria that are not only linguistic, but also cultural, a term understood in its broadest sense: national origin, but also region, family, social class, political choices, gender, age, professional environment, education, religion, urban/rural environment, sports practices, sexual preferences, etc.

Intercultural research, with its interdisciplinary focus, rests on a wide variety of theoretical backgrounds, from the theory of evolution to that of the unconscious, through Marxist analysis, particularly with regard to class relations, and of course on the increasingly important concepts of hybridity, *métissage*, and creolization provided by decolonial studies. Sociology and anthropology also play an important role, in particular Georg Simmel's research on the foreigner [Simmel 1971] and Graham Sumner's critiques of ethnocentrism [Sumner 1906].

The work of the leading American anthropologists of the 1930s and 1940s, Margaret Mead, Ruth Benedict, and Gregory Bateson, played a major part in the development of intercultural thinking, especially their conception, now obviously challenged, that the peoples of Nation-States are homogeneous entities with specific characteristics, as well as what is known as the Sapir-Whorf hypothesis (though not originally created by Edward Sapir and Benjamin Lee Whorf) that the different ways in which language encodes cultural and cognitive categories have an impact on the way people perceive and interpret the world.

It is on this basis that a truly "intercultural" research developed after the Second World War when the American government hired linguists, anthropologists, and sociologists to train its embassy staff and expatriate businessmen so that they would interact better and "function" more effectively in their host countries. In this context, anthropologist Edward T. Hall developed his main two concepts: that of non-verbal communication and the more specifically anthropological concept of high and low contexts [Hall 1959, 1966, 1976].

Regarding non-verbal communication, Hall defines several categories: Proxemics, the study of relationships to personal and territorial space; Haptics, the study of physical contact between individuals (including with oneself); Kinesics, the study of gestures and facial expressions; Chronemics, the study of the relationship to time, which he formalized into the monochronic/polychronic concept.

Hall also paid attention to the importance of the "contexts", defined as "high" or "low" for communication processes. High and low contexts inform how information is communicated and disseminated, either by the context (i.e., indirect communication: oral traditions, custom, elders, experience, habits, the non-verbal) or by written documents, texts, regulations, what is explicitly and clearly expressed, readily available and understandable by all, without ambiguity and without the context playing a significant role (i.e., direct communication).

The intercultural approach still had at this point a utilitarian and functionalist dimension, in a culturalist and essentialist perspective. The basic category was national culture, whose essential elements were said to be definable, and which was applied to the whole population of a given territory. As said earlier, the aim of this approach, at this time, was merely to give concrete advice to anyone in an "intercultural" situation, i.e., having to interact with individuals from other national cultures.

It is on this basis that the first courses on interculturality were created in American universities in the 1970s, usually in communication departments. Japan was the second country where intercultural research developed, due to its numerous exchanges with

the USA. In both countries, the foundations, as the goals of these courses were identical, and unsurprisingly, the first researchers explored the relationship between Asia and the West, with a focus on the opposition between individualism and collectivism, categories erroneously supposed to constitute the respective essences of the West and the East.

Starting in the 1980s, American intercultural research abandoned anthropology and linguistics in favor of social psychology; the result was an even more functionalist conception of interculturality, nourished by the positivism of Auguste Comte and Emile Durkheim, especially the application of natural sciences to the study of human behavior.

In Europe, a significant number of researchers still favor this functionalist approach, which explains why the concept of interculturality has spread so easily and systematically in the world of economics and business, applied to commercial negotiation and the management of risk. Two researchers in particular, Geert Hofstede [Hofstede 1997, 2003] and Fons Trompenaars [Trompenaars 2004], have left their imprint in this field. What they have in common is that they consider interactions between individuals still on the basis of their national origin and the common culture they are supposed to share. Nevertheless, they underline their awareness of the risk of essentialism and insist they it has been taken into account and managed. This research has gained international recognition both in the socio-economic sector and in universities, in management, economics, communication, and linguistic departments, but also in history, anthropology and in training courses on international relations and diplomacy, to the extent that for many, the very concept of interculturality is summed up and limited to this approach.

Hofstede has definitely become the most famous name in the field. He has defined a number of dimensions based on surveys of employees in multinational corporation, that have since become keywords in intercultural studies:

Power distance: the degree of acceptance or questioning of hierarchy and difference;

Individualism/collectivism: the respective importance of the group (family, clan, village, region, friends, congregation, etc.) in relation to the individual;

Masculinity/femininity: the relative importance of so-called “masculine” (ambition, materialism, self-assertion) or “feminine” qualities (modesty, concern for others, quality of life, etc.). So-called “feminine” cultures are also said to offer more opportunities to women.

Uncertainty avoidance: the taste or dislike for risk-taking, innovation, the unknown and ambiguity, and therefore a different relationship to Truth.

Long term/short term orientation: the fact of giving more or less consideration to the past, traditions or on the contrary, to the future, innovation, adaptability;

Indulgence/restraint: the tendency to enjoy life, to have fun, to seek happiness and gratification, or on the contrary to impose laws and rules of social control.

This approach has been very successful because it offers attractive and simple answers, easy to implement even in the periods of crisis and intense tensions we are cur-

rently experiencing, to extremely complex questions¹. Such conceptions have led some scholars to contrast countries, even civilizations, on the basis of their “cultures²”.

However, the most recent intercultural research in Europe is being carried out on utterly different bases, in large part, as linguist Claire Kramsch argues, because the primary motivation is not, as in the United States, to facilitate diplomatic, political, and economic integration, but to welcome and integrate immigrant populations from former colonies [Kramsch 1993].

As a result, there is a growing emphasis on thinking about learning and teaching languages, which launched what could be called “the linguistic turn” of intercultural studies. More importantly, new European scholars are moving towards an interpretative paradigm, much less prescriptive and more cautious than the functionalist paradigm.

The idea, contrary to the functionalist approach, is not to systematize and formalize all the behaviors of a given group according to its national affiliation, which leads to reductive and homogenizing presuppositions. The goal is rather to understand and interpret the world as it is constructed, in its complexity and diversity, and with the tensions that ensue, to accept dissensus, and analyze cultural practices and processes of communication, interaction and exchange, without drawing prescriptive conclusions.

This interpretative paradigm is based on the now familiar perspectives developed by decolonial studies and recent developments in anthropology, according to which culture is not an essence or a state, but an evolving, unstable and fluid construct, or even, as some put it, a “liquid” entity [Bauman 2000, 2004, 2006]. As a result, the relationship between culture and communication is not seen as an unequivocal cause-and-effect relationship, with one type of national culture systematically leading to a specific form of communication, but rather, as a series of exchange and interaction between the two.

Thus, in linguistics as in language sciences or didactics, the emphasis is placed on the link between discourse and social identity, on what people actually do with language in specific contexts that bring individuals into contact, whose differences goes beyond mere national belonging. The research also focuses, via the concepts of “linguaculture” (Karen Risager), and “transnationality” (Farzad Shafirian), on the role that language plays in creating a sense of identity during intercultural interactions.

In other fields (history, sociology, anthropology, literature, music, cinema, visual arts, etc.), research focuses on the notions of identity and community, to clarify, nuance and often question them. Using the intercultural paradigm implies developing communication strategies (in the classroom, in the workplace, in public places) that take into account the fluidity and liquidity of behaviors and practices, the fact that we have multiple identities (what Fred Dervin calls “diverse diversities” [Dervin 2011, 56]). Intercultural research is therefore focusing on questions of ethnicity, gender, sexuality, generation, immigration, etc., taking extra care to shun globalizing and simplifying interpretations.

Reflection on the limits and dangers of the concept of “national culture” is at the heart of this new intercultural approach. Thus, in *De la guerre à la communauté uni-*

¹ Hofstede’s theories have however been repeatedly challenged, most famously by Brendan McSweeney [2002].

² See for instance Samuel Huntington’s famous book, *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*.

verselle (From War to a Universal Community) Monique Chemillier-Gendreau criticizes the sovereignty of the State, which she accuses of being at the origin of violent forms of rejection of the Other, via an ideological reification of the Nation. She states: “The reification of national identities created and endorsed by Nation-States is dangerous because it is done by identification around the figure of a leader” [Chemillier-Gendreau 2013, 283]. She proposes new forms of solidarity that take into account the plurality and complexity of individual identities and replace dominant/dominated relations with a form of negotiated freedom, that would respect heterogeneity, otherness and dissensus, and which would not only accept conflictual communication, but endeavor to create propitious circumstances for its development.

The intercultural approach also pays close attention to issues of justice, equity and equality, in a spirit of “critical enquiry”, giving rise to what Rona Tamiko Halualani calls “critical intercultural studies [Nakayama 2010], and Adrian Holliday “critical cosmopolitan studies” [Holliday 2010].

Intercultural researchers are also more concerned with the power relations that shape communication processes, relations that are established through ideological superstructures and material living conditions. They clearly affirm that intercultural practices and products are places of struggle. By insisting on the constructed dimension of culture and identity, they try to give autonomy and freedom to individuals. As such, there is a strong interest in intercultural research in the interactions, transactions and negotiations between large and “small” cultures, for example between a Nation-State and an ethno-national group, or a transnational corporation on the one hand, and a village, a classroom, or the regulars of a bar on the other. Finally, researchers in interpretive interculturality, often of non-Western origin (Japanese, Chinese, Indians), insist on the dangers of ethnocentric bias and question such established “Western” concepts as modernity, progress, or self-determination. The emergence of the intercultural paradigm in communication studies has definitely given a new twist to the field and opened it to a bewildering array of new possibilities.

Bibliography

1. Bauman, Zygmunt. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity, 2000.
2. *Identity*. Cambridge: Polity Press, 2004.
3. *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity, 2006.
4. Chemillier-Gendreau, Monique. *De la Guerre à la communauté universelle*. Paris: Fayard, 2013.
5. Dervin, Fred. *Impostures interculturelles*. Paris: L’Harmattan, 2011.
6. Hall, Edward T. *The Silent Language*. New York: Anchor, 1959.
7. *The Hidden Dimension*. New York: Anchor, 1966.
8. *Beyond Culture*. New York: Anchor, 1976.
9. Hofstede, Geert. *Culture’s Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. London: Sage, 2003.
10. Hofstede, Geert. *Cultures and Organizations: Software of the Mind. Intercultural Cooperation and its Importance for Survival*. New York: McGraw-Hill, 1997.
11. Holliday, Adrian, et al. ed. *Intercultural Communication. An Advanced Resource Book*. London: Routledge, 2010.
12. Huntington, Samuel. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York: Simon and Schuster, 1996.
13. Kramsch, Claire. *Context and Culture in Language Teaching*. Oxford: Oxford University Press, 1993.

14. Laplantine, François. *Je, nous et les autres*. Paris: Le Pommier, 1999.
15. McSweeney, Brendan. "Hofstede's Model Of National Cultural Differences And Their Consequences: A Triumph Of Faith - A Failure Of Analysis". *Human Relations*. 2002, 55(1), 89-118.
16. Nakayama, Thomas K. & Rona Tamiko Halualani, eds. *The Handbook of Critical Intercultural Communication*. New York: Wiley-Blackwell, 2010.
17. Simmel, Georg. "The Stranger," [1908], in *Georg Simmel: On Individuality and Social Forms*. Chicago: University of Chicago Press, 1971, 143–50.
18. Sumner, William Graham. *Folkways, A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores, and Morals* [1906]. New York: Cosimo Classics, 2007.
19. Trompenaars, Fons & Peter Woolliams. *Business Across Cultures*. Chichester : Capstone, 2004

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАЦИОНАЛЬНОГО

© *Клод Шастанье*

доктор философии, профессор американской народной культуры и межкультурного общения,

Университет Поля-Валери Монпелье 3;

вице-президент Университета;

руководитель магистерской программы по иностранным прикладным языкам;

факультет английского и американских исследований, Франция

E-mail: claudeschastagner@univ-montp3.fr

Аннотация: Концепция межкультурности трактовалась по-разному с момента ее возникновения, но в последнее время она придала новый импульс развитию теории коммуникации, вместе с преуменьшением роли национальных или индивидуальных идентичностей и, наоборот, выдвиганием новых концепций межличностных коммуникационных процессов, основанных на их изменчивости и сложности. Избегая упрощений и обобщений, эта новая парадигма возможно окажет позитивное последствие на жизнь многих социальных подгрупп и меньшинств.

Ключевые слова: коммуникация; межкультурность; идентичность; культура; язык; нация; государство; общность; этничность; междисциплинарность.

УДК 802.0(075.3)

О НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

© *Базылев Владимир Николаевич*

доктор филологических наук, профессор,

НИУ Высшая школа экономики, Школа иностранных языков

Москва, Российская Федерация

E-mail: v-bazylev@inbox.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются подходы к обучению восприятию иноязычной речи на слух в языковом вузе, т. е. обучению аудированию как виду речевой деятельности. На основе анализа имеющегося опыта, теоретического и практического плана, предлагается интеграция описанных подходов, определяются основополагающие принципы и описываются стратегические основы обучения аудиро-

ванию, позволяющие эффективно организовать учебный процесс по овладению данным видом речевой деятельности в языковом вузе. Подход учитывает когнитивные особенности студентов поколения миллениалов.

Ключевые слова: принципы и стратегии обучения, восприятие иноязычной речи на слух, компетенции, вторичная языковая личность, языковой вуз.

Несмотря на то, что за последние десятилетия было написано достаточно большое количество работ по этой проблеме, их анализ тем не менее показывает, что целый ряд принципиально важных проблем обучения аудированию применительно к языковому вузу продолжает оставаться нерешенным.

Выборочный аналитический обзор свидетельствует о том, недостаточная теоретическая разработанность ряда кардинальных вопросов методики обучения аудированию имеет своим следствием то, что подавляющее большинство студентов языкового вуза даже к выпускному курсу не овладевают на должном уровне умением понимать естественную речь разнообразных носителей языка в незамедленном темпе, не говоря уже об ускоренном темпе. У большинства выпускников языкового вуза не сформирована способность понимать речь, отмеченную индивидуальными особенностями говорения и неполным стилем произношения. По мнению Т. Ю. Осадчей, именно данная способность определяет в наибольшей степени конечные цели обучения аудированию в языковом вузе, поскольку умение понимать на слух живую речь носителей в значительной мере определяет качество подготовки специалиста [Осадчая, 2017, с. 206–207].

Несмотря на выявленные и описанные в теоретических исследованиях, напр., в работах Е. С. Каптурова и И. А. Бредихиной [Каптурова 2012; Бредихина, 2018], а также в наших собственных исследованиях [Базылев, 2020, с. 780 сл.] отдельные психологические и психолингвистические закономерности процесса слушания, а также анализ отдельных трудностей лингвистического характера, обучение пониманию устной речи в языковом вузе не носит целенаправленного характера и по существу представляет собой неуправляемый процесс. Методические подходы разрабатываются в целом без учета профилей подготовки при изучении иностранного языка как специальности. Насколько нам известно, цели обучения аудированию применительно к подготовке переводчиков в литературе вообще не анализировались.

В реальности конечная цель обучения аудированию в языковом вузе может быть сформулирована в самом общем виде как формирование способности понимать живую непрепарированную речь носителей языка в незамедленном темпе. Эта общая цель должна быть конкретизирована и в отношении таких традиционных показателей, как темп аудируемой речи и длительность звучания аудиотекста, не говоря уже о проблеме сфер общения, понимания территориальных вариантов речи и функционально-стилистических ее разновидностей.

Следует особо отметить неразработанность целого ряда проблем, касающихся важнейшей задачи языкового вуза в области обучения аудированию — обучения пониманию аутентичной речи носителей языка в широком диапазоне ее индивидуальных темповых и стилистических характеристик. Данное критическое замечание следует отнести в первую очередь к системе упражнений, которые помогли бы сделать процесс решения этой методической задачи достаточно эффективным. Кроме того, пока все еще остается неясным, как должен быть построен курс обучения аудированию в течение всего четырехгодичного срока

обучения в бакалавриате: динамика методических задач по годам обучения, доминирующие приемы обучения и т. д. Нуждаются в дополнительном рассмотрении с учетом специфики языкового вуза и вопросы контроля сформированности умений аудирования [Базылев, 2019, с. 14–15].

Как справедливо отмечается в методической литературе, самая трудная задача в области обучения аудированию — «научить понимать речь, характеризующуюся разными градациями неполного типа произнесения и различными индивидуальными особенностями говорения» [Дудушкина, 2015, с. 128–130]. Решение данной задачи приобретает особую значимость при подготовке переводчиков, профессиональная деятельность которых неминуемо будет осуществляться в самом широком слуховом диапазоне акустических разновидностей речи. Для достижения этой методической цели необходимо научить слушающего распознавать варианты фонем, соотнося их с той нормой, которую студенты усвоили при овладении произношением — эталонным вариантом звучания.

В контексте вышеназванной цели одной из задач обучения аудированию является также задача отбора объектов обучения, что в методическом смысле предполагает необходимость правильно ограничить ту область градаций неполного типа произнесения и индивидуальных особенностей говорения, распознаванию которой мы будем учить, и рационально отобрать тех конкретных представителей этой области, которые будут непосредственными объектами работы в рамках обучения аудированию. К этой проблеме, по-видимому, имеет непосредственное отношение вопрос о сферах общения, наиболее актуальных для аудитивной деятельности выпускников языковых вузов — преподавателей и, в особенности, переводчиков, а также вопрос определения перечня профессионально значимых умений применительно к той или иной сфере общения и ориентированных на потребности будущей профессии.

К сожалению, сегодня среди социолингвистов пока отсутствует единое мнение в отношении того, что считать сферой общения и соответственно какие сферы общения релевантны для речевого коллектива. В предельных случаях эти сферы оказываются коррелятивны, с одной стороны, с общественными функциями языка, а с другой — с коммуникативными ситуациями. Тем не менее не возникает сомнения, что и сферы, и ситуации, и роли поддаются типизации и исчислению. Это имеет особое значение для методики, ибо в целях рационализации обучения (в нашем случае — аудированию) представляется необходимым определить сферы общения, важные для будущей профессиональной деятельности обучаемых и должны стать предметом специального рассмотрения при конкретизации целей обучения.

Методически важным является также то, что чем больше классов текстов сможет воспринять на слух обучаемый, тем шире будет диапазон его речевой деятельности, тем, следовательно, к большему количеству разновидностей речевых актов он сможет подключиться как участник коммуникации. В дидактическом смысле особое значение приобретает понимание и усвоение правил социально-типического использования языка в коммуникативных целях. Наиболее плодотворным в целях обучения представляется коммуникативно-прагматический подход к классификации текстов, распределенных по социальным сферам общения. Именно с позиций коммуникативно-прагматического подхода возможна методическая каталогизация классов текстов, имеющих профессиональную значи-

мость в контексте целей обучения аудированию. Следует упомянуть, что, оперируя понятием текст, мы имеем в виду аудиотекст (или устно произнесенный текст). Тем более, что лингвистическая категория текста предполагает разные формы его функционирования — как устную, так и письменную.

С точки зрения содержания обучения аудированию, помимо категорий языкового материала, реализующегося в той или иной сфере общения, необходим также анализ речевых произведений различных носителей языка, манера и способ речи которых, являясь социально релевантными для целей обучения, характеризуются теми или иными типичными в лингвистическом отношении особенностями.

Наряду с упомянутыми выше трудностями лингвометодического характера, встающими на пути обоснования теоретических установок обучения аудированию, дополнительных усилий потребует преодоление еще одной, о которой необходимо сказать отдельно. Речь идет об учебно-методическом обеспечении культуры слушания. Для решения этой задачи — построения четырехлетнего курса обучения аудированию со всеми целевыми и содержательными установками — потребуются дополнительные специальные усилия для создания соответствующей фоно- и видеотеки (медиаотеки), где было бы представлено необходимое количество соответствующих аудиотекстов и видеоматериалов, без которых цели обучения аудированию окажутся попросту недостижимыми.

В заключение следует сказать, что кратко изложенные в данном материале теоретические подходы к проблемам обучения аудированию во всей их совокупности и последовательности делают, на наш взгляд, возможным логичное обоснование общего построения курса обучения аудированию в языковом вузе.

Представляется целесообразным построение такой системы обучения аудированию, содержание которого включает выделенные на основе коммуникативно-прагматического подхода профессионально релевантные классы текстов (например, класс текстов разговорно-обиходной речи, класс текстов устной публичной речи, класс научных текстов и т. д.), восходящих к социальным сферам общения. Выделение же соответствующих специфических явлений устной речи на всех уровнях языковой системы определит систему умений, ориентированных на потребности будущей профессии, указанные в конкретизированной цели обучения.

Литература

1. Базылев В.Н. Обучение иностранному языку «цифрового» поколения студентов// *New Language, New World, New Thinking*: Сб. научн. тр. Вып. 3. М.: Дипакадемия МИД РФ, 2020. С. 780-788.
2. Базылев В.Н. Эпративы в устных видах речевой деятельности (актуальные теоретические и практические аспекты корректировки компетентностных ошибок)// *New Language, New World, New Thinking*: Сб. научн. тр. Вып. 2. М.: Дипакадемия МИД РФ, 2019. С. 13-18.
3. Бредихина И.А. Методика преподавания иностранных языков: Обучение основным видам речевой деятельности. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2018. 104 с.
4. Дудушкина С.В. Методика обучения аудированию на основе принципа автономной деятельности студентов. М.: Изд-во МГУ, 2015. 196 с.
5. Каптурова Е.С. Принципы обучения аудированию иноязычной речи в языковом вузе// *Ученые записки Орловского ГУ*. 2012. № 1. С. 260-264.

6. Осадчая Т.Ю. Современные подходы к обучению аудированию на занятиях по иностранному языку в вузе// Вестник Кемеровского государственного университета. 2017 № 2. С. 206–210.

UNSOLVED PROBLEMS OF TEACHING LISTENING AT A LANGUAGE UNIVERSITY

Vladimir N. Bazylev
Dr. Sci. (Philol.), Prof.,
Higher School of Economics, National Research University
Moscow, Russia
E-mail: v-bazylev@inbox.ru

Abstract. The paper addresses the issue of specifying the underlying principles of listening comprehension teaching at the tertiary level. Different approaches to listening comprehension instruction are examined. Integration of the approaches is looked upon as a necessary precondition for defining a set of fundamental teaching principles. Thus, an effective strategy of listening comprehension instruction conforming to the discussed approaches and following the highlighted principles is suggested.

Keywords: teaching principles, strategies, foreign language listening comprehension, competences, teaching at the tertiary level.

УДК 378.147

EXPLORATION OF GOAL-DRIVEN APPROACH IN THE TEACHING PROCESS OF SECOND LANGUAGE ACQUISITION

© *Liu Yan*
School of Foreign Languages,
Changchun University of Science and Technology
Changchun, China

Abstract. Goal-driven Approach is one of the many approaches of language teaching and learning, which achieves teaching objectives by centering on teaching goal to choose textbooks and design teaching steps in different task groups.

首先我们来看一看什么是目标驱动教学法。目标驱动教学法是众多语言教学方法中的一种，就是以教学目标为中心来进行所有的教学环节，从教材的选择到教学环节的设计，到考试考察的完成，都是紧密围绕一个目标来进行的。

于是，确定教学目标就成为了这种教学方法的第一步。那么，如何确定目标，确定教学目标的依据是什么呢？

教学目标确定可以根据以下几个方面：

1，可以根据学生状况确定。比如根据学生的年龄，学习背景，理解能力，以及不同的母语环境来确定学习目标。比如：不同年龄段的学生有不同的特点，

记忆力，理解能力，课堂集中注意力时间等都不同，所以需要制定不同的学习目标。再比如，学习汉语时间长短不同，那么学习的目标也会不同，教师需要根据学生已经通过学习达到的水平来制定目标。

2，可以根据课型来确定学习目标。不同的课型学习的目标肯定是不一样的。比如，综合课的学习目标就会比较复杂，会涉及到听说读写等各个方面的学习。而听力课，语音课，语法课，写作课，口语课等课型就比较单一，学习目标的确定就也比较单一。

3，教师还可以根据时间来制定目标，可以指定以一段时间为单位的整体目标，比如一周，一个月或者一学期的学习目标。也可以制定更加具体的目标，比如一节课的目标。

好，现在我们已经完成了教学目标的确立工作，接下来教师将在以下几个方面围绕已经确定的教学目标展开教学工作：

- 1， 教程使用，
- 2， 教学环节
- 3， 教学重点
- 4， 教学难点
- 5， 考查方式及考查重点

下面来具体说一下，首先，教程，也就是教材的选择和使用方面。对于儿童和初学者，选择教材的原则是由浅入深，循序渐进。教材的特点应该是简单的入门级别，注重趣味性。这样可以帮助儿童及初学者克服畏难情绪，充分调动他们学习语言的主观能动性，保有兴趣，有利于他们进入下一步的学习。而对于已经有过学习经验的学习者，比如大学生或者成年人，乐意选择趣味性和知识性兼顾的教材并适当增加读写内容。对于已经学习第二语言两年以上的大学生和成年人，可以在了解其之前所学内容的基础上选择比学生实际水平略高的教材，同时增加读写难度，并随着学生理解能力的增强加入篇章和总结性教学的内容。

教材选定之后，进入教学环节的设置。

儿童及初学者：复习环节占课堂教学的大部分，每节课的新内容由复习环节带入。目标带入式教法就是利用学生对新接触的語言的好奇心和新鲜感，尽量生动有趣的组织课堂，并积极鼓励学生，通过有趣（保有学生兴趣），简单（克服畏难情绪），鼓励（能记住，有感觉）等方法达到既定的教学目标。进而最大程度达到激发学生学习兴趣和学习意愿的大目标。

有过一年及以上学习经历的大学生和成年人，在教学环节应该尽量做到课堂活跃，内容丰富，信息量足够大。可以使用各种方法，比如齐读，单读，穿梭读，对话读，等等活动来不断重复所学内容，活跃课堂气氛，并通过活动使学生明确学习内容，最大限度的利用课堂时间达到教学目标。在教学内容上，应该尽量丰富，信息量和难度都要循序渐进的不断加强。在练习课可以采用启发式教学，既可以充分利用时间也可以使课堂不单调。

关于教学环节呢，就简单的和大家分享这些，其实在具体的教学中，老师们一定都有很多方法来实现教学目标。

下面来谈一谈教学重点难点这部分。

教学重点和难点的确定主要还是应该根据课型来确定。不同的课型，教学的目标就不同，重点难点的确定也就不同。

例如：语音课，汉语的话，就是主要练习四个音调。通过反复的，一对一的练习，达到教学目标。

口语课：如何让学生说出正确的句子并用这些句子实现表达一个主题的教学目标。不断鼓励学生说，在说的过程中教师发现问题，纠正错误。

写作课：写作使语言表达的最高级形式，在这个阶段，教学目标是学习各种文体的写作方法。通过大量的篇章阅读和写作练习，教师不断的批改，纠错，学生不断进步。

最后是关于考查，和教学重点难点一样，考查和考试部分也是根据课型的不同来制定考查的目标，检验学生的学习效果。

综合上面的内容，我们可以看出，在整个教学活动中，所有的关于教学的一切都是为目标服务的，从教材的选择到教学环节的制定，到强调教学重点，到考察学习效果，都是围绕着教师在教学活动开始之前制定的教学目标的，目标是教学最后要完成的任务。

而教学目标最重点的部分其实是学生。所有语言教学的中级目标应该是：使学生通过不断地学习取得不断的收获，最终使学生在听说读写译各个方面有进步。

所以，教学的终极目标是学生的收获。所有的教学活动都应该围绕这个终极目标展开。

这是我今天要讲的所有内容，很粗浅，希望得到大家的指教。谢谢大家的宝贵时间。

ЦЕЛЕВОЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В КНР

© Лю Янь

Чаньчуньский политехнический университет, доцент,
Институт иностранных языков
Чаньчунь, КНР

Аннотация. Целевой подход в обучении широко используется в преподавании китайского языка иностранным студентам. В данной статье рассматривается, что представляет собой целевой подход, особенности его использования в разных целевых группах.

Ключевые слова: китайский язык; иностранные студенты; целевой подход.

УДК 316.72

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЖУРНАЛИСТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ МЕДИАСРЕДЫ

© Хамарханова Екатерина Владимировна

старший преподаватель,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: hamar68@mail.ru

© Меньжурова Аюна Бадмаевна

кандидат философских наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: menab@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию межкультурной компетентности журналиста в условиях все возрастающей цифровизации социальной жизни. Одним из последствий цифровизации медиареальности является изменение роли аудитории из потребителя информации в ее производителя. Средства массовой информации, журналисты вынуждены конкурировать с непрофессиональными создателями медиаконтента в коммуникативном пространстве Интернета. Межкультурная компетентность в этих обстоятельствах является не только условием объективности и профессионализма, но и конкурентным преимуществом профессиональной журналистики. В статье рассматривается опыт формирования межкультурной компетентности будущего журналиста в процессе его профессиональной подготовки в вузе в организационном и содержательном аспектах.

Ключевые слова: межкультурная компетентность; цифровые медиа; цифровизация медиасреды

Понятие «межкультурная компетентность» возникло в зарубежной науке еще в начале 1970-х гг. [Андрюхина, 2016, с. 321]. Попытка внедрить идеологию ассимиляционизма, а затем мультикультурализма в государственную политику западных стран в их стремлении преодолеть этноцентризм обернулась пониманием отсутствия или недостаточности компетентности в решении этой достаточно сложной задачи [Кузьмин, 2006]. Актуальность сохранения этнокультурного

многообразия в условиях глобализации способствовала выделению межкультурной компетентности в особый вид социокультурной компетентности и, как следствие, в отдельный объект научных изысканий.

В разных областях отечественной и зарубежной науки, объектом изучения которых является межкультурная компетентность, это понятие интерпретируется по-разному, что вызвано этимологической близостью родовых терминов «компетенция» и «компетентность» [Садохин, 2007, с. 127].

Под компетенцией обычно понимается совокупность знаний, навыков и умений, дающих индивиду право и возможность осуществления определенной деятельности. Компетентность — интегральное качество индивида, выражающееся в его способности эффективно реализовывать имеющиеся у него компетенции для достижения индивидуальных и общих целей. Таким образом, компетенция рассматривается авторами как инструмент достижения компетентности. Промежуточным, на наш взгляд, может стать понятие компетентностного набора (или набор компетенций), который предполагает наличие у индивида нескольких компетенций: чем больше компетенций, привлеченных при этом из разных областей знаний и сфер деятельности, тем выше уровень компетентности.

Межкультурная компетентность, как и любой другой вид компетентности, формируется в результате образования, самообразования и социального опыта и реализуется индивидом в процессе его взаимодействия с представителями других культур или межкультурной коммуникации. Межкультурная компетентность, таким образом, становится необходимым условием и принципом эффективной межкультурной коммуникации. Вместе с тем, сформированная межкультурная компетентность как одно из базовых свойств личности [Карнышев, 2009, с. 100] определяет его поведение и в отсутствие контакта с представителями иной культуры. Примером может стать педагог, который в однородной культурной среде своих учеников транслирует знания о других культурах на основе уважения и толерантности.

В отечественной литературе достаточно работ, описывающих разнообразные модели межкультурной компетентности [например: Большакова, 2011]. По большому счету все они могут быть сведены к обязательному присутствию в структуре межкультурной компетентности когнитивного (знания, умения, навыки), ценностно-ориентационного (отношение к своей и иной культурам), поведенческого (мотивационного) компонентов. Все эти компоненты формируются в результате целенаправленной деятельности социальных институтов (прежде всего, образовательных организаций), а также в процессе самостоятельного познания индивидом окружающего мира, его индивидуального и группового опыта. Влияние средств массовой информации в этой связи трудно переоценить. Журналист здесь выступает не только носителем межкультурной компетентности, но и субъектом ее формирования, поэтому задача воспитания компетентного специалиста в сфере межкультурной коммуникации представляется особенно важной в профессиональной подготовке журналистов. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки «Журналистика» (ФГОС ВО 3++) устанавливает в качестве универсальной компетенции (УК-5) способность журналиста воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах. Восприятие межкультурного разнообразия в социально-историческом

контексте означает понимание особенностей его проявления на каждом из исторических этапов развития общества, в том числе на современном. В настоящем моменте культурное разнообразие дополняется многообразием способов его презентации, что обусловлено интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий и набирающей обороты цифровизацией сфер общественной жизни — экономики, образования, государственного управления и т. п. Медиаотрасль в этом отношении прежде других вобрала в себя эти тенденции: медиасреда все более приобретает цифровой характер, который проявляется в:

- 1) существовании контента в цифровой форме;
- 2) необычайной емкости содержания и его мультимедийности;
- 3) децентрализации источников информации и большей свободе потребителей информации выбирать и изменять цифровой контент [Варганова, 2016, с. 290].

Важнейшим результатом цифровизации медиасреды является изменение роли аудитории: из пассивного потребителя информации она превратилась в создателя медиаконтента, конкурируя с профессиональными журналистами в новом коммуникативном пространстве социальных медиа. Этническую информацию производят и транслируют на разнообразных цифровых площадках (сайтах, социальных сетях) представители этнических сообществ, национально-культурных автономий, общественных организаций, отдельные персоны. Воздействие так называемого пользовательского контента нередко оказывается более сильным в сравнении с профессиональными журналистскими текстами. Объясняется это тем, что непрофессиональные создатели медиаконтента обладают большими знаниями в области этнической истории, традиций и т. д., поскольку зачастую сами являются носителями этнической идентичности. Мотивом их деятельности становится озабоченность проблемами развития и сохранения своей культуры, что не может не находить отклика их аудитории. Нередко при этом они остаются на позициях этноцентризма, что позволяет говорить о недостаточно высоком уровне межкультурной компетентности производителей пользовательского контента. На наш взгляд, именно в этом аспекте (межкультурной компетентности) профессиональная журналистика может успешно конкурировать с просьюмерами, транслируя ценности и культурного, и межкультурного разнообразия на принципах толерантности, эмпатии, взаимного уважения и т. д. Этому способствует объективность журналистской профессии, предписанная нормами морали и права социальная ответственность журналиста и, что немаловажно, соответствующая профессиональная подготовка.

Формирование межкультурной компетентности будущего журналиста в процессе его профессиональной подготовки в вузе осуществляется в двух направлениях — организационном и содержательном. Организационный аспект предполагает организацию образовательного процесса: разработку основной образовательной программы, включение в ее структуру дисциплин, способствующих достижению межкультурной компетентности, а также обеспечение взаимодействия с другими агентами формирования межкультурных компетенций — специализированными СМИ, общественными организациями, регуляторами в сфере национальной и культурной политики и т. д. Содержательный аспект предполагает наполнение компонентов межкультурной компетентности: когнитивного, цен-

ностно-ориентационного и поведенческого (мотивационного). Большое значение здесь имеет разработка индикаторов достижения межкультурных компетенций, а также выбор форм и методов обучения.

Кафедра «Медиакоммуникации» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (ВСГУТУ) осуществляет подготовку бакалавров по направлению «Журналистика» с 2011 г. Направленность основной образовательной программы — «Мультимедийная журналистика», что отражает все возрастающую тенденцию цифровизации медиасреды.

Решая задачи организации эффективного образовательного процесса, в том числе формирования межкультурной компетентности, кафедра привлекла в качестве партнера региональное отделение Гильдии межэтнической журналистики в г. Улан-Удэ (открылось в 2015 г., руководитель — Б. Д. Раднаева (тележурналист, продюсер, автор телепрограмм и телепроектов «Радость встречи», «Бамбахай», «Толи»)).

Межрегиональная общественная организация «Гильдия межэтнической журналистики» возникла в 2003 г. Усилия организации направлены на интеграцию журналистского сообщества в освещении событий межнациональной жизни России. Для этого Гильдией в 2008 г. инициирован Всероссийский конкурс средств массовой информации на лучшее освещение вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений «СМИротворец», который проводится Федеральным агентством по делам национальностей в рамках Государственной программы «Реализация государственной национальной политики». С 2017 г. проводятся ежегодные Медиафорумы этнических и региональных СМИ России. Большое значение отводится образовательным проектам. Так, в 2010 г. начинает действовать Школа межэтнической журналистики, сначала как ресурс повышения квалификации действующих журналистов, со временем — обучения школьников старших классов и студентов. За время существования школы обучение в ней прошли 1500 российских журналистов. В 2012 г. в сети Интернет зарегистрирован познавательный-аналитический портал о межэтнических отношениях в России «Национальный акцент» — nazaccent.ru. Ранее (с 2006 г.) «Национальный акцент» выходил как еженедельное приложение к газете «Аргументы недели». В 2020 г. на сайте «Национального акцента» открыта онлайн-школа межэтнической журналистики, занятия в которой одновременно посещают слушатели из 27-ми регионов России — от Хабаровска до Пскова. Среди нововведений 2020 г. — еще один образовательный проект Гильдии «Школа медиакоммуникации для этнокультурных НКО», целевой аудиторией которого стали уже не журналисты, а пресс-секретари национально-культурных организаций регионов России.

Школа межэтнической журналистики в г. Улан-Удэ была одной из первых в России, кто начал работать именно со студенческой аудиторией. В 2017 г. партнёром Школы межэтнической журналистики стала кафедра «Медиакоммуникации» ВСГУТУ. Ежегодно для студентов 3 курса направления «Журналистика», первоначально в рамках дисциплины «Межкультурная коммуникация», а с 2018 г. — «Межэтническая журналистика» — реализуется учебная программа Школы межэтнической журналистики. Изучаются особенности освещения межэтнических тем в СМИ, в том числе этнических конфликтов, этический кодекс

этно-журналиста, этно-культурное многообразие регионов Российской Федерации, ее национальная политика и т. д.

Содержательный аспект формирования межкультурной компетентности реализуется в процессе освоения учебных дисциплин, учебной, производственной и преддипломной практик, в подготовке выпускных квалификационных работ, предметной областью которых становятся способы репрезентации этничности и межкультурного взаимодействия в средствах массовой информации. Среди задач — подготовка специалиста, отвечающего требованиям цифровой медиареальности и одновременно обладающего высоким уровнем межкультурной компетентности. Одним из инструментов достижения результата является проектный подход в обучении будущих журналистов. Так, к примеру, студентами-журналистами кафедры реализован медиапроект «Многолика Бурятия» на специально созданной цифровой площадке — сайте студенческой газеты «ВСГУТУ онлайн». Последовательно решаются задачи поиска информации (анализ литературы, данных статистики, этнического контента региональных СМИ), полевой работы (отбор и интервьюирование представителей этнических групп региона), структурной компоновки материала в тематических разделах: общие сведения, культура, традиции, религия, традиционная кухня этнической группы и т. д. Публикуется собранный материал в формате лонгрида — мультимедийной статьи, где текст сочетается с элементами инфографики, фото- и видеофрагментами.

Таким образом, межкультурная компетентность представляет собой интегральное профессиональное качество журналиста, где межкультурные компетенции являются базовыми, но далеко не достаточными. Исторические, этнографические знания, психологические навыки общения, высокий уровень правовой культуры, владение современными информационно-коммуникационными технологиями вкуче образуют межкультурную компетентность высокого уровня, позволяя журналисту, с одной стороны, конкурировать на информационном рынке, с другой, соответствовать принципам социальной ответственности и объективности.

Литература

1. Андрияшина Л. М., Фадеева Н. Ю. Креативные практики формирования межкультурной коммуникативной компетентности // Интеграция образования. 2016. Т. 20. С. 320–330.
2. Кузьмин А. В. Миграция: проблемы межкультурной коммуникации. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. 214 с.
3. Садохин А. П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 1. С. 125–138.
4. Карнышев А. Д. Личность и межкультурная компетентность // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С. 99–106.
5. Большакова О. Б., Терехова Т. А. Зарубежные концептуальные модели межкультурной компетентности (часть 1) // Психология в экономике и управлении. 2011. № 2. С. 84–96.
6. Вартанова Е. Л. Антропология медиа: индустриальный и философский поворот к человеку. Интерес к человеку как тенденция развития науки // Антропология медиа: теория и практика. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 276–300.

FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETENCE
OF A JOURNALIST IN THE DIGITAL MEDIA ENVIRONMENT

Ekaterina V. Khamarkhanova

Senior Lecturer,
East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: hamar68@mail.ru

Ayuna B. Menzhurova

Cand. Sc. (Philosophy), A/Prof.,
East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: menab@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of intercultural competence of a journalist in the context of the ever-increasing digitalization of social life. One of the consequences of the digitalization of media reality is the change in the role of the audience from a consumer of information to its producer. Mass media, journalists are forced to compete with non-professional creators of media content in the communicative space of the Internet. Intercultural competence in these circumstances is not only a condition for objectivity and professionalism, but also a competitive advantage of professional journalism. The article examines the experience of the formation of intercultural competence of a future journalist in the process of his professional training at a university in the organizational and substantive aspects.

Keywords: intercultural competence; digital media; digitalization of the media environment

УДК 372.881.161.1

**О НЕКОТОРЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УЧАЩИХСЯ
ИЗ КНР, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК**

© *Лазарева Анна Александровна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: lazanna.bsu@mail.ru

Аннотация. Проблемы, возникающие вследствие межкультурной коммуникации, в настоящее время волнуют многих русистов. В данной статье говорится о необходимости учитывать разницу в менталитете представителей разных стран, изучающих русский язык. В частности, это относится к китайским учащимся. Разноструктурные языки влияют на способы восприятия информации. Таким образом, представляется возможным говорить о так называемом «синтетическом мышлении» китайцев. Поэтому психологические особенности и особенности мышления китайских студентов создает некоторые трудности в овладении ими русского языка. Также следует помнить о социокультурных привычках китайцев, которые часто расходятся с общепринятыми российскими. Следовательно, ценность этноориентированных методик преподавания русского языка как иностранного, несомненно, очень велика, а посо-

бия, составленные с учетом этноориентированных методик признаются весьма актуальными.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; методика преподавания иностранных языков; этноориентированная методика; особенности восприятия информации; разноструктурные языки; флективный язык; язык-корнеслов; различные способы восприятия информации; культурные особенности; методическое пособие.

В высших образовательных учреждениях Республики Бурятия, обучающих русскому языку как иностранному, китайская учебная аудитория является самой многочисленной. Это связано, прежде всего, с близостью территории приграничной зоны России и Китая. Также имеет место суждение, что принадлежность к азиатскому региону, удаленность от политизированной западной части России, служит некоторым гарантом сохранения дружественных отношений между разными народами, терпимости и толерантности. В целом хорошая, в сравнении с крупными городами КНР, экологическая обстановка, близость уникального природного водоема — оз. Байкал — также можно считать одной из причин, по которым китайские студенты охотно приезжают учиться в г. Улан-Удэ.

Перед преподавателями РКИ стоит непростая цель — формирование и воспитание вторичной языковой личности (в идеале). Под вторичной языковой личностью учёные понимают способность обучаемого общаться на межкультурном уровне, которая приобретается путем овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, иначе говоря. Студент должен овладеть пониманием языковой картины мира носителей изучаемого языка. Такой процесс называют формированием вторичного языкового сознания [Гальскова, 2004, с. 24]. Между тем, в процессе организации обучения неизбежно возникают проблемы, вызываемые психологическими, культурологическими особенностями языков и этносов.

Прежде всего, следует брать во внимание **разноструктурность русского и китайского языков**. Огромное различие между ними — это особая проблема при изучении русского языка китайскими студентами.

Известно, что у носителей русского языка доминирует левое полушарие, которое связано с аналитикой и отвечает за поступательно-логический процесс познания. Иначе говоря, носители русского языка опираются на логико-знаковое, семантическое мышление. В то же время, у китайцев, как у народа, имеющего иероглифическую письменность, доминирует правое полушарие головного мозга, которое отвечает за образность мышления, видение картины в целом. И, действительно, для китайцев характерно так называемое синтетическое мышление, позволяющее им одновременно улавливать несколько свойств объекта в их взаимосвязи друг с другом, что дает возможность целостного восприятия явления [Байрамова, 2010, с. 70].

В. В. Иванов в своем монографическом исследовании экспериментально доказывает, что именно для правого полушария характерно объединение разнородных явлений в один целостный комплекс, т. е. объекты, качества, формы и т. д. группируются в определенные коррелятивные ряды. В противоположность этому, при рациональном мышлении левополушарной культуры образы формируются в виде противоположностей [Иванов, 1978].

Разумеется, что различия в способе восприятия информации сказываются в процессе обучения русскому языку китайских слушателей.

Логично, что следующая проблема связана с необходимостью **формирования соответствующего языкового сознания**. Это представляет для китайских учащихся значительные трудности, особенно в начале обучения русскому языку. Ориентируясь на родное языковое сознание, китайские студенты подвергают интерференции все свои высказывания на русском языке. Это естественный процесс для любого человека, изучающего иностранный язык — использовать привычный образ мышления. Чрезвычайно трудно изменить установки восприятия и мировидения, наработанные за всю жизнь, и перейти к совершенно иному способу мышления. В связи с этим, П. Я. Гальперин указывал на необходимость разделения в процессе обучения родного языкового сознания учащихся и приобретаемого языкового сознания изучаемого иностранного языка. [Гальперин, 1977, с. 99].

В настоящее время особо подчеркивается роль психологической составляющей в организации процесса обучения иностранному языку. Например, при использовании грамматико-ориентированных методик учебный процесс направлен в первую очередь на то, чтобы развить у студентов способности понимать и создавать речь. Методисты отмечают, что в последнее время в современном мире ценятся преподаватели, способные мыслить в контексте двух культур и доносить до студентов соответствующий комплекс знаний. Целью обучения языку с использованием грамматико-ориентированных методик является владение выпускником словарным запасом, грамматикой и орфографией на том уровне, который позволяет читать, понимать и создавать тексты на различные темы. Таким образом, в ходе постепенного и последовательного процесса, учащиеся осваивают грамматические установки и начинают понимать внутреннюю логику синтаксической системы языка. Некоторые исследователи отмечают, что при глубоком погружении в изучение иностранного языка изначально происходит трансформация сознания личности на различных уровнях: когнитивном, вербальном, психоэмоциональном и других, а далее постепенно формируется иноязычное сознание [Ремизова, 2010, с. 167].

Однако наибольший интерес, с точки зрения психологии, представляют собой исследования формирования иноязычного сознания в процессе усвоения иностранного языка. Речь идет о том, что мышление человека не меняется, даже в процессе изучения иностранного языка, так как законы мышления универсальны. А сознание может измениться. Следовательно, освоение новой информации, в том числе и о другом языке, — это познавательный процесс, в котором используются одни и те же универсальные механизмы, при этом на познание может влиять изменение сознания человека. Именно этот аспект проблемы, по мнению методистов, приобретает особую значимость в контексте овладения иностранным языком [Ремизова, 2010, с. 170].

В процессе обучения китайцев русскому языку очевидна такая проблема, как сильное расхождение обучающих методик, используемых в учебных заведениях России и Китая. Восточные традиции в обучении базируются на письменных аспектах коммуникации. Это связано как с большим количеством диалектов китайского языка, в которых слова имеют разное произношение, но имеют единое иероглифическое написание, так и с исторически сложившимся обычаем преемственности знаний. Неудивительно, что китайские студенты испытывают трудности в устном общении, в свободном выходе в речь. Особенно ярко это прояв-

ляется в работе со стажерами, приезжающими на языковую практику после одного-двух лет обучения языку в КНР, т. е. вне языковой среды. Привыкнув к письменной форме работы как основной, взяв за правило заучивание материала без изменений, они затрудняются в выполнении большого объема устных заданий, особенно если целью ставится свободное высказывание. При этом, для таких студентов не представляет трудности заучить наизусть объемные фрагменты текста, передать его содержание неизменным в устной или письменной форме.

Исследователи, занимающиеся вопросами этно- и психолингвистики, выделяют такие **культурные особенности** китайского социума, как инфантилизация и тотальная морализация. Они связывают эти качества с особенностями традиционной восточной культуры китайского этноса — через «инфантилизацию» взрослых достигалась абсолютная власть над ними вышестоящих. Как следствие этого, по мнению этих исследователей, у современных китайских студентов ярко выражены неумение и нежелание мыслить самостоятельно, проявлять инициативу, обнаруживать индивидуальность. В условиях обучения и проживания в чужой стране у них слабо выражено стремление к самовыражению, уход от дискуссии, активного обсуждения проблемы с выражением личного отношения к ней [Балыхина, Чжао, 2009, с. 19].

Разумеется, что в повседневной жизни учащихся, изучающих русский язык в России, возникает множество **социокультурных трудностей, вызываемых различными традициями и бытовым укладом** разных народов. На проблемы, возникающие вследствие межкультурной коммуникации, в настоящее время обращают внимание многие русисты. Созданы и создаются учебные и учебно-методические пособия, разрабатываются и уже ведутся на практике основные или дополнительные курсы русского языка, активно знакомящие студентов с реалиями российского общества и т. д.

Думается, что с учетом вышеназванных трудностей в комплексе нетрудно корректировать процесс обучения русскому языку студентов из КНР. Преподавателю следует постараться облегчить процесс обучения для данной категории как методически, так и психологически.

Литература

1. Байрамова С. И. Психологическое обоснование методики формирования фонетической компетенции русских студентов, изучающих китайский язык // Межкультурная коммуникация в пространстве АТР. Материалы международной научно-практической конференции, 23–26 июня 2010. Иркутск, 2010. С. 67–77.
2. Балыхина Т. М., Чжао Юйцзян. Какие они, китайцы? Этнометодические аспекты обучения китайцев русскому языку // Высшее образование сегодня. 2009. № 5. С. 16–22.
3. Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопр. психологии. 1977. № 4. С. 95–101.
4. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. Уч. пособие для студентов лингвистич. ун-тов и фак-тов ин. яз. высш. пед. уч. заведений. М., Академия, 2004. 336 с.
5. Жемчугов А. А. Китайская головоломка. — М., 2004. 297 с.
6. Иванов В. В. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. М., Изд-во «Советское радио», 1978. 184 с.
7. Капитонова Т. И., Московкин Л. В., Щукин А. Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / под ред. А. Н. Щукина. — 4-е изд., стереопит. М., Изд-во «Русский язык. Курсы», 2018. 312 с.

8. Ремизова С. В. Психологические особенности изучения иностранного языка и формирования иноязычного сознания // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 1(71). С. 165–174.

9. Чжао Юйцзян. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования (на примере китайских учащихся): автореф. на соиск. ученой степ. канд. пед. наук: 13.00.02 — теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный, уровень профессионального образования). М., 2008. 22 с.

10. Щелокова А. А. Методические приемы преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 10. — URL: <http://human.snauka.ru/2016/10/16879>. 7

SOME ETHNO-CULTURAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS FROM CHINA STUDYING RUSSIAN LANGUAGE

Anna A. Lazareva

Cand. Sci. (Philol.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: lazanna.bsu@mail.ru

Abstract. The problems that arise as a result of cross-cultural communication are currently of concern to many Russian specialists. This article discusses the need to take into account the difference in the mentality of representatives of different countries studying the Russian language. In particular, this applies to Chinese students. Multi-system languages affect the way information is perceived. Thus, it seems possible to talk about the so-called "synthetic thinking" of the Chinese. Therefore, the psychological characteristics and thinking patterns of Chinese students create some difficulties in mastering the Russian language. You should also keep in mind the sociocultural habits of the Chinese, which often diverge from the generally accepted Russian ones. Consequently, the value of ethnically oriented methods of teaching Russian as a foreign language is undoubtedly very high, and manuals compiled with ethnically oriented methods are recognized as very relevant.

Keywords: Russian as a foreign language; methods of teaching foreign languages; ethnically oriented methodology; features of information perception; multi-system languages; inflectional language; isolating language; various ways of information perception; cultural features; methodological guide.

УДК 378.016: 811 (075.8)

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ С ПОЗИЦИИ ВЫБОРА ТЕХНОЛОГИИ

© *Коренева Марина Радиевна*

кандидат педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: marina_cor@mail.ru

© *Нимаева Эржена Зоригтоевна*

аспирант,
кафедра перевода и межкультурной коммуникации,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru

Аннотация. Обучение иноязычной письменной речи в средней школе остается в центре пристального внимания исследователей и педагогов. Одним из ключевых моментов является проблема выбора технологии обучения. Изучение существующих подходов к обучению иноязычной письменной речи позволяет сориентировать учителей в технологиях обучения. Исследователи выделяют директивный, лингвистический и деятельностный подходы, обладающие своими характеристиками и набором методических приемов. Авторы приходят к выводу, что возможно использование каждого подхода или их сочетание на том или ином этапе обучения. Однако для реализации требований ФГОС целесообразно использовать системно-деятельностный подход, который предполагает не только использование иноязычной коммуникации как цели, способа и средства обучения, но и отсылает учителя к современным, более эффективным технологиям.

Ключевые слова: иноязычная письменная речь, подход к обучению, технология обучения, системно-деятельностный подход.

В последние годы наблюдается повышенное внимание педагогов к проблеме формирования письменной речи школьников. Это объясняется в первую очередь изменением и обновлением педагогической парадигмы. Данные изменения привели педагогов к пониманию того, что процесс обучения должен способствовать развитию личности обучающегося в том числе средствами иностранного языка, его готовности к реализации жизненных планов и самоопределению [Примерная основная образовательная программа среднего общего образования, 2016].

Современными исследователями выделяются три подхода к обучению письменной речи: директивный, лингвистический и деятельностный [Вторушина].

Директивный подход рассматривает письменную речь в качестве средства формирования достижений в других видах речевой деятельности. Целью обучения становится достижение языковой корректности, а содержание написанного отходит на второй план [Вторушина, 2010]. Типичными для этого подхода являются подстановочные и трансформационные упражнения на материале бытовой и повседневной тематики, соответствующей возрасту. Применение данного подхода может быть особенно эффективным на начальном этапе обучения иностранному языку, а также для закрепления знаний в совокупности с другими подходами. К формам проверки письменных работ относятся: подчеркивание преподавателем недочетов и самостоятельное исправление их учащимся; классификация ошибок (орфографические, грамматические) и их самостоятельная корректировка учеником; при небольшом объеме текста указание учителем количества ошибок и их нахождение, исправление учеником; ознакомление учащихся с ответами для самостоятельного исправления и повторения правил.

Отличительными признаками **лингвистического** подхода являются наиболее сильный контроль в обучении письменной речи и использование множества рецептивно-репродуктивных заданий [Вторушина, 2010]. Он направлен на то, чтобы учащийся научился писать тексты разных типов речи. В рамках лингвистического подхода ученики овладевают формами письменной речи, получая при этом навыки оперирования моделями, которые должны развиваться посредством использования учебно-методического комплекса и такого речевого материала, как специальные клише и правила. Учащийся после изучения особенностей текста-

образца пишет свой собственный, например, рассказ, электронное письмо и т. д. Для создания правильных письменных высказываний ученик должен владеть такими умениями, как логическое и последовательное изложение материала; правильное определение и раскрытие идеи материала; понимание направленности текста и ситуации общения.

С позиций **деятельностного** подхода деятельность учащегося рассматривается как творческий процесс. Цель обучения письму заключается в создании индивидуального текста. В рамках деятельностного подхода учитель, побуждая учеников к творческой работе и показывая им разные методы и стратегии, выполняет роль наставника. Творческое письмо помогает учащимся проявить свою индивидуальность, самостоятельность в выборе содержания, используя при этом новую лексику и грамматические правила [Вторушина, 2010].

Примеры творческих заданий на начальном этапе обучения: 1) написание истории о какой-либо вещи, например, игрушке; 2) описание самостоятельно выбранной фотографии от лица фигуры, изображенной на этой фотографии. Примеры творческих заданий на среднем этапе обучения: 4) работа с аудиоматериалом (песня) и описание человека и его действий, который может слушать эту песню; 5) работа с текстом без начала/концовки, дополнение этого текста. На среднем и/или старшем этапах возможно написание творческой работы эмоционально-оценочного характера с опорой, например, на музыку без слов, создание стихотворных текстов по образцу, например, каллиграмм.

Разнообразие форм работы способствует развитию письменной речевой компетенции учащегося. Мотивация к обучению формируется посредством использования личностно-ориентированных технологий (например, обучение в сотрудничестве, метод проектов и др.).

По нашему мнению, для обучения успешной письменной коммуникации и языкового оформления сообщения на начальном и частично среднем этапах обучения возможно применение совокупности перечисленных подходов. Их выбор будет определяться конкретными задачами обучения тому или иному типу текста. На среднем и старших этапах должен преобладать деятельностный и системно-деятельностный подходы (см. ниже).

Обучение проходит через создание коммуникативной ситуации и обозначение направленности текста (какой именно текст должен быть написан); содержательные образцы-подсказки (ответ на письмо, запрос информации и т. п.). При этом следует помнить о том, что, чем выше уровень владения языком, тем менее развернутыми должны быть опоры и тем более сложными задачи. В качестве критериев оценивания работ специалисты рассматривают содержательную сторону (стилистическое соответствие, выполнение коммуникативной задачи, соответствие написанного теме) и формальную сторону (отсутствие грамматических, пунктуационных и орфографических ошибок). Выделяются следующие критерии оценивания: а) соответствие текста теме; б) наличие подходящей коммуникативной установки и главной идеи; в) соответствие строения текста главной идее высказывания; г) аргументированность и логичность текста.

Наибольший интерес вызывает разработанный в трудах И. Л. Бим **системно-деятельностный** подход, который лег в основу Федерального государственного образовательного стандарта (далее — ФГОС). Согласно этому подходу, цели и содержание обучения определяются с точки зрения возможного попадания в си-

туаацию реального общения с носителями изучаемого языка и аутентичными источниками информации.

Для реализации требований ФГОС в рамках системно-деятельностного подхода при формировании и развитии умений письменной речи учащихся на иностранном языке, учитель должен владеть следующими современными педагогическими технологиями: технологией проблемного обучения, проектным обучением, технологией деятельностного метода обучения, технологией развивающего обучения, др. Кроме того, применение данного подхода в обучении иностранному языку предполагает использование таких технологий, как обучение в сотрудничестве, дискуссии, метод проектов, метод ситуационного анализа, портфель ученика, а также информационно-коммуникационные технологии [Ильина, 2016].

Наиболее интересной технологией сегодня представляется **обучение в сотрудничестве**, которое возможно организовать также при помощи современных информационно-коммуникационных технологий. Основные идеи теории обучения в сотрудничестве были предложены американскими педагогами Р. Славиным и Р. Джонсоном, а в России развитию этих идей способствовали исследования Е. С. Полат [Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность, 2010]. По словам автора, «главная идея обучения в сотрудничестве — учиться вместе, а не просто что-то выполнять вместе» [Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность, 2010, с. 241]. Таким образом, сутью данной педагогической технологии является создание условий для активной учебной деятельности учащихся в разных учебных ситуациях. Учащиеся работают в сформированных учителем группах, каждая из которых имеет свою цель, достижение которой возможно лишь при совместной работе участников группы. В процессе достижения поставленной цели, учащиеся осуществляют учебно-познавательную и творческую деятельность. При развитии умений иноязычной письменной речи технология «обучение в сотрудничестве» может быть использована при совместном написании вики-документа.

Дискуссия является базовым умением совместной работы над поставленной задачей. Участники дискуссии учатся слушать друг друга, вести диалог, аргументировать собственную точку зрения, развивают критическое мышление, восприимчивость и уважение к другой точке зрения, что очень важно не только для формирования коммуникативной компетенции, но и для личностного развития. Для того чтобы, организовать учебную дискуссию, нужно предложить проблемную ситуацию, при последующем обсуждении которой, ученики будут пытаться найти соответствующие их точке зрения аргументы. Это также групповая форма работы. Она побуждает участников «к поиску группового соглашения в виде общего мнения или решения» [Кларин, 2015, с. 140].

Проведение дискуссии в классе способствует развитию не только умений устной речи учащихся. Ее организация посредством информационно-коммуникационных технологий, например, с использованием блога учебной группы, способствует развитию умений письменной речи учащихся. Также некоторые исследователи предлагают следующие способы организации веб-обсуждения: синхронный (одновременное чате) и асинхронный (в форуме) [Кларин, 2015, с. 148–149]. У каждого приема и способа ведения дискуссии есть свои преимущества и недостатки. Однако в методической литературе отмечается, что использование подобных технологий позволяет принять участие в обсуждении

проблемы каждому ученику, а также повысить мотивацию к овладению иностранным языком [Ильина, 2016].

Одним из наиболее часто используемых, прочно вошедших в практику обучения иностранному языку является **метод проектов** [Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность, 2010]. Данный вид работы нацелен на последовательное и эффективное формирование у учащихся самостоятельности критического и творческого мышления, нравственного развития [Там же]. Метод проектов предусматривает совместную деятельность ученика и учителя, направленную на поиск решения поставленной проблемы или проблемной ситуации. Данный метод позволяет учителю формировать и развивать у учащихся все виды речевой деятельности. Необходимость использования письменной речи возникает, в первую очередь, при составлении плана, письменной фиксации и оформлении промежуточных и конечных результатов проекта, др.

Еще одной из ведущих современных технологий является **технология «портфель ученика»**, которая помогает формировать и совершенствовать у учащихся навыки рефлексии, самооценки как в целом к учебной деятельности, так и применительно к овладению иностранным языком. Структура «портфеля ученика», его содержание разрабатывается либо авторами конкретного УМК, либо самим учителем. Однако, как правило, он включает языковой паспорт, языковую биографию, папку достижений и папку самооценки промежуточных и итоговых результатов овладения всеми составляющими коммуникативной компетенции [Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность, 2010]. Все документы представлены в письменной форме, к тому же папка достижений также может включать письменные работы.

При использовании данной технологии Е. С. Полат рекомендует сфокусироваться на следующих моментах: «самостоятельность мышления ученика; определение временного периода ведения «портфеля ученика»; взаимосвязь и взаимообусловленность формируемых компетенций; отражение собственной позиции ученика относительно представленных работ (самооценка); процесс решения проблем» [Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность, 2010, с. 265–266].

Портфель ученика может быть электронным, например, в виде личного блога. Использование Интернета и его информационных ресурсов позволяют учителю формировать у учащихся умение работать с информацией, а именно, находить ее, отбирать, систематизировать и записывать [Ильина, 2016].

Таким образом, для более успешного формирования и совершенствования навыков и развития умений письменной речи на иностранном языке у учащихся средней школы в соответствии требованиями ФГОС учитель должен реализовывать в процессе обучения системно-деятельностный подход, что предполагает со стороны учителя владение современными личностно-ориентированными и информационно-коммуникационными технологиями.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Москва, 2010. 41 с.
2. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования. Москва, 2016. 569 с.

3. Бим И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы. Москва: Просвещение, 1988. 254 с.
4. Вторушина Н. Ю. Письмо и письменная речь в обучении иностранному языку // Альманах современной науки и образования. 2010. №1(32), Ч. 2. С. 129-131.
5. Ильина Е. А. Системно-деятельностный подход в обучении письменной речи школьников на иностранном языке // Вестник ТГУ. 2016. Вып. 11. С. 1-4.
6. Кларин М.В. Технология дискуссии в образовательном процессе // Народное образование. 2015. № 5. С. 139-151.
7. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А. А. Миролюбова. Обнинск: Титул, 2010. 464 с.

TEACHING FOREIGN LANGUAGE WRITING IN HIGH SCHOOL FROM THE NOTION OF THE CHOICE OF TECHNOLOGY

Marina R. Koreneva
Cand.Sci. (Education), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: marina_cor@mail.ru

Erzhena Z. Nimaeva
Postgraduate student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru

Abstract. Teaching foreign language writing in high school remains the focus of close attention of researchers and teachers. One of the key points is the problem of choosing a training technology. The study of existing approaches to teaching foreign language writing allows teachers to orient themselves in learning technologies. Researchers distinguish directive, linguistic, and activity-based approaches that have their own characteristics and a set of techniques. The authors conclude that it is possible to use each approach or a combination of them at a particular stage of training. However, to implement the requirements of the Federal Educational Standard, it is advisable to use a system-activity approach, which involves not only the use of foreign language communication as a goal, method and means of teaching, but also refers the teacher to more effective technologies.

Keywords: foreign language, written speech, approach to learning, learning technology, system-activity approach.

УДК 378.016:8125

ОБУЧЕНИЕ УСТНОМУ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© *Шангаева Надежда Константиновна*
кандидат социологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: chnadejda@mail.ru

Аннотация. В статье изложен опыт использования дистанционных образовательных технологий на занятиях по устному последовательному переводу. Принимая во внимание тот факт, что рост объема устного удаленного перевода неуклонно растет, актуальным становится внедрение современных технологий в процесс обучения переводу. Автор обращает внимание на отбор дидактического материала и описывает наиболее эффективные упражнения. Делается вывод о том, что применение дистанционных образовательных технологий становится требованием времени и открывает новые перспективы.

Ключевые слова: французский язык; устный последовательный перевод; обучение переводу; дистанционные образовательные технологии; аутентичные материалы.

Проблема эффективного обучения профессиональной переводческой деятельности продолжает оставаться актуальной. Как справедливо отмечает А. Н. Панова, в настоящее время существует разрыв между требованиями к обучению переводчиков и реальным уровнем их профессиональной подготовки в вузе [Панова, 2017, с. 141]. Автор приводит несколько причин сложившейся ситуации, главной из которых мы считаем ограниченное количество аудиторных часов. Так, на освоение дисциплины «Устный перевод второго иностранного языка» отводится два академических часа в неделю, что недостаточно для полноценного формирования и развития профессиональных компетенций устного переводчика. Это ставит перед преподавателем задачу поиска и внедрения новых решений, способных интенсифицировать процесс обучения.

Устный последовательный перевод — это вид деятельности устного переводчика, характеризующийся произнесением текста перевода после окончания звучания исходного текста [Нелюбин, 2008]. Среди трудностей при осуществлении данного вида перевода выделяют высокую нагрузку на умственные механизмы переводчика, выступающего как реципиентом, так и источником информации; однократное предъявление текста оригинала; невозможность использования словаря; жесткие временные рамки; отсутствие возможности корректировать перевод; возможные помехи; различные типы и манеры произношения. Все это накладывает на преподавателя перевода повышенную ответственность в плане методической подготовки и отбора релевантного материала в дидактических целях.

В данной статье мы представим опыт работы по обучению устному последовательному переводу в дистанционном формате. Занятия проводились со студентами 3 курса (направление подготовки 45.03.02 Лингвистика, профиль «Перевод и переводоведение»), изучающими французский язык в качестве второго иностранного. Традиционно обучение устному переводу предполагает подготовительный, начальный и основной этапы. Подготовительный этап включает усиленную языковую подготовку, осуществляться в рамках «Практического курса иностранного языка» и поэтому не является предметом нашего интереса.

Под дистанционными образовательными технологиями (ДОТ) понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [Федеральный закон, 2012]. С 2020 г. ДОТ стали неотъемлемой частью образовательного процесса. В высшей школе наиболее распространенной формой ДОТ стали видеоконфе-

ренции (Zoom, Microsoft Teams, Skype, Discord, Google Hangouts, Google Meet и др.), которые прочно вошли в процесс подготовки устных переводчиков.

В текущем учебном году мы использовали одну из вышеуказанных платформ, которая, как и большинство аналогов, оснащена следующими функциями: 1. Видеозапись всего занятия или определенного этапа. Эта возможность особенно полезна для фиксации устного перевода. Так, преподаватель и/или студенты могут вернуться к выполненному на уроке переводу, провести самоанализ или дать комментарии; 2. В общий или частный чат можно отправлять не только сообщения, ссылки, но и файлы; 3. Залы (комнаты) для проведения индивидуальной, парной или групповой работы; 4. Экран для показа документов Word, PDF, Power Point. Эта опция позволяет подключать аудио-, видеозаписи, а также демонстрировать материал непосредственно в браузере; 5. Виртуальная доска с широким функционалом.

Особый интерес представляет тот факт, что данный формат позволяет приглашать на занятия носителей языка (в качестве спикеров, экспертов), тем самым создавая обстановку, близкую к реальной. Нельзя не отметить возможность организации совместных онлайн-занятий и переводческих конференций с университетами-партнерами и профессиональными переводчиками из других городов.

На начальном и основном этапах обучения мы обратились к французским кросс-медийным проектам TV5 Monde (Международная франкоязычная телекомпания) и RFI (Международное французское радио). Следует отметить, что данные сайты обладают высоким дидактическим потенциалом и широко применяются в практике преподавания французского языка [Шангаева, 2020, с. 198]. Так, сайт RFI ежедневно транслирует выпуски новостей «Journal en français facile» (уровень A2+), отдельные репортажи которых размещаются в рубрике «Savoirs» и сопровождаются скриптом, тематической лексикой, тестами и ключами к ним. Благодаря небольшой длительности звучания (до 2 минут) и возможности выбора языкового уровня данный ресурс возможно использовать с первого года обучения устному переводу. Следующим важным моментом является то, что аутентичность, актуальность, тематическое и языковое разнообразие делают материалы данного сайта незаменимыми в условиях отрыва от языковой среды.

Созданию реальных переводческих ситуаций способствует и видеофайлы сайта TV5 Monde. Отметим, что в нашей практике данные аудиовизуальные материалы не являлись объектом перевода, а применялись как средство обучения устному последовательному переводу. Мы согласны со М. М. Степановой, что в обучении устному переводу видеоматериалы выступают как средство имитации живой речи, позволяют увидеть экстралингвистические факторы переводческой ситуации и помогают в выборе переводческой стратегии [Степанова, 2020, с. 117]. В соответствии с предметно-тематическим содержанием дисциплины «Устный перевод второго иностранного языка» нами были отобраны следующие сюжеты: «Une école exemplaire», «Les réseaux sociaux», «Japon: un festival zéro déchet», «Canada: se diversifier pour sauver les emplois», «S'informer oui, mais comment?», «C'est quoi une protéine?». При отборе учитывались профессионально-информативная значимость, языковая доступность (уровень A2), длительность звучания (до 3 минут).

На начальном этапе подготовки устных переводчиков упор делается на интенсивном аудировании и пополнении словарного запаса. Еженедельно во время внеаудиторной самостоятельной работы студенты составляли скрипты сообщений на разную тематику. На занятиях благодаря виртуальной доске проверка данного задания занимала меньше времени, чем в офлайн-режиме. Кроме того, данный инструмент предоставляет возможность передать управление доской для внесения правок в демонстрируемый текст. Также на начальном этапе универсальной тренировкой является письменный перевод коротких аудиотекстов. С помощью дистанционных технологий это упражнение возможно проводить двумя способами: 1) студенты отправляют перевод в общий чат для последующего совместного разбора; 2) один студент отправляет перевод в чат преподавателя, остальные в совместные чаты, что значительно ускоряет процесс проверки.

Переходя к организации основного этапа, отметим, что ДОТ значительно оптимизируют процесс обучения. Распределение группы в разных залах позволяет проводить несколько упражнений одновременно. Упражнения на тренировку техники речи, памяти, навыка речевой компрессии студенты выполняли на каждом занятии, что редко удавалось в очном режиме. Например, во время упражнения в переводе на время, студенты осуществляли абзацно-фразовый перевод, находясь в разных комнатах. Преподаватель в это время может проводить работу в основном зале с другими студентами или наблюдать за работой в любой онлайн-комнате. По истечении фиксированного времени комнаты закрывались и группа приступала к обсуждению результатов.

На основном этапе особое внимание мы уделяли упражнениям на тренировку устных переводов видеороликов и аудиозаписей, упражнениям на вероятностное прогнозирование, на тренировку навыков переводческих трансформаций. Особенно эффективно с помощью ДОТ проводилась ролевая игра, целью которой является имитация реального переводческого процесса. По мнению И. С. Алексеевой, игровой метод чрезвычайно полезен для выработки переводческого поведения, переводческой тактики и позволяет ощутить последствия ошибок переводчика [Алексеева, 2001, с. 123]. Проведение данного упражнения включает предварительную подготовку, во время которой студенты готовят доклад по заранее объявленной теме, изучают предметную область и составляют глоссарий. На уроке студенты по очереди выступают в качестве докладчиков, переводчиков (основного и запасного), экспертов. В качестве слушателей (в нашем случае использовался односторонний перевод) приглашаются студенты или преподаватели, не владеющие французским языком. Преподаватель следит за регламентом, ведет видеозапись, в конце занятия может провести онлайн-опрос.

Обобщая вышеизложенное, выделим в качестве преимуществ ДОТ следующие: многоканальность общения; возможность задавать вопросы в письменной или устной форме; совместное использование интерактивной доски; моментальный обмен файлами любого формата; приглашение гостей (экспертов, специалистов, студентов из других вузов); сохранение видеозаписи занятия. Мы приходим к выводу, что в современных реалиях использование ДОТ позволяет оптимизировать и интенсифицировать процесс обучения.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учеб. пособие по уст. и письм. переводу. СПб., 2001. 278 с.

2. Панова А. Н. Способы повышения эффективности обучения устному переводу: из опыта кафедры теории и практики французского языка и перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. № 39. С. 140–148.
3. Степанова М. М. Методические аспекты и дидактические принципы отбора и применения аудиовизуальных средств обучения устному переводу в вузе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 3. С. 113-123.
4. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. М., 2008. 318 с.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) [Электронный ресурс] – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 08.02.2021).
6. Шангаева Н. К. Применение технологии подкастинга в обучении французскому языку // Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики: Материалы межрег. метод. семинара. Улан-Удэ, 2020. С. 198-203.
7. RFI [веб-сайт]. URL: <https://savoirs.rfi.fr/>
8. TV5 Monde [веб-сайт]. URL: <http://www.tv5monde.com/>

CONSECUTIVE INTERPRETATION TEACHING USING REMOTE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Nadejda K. Shangaeva
Cand. Sci. (Sociology), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: chnadejda@mail.ru

Abstract. The paper summarizes the experience of using of distance education technologies in consecutive interpretation classes. Taking into account the fact that the volume of remote interpreting is steadily increasing, the introduction of modern technologies in interpretation training is becoming a priority. The author draws attention to the selection of didactic materials and describes the most effective exercises. It concludes that the use of distance education technologies in the training of interpreters is becoming a requirement of the time and opens up new prospects.

Keywords: French language; consecutive interpreting; translation teaching; distance education technologies; authentic materials.

УДК 378.147

ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

© *Баяртуева Елена Жаргаловна*
кандидат исторических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: lenabayar@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены технические и психологические проблемы дистанционного обучения в вузе в условиях коронавирусной пандемии. Автор отмечает техническую

готовность вузов к переходу на дистанционное обучение, вместе с тем подчеркивается психологическая неготовность преподавателей и студентов к учебному процессу с использованием дистанционных форм работы. Рассмотрены возможности программы Zoom. Автором рассмотрены положительные стороны дистанционного обучения в работе с отстающими студентами и студентами, участвующими в олимпиадах и конкурсах. Несмотря на опосредованность обучения дистанционное обучение обладает рядом преимуществ.

Ключевые слова: дистанционное обучение, коронавирус, информационные площадки, Zoom, электронно-образовательная информационная система, личный кабинет, сессионные залы, Microsoft Power Point

Дистанционное обучение, введенное в вузах из-за пандемии коронавируса (COVID-19), за последний год стало реальностью высшего образования нашей страны, вызвав большое число проблем, став вызовом для профессорско-преподавательского состава и студентов. Спустя почти год работы в новом формате можно подвести определенные промежуточные выводы, оценить положительные и отрицательные стороны взаимодействия преподавателя и студента в новой реальности современного образования.

Одним из главных позитивных моментов в дистанционном обучении является наличие технических возможностей для его осуществления, современный уровень развития информационных технологий позволяет не просто осуществлять образовательную деятельность, но делать это качественно, используя разные информационные площадки. Случись пандемия 8–10 лет назад, таких возможностей у простого преподавателя вуза просто не было бы, и в каких условиях происходило бы обучение сказать сложно, возможно, его не было бы вовсе.

Нужно отметить, что к переходу на дистанционную форму обучения вузы шли постепенно, вводя формы работы с использованием информационной среды, на сайтах вузов появились личные кабинеты студентов и преподавателей, где обязательными компонентами являются электронные журналы, модуль «Сообщения», доступ к учебным планам и расписанию, к электронным библиотекам, электронный документооборот и т. д. Такая электронно-образовательная информационная система (ЭОИС) позволяет преподавателю поддерживать постоянную связь со студентами, контролировать выполнение календарного плана занятий. Таким образом, основные организационные моменты к началу полного перехода на дистанционную форму обучения в связи с пандемией коронавируса были активированы и использовались во многих вузах.

Проблемы, возникающие при дистанционном обучении у преподавателя, можно разделить на три основных категории: технические, методические и психологические.

Осуществление дистанционного обучения предполагает выполнение, как минимум, двух основных технических условий: 1) наличие у преподавателя и студентов компьютера или гаджета (ноутбука, планшета или смартфона), с возможностью установки на них приложения, с помощью которого участники образовательного процесса должны связываться, 2) возможность подключения к сети Интернет [Глазнева, 2016, с. 58, Лосева, 2019, с. 145]. Как показала практика, не у всех студентов есть такая возможность, некоторым студентам пришлось вернуться домой в отдаленные районы, где Интернет-связь осуществляется с перебоями, внося для них поправки в расписание занятий. Если отсутствие одного

студента на занятии не предполагает отмену занятия, а лишь приводит к дополнительным усилиям со стороны преподавателя и самого студента, то отсутствие Интернет-связи у преподавателя может существенно повлиять на образовательный процесс, вызывая эмоциональную реакцию на происходящее. Со временем мы уже адаптировались к таким техническим неполадкам, понимая, что можно организовать процесс, используя другие возможности обучения, в крайнем случае, проведя занятие в другое время, однако в самом начале реализации дистанционного обучения психологически тяжело было перестроиться, когда аудитория ждет занятия, пусть и виртуально.

К техническим проблемам в дистанционном обучении можно отнести работу самих программ, или как принято их называть — «площадок» (Zoom, Microsoft Teams, Discord и др.), используемых для дистанционного обучения, точнее их ограниченные возможности. Безусловно, благодаря таким программам у преподавателя и студентов есть возможность общения. Плюс такого виртуального взаимодействия в том, что все участники находятся в одной виртуальной «аудитории». Сама ситуация нахождения в одном пространстве требует от студентов максимальной концентрации, куда большей, чем на очном занятии, при ответе внимание аудитории полностью сконцентрировано на говорящем. Это внимание усилено еще тем, что камеры студентов, как правило, находятся в выключенном режиме (по причине возникновения сбоев, когда сеть перегружена) и восприятие на занятии идет в основном через органы слуха. К минусам можно отнести отсутствие непосредственного контакта, «чувства» присутствия на занятии студентов, у преподавателя порой возникает ощущение, что его не слушают, не понимают, это порождает определенные психологические переживания. Со временем эмоциональная напряженность от виртуального взаимодействия сократилась, но она возникает вновь в начале работы с новыми группами.

Поскольку контактность между преподавателем и студентами снижена, преподавателю бывает сложно понять — насколько хорошо студенты усвоили учебный материал, что именно вызвало у них затруднения. На обычном занятии в очной форме преподаватель может скорректировать ход занятия, дать дополнительные задания, однако в дистанционной форме сделать это затруднительно, поскольку преподаватель, как правило, уже отобрал к занятию определенный учебный материал.

В программе «Zoom» можно использовать функцию сессионных залов — опцию, позволяющую преподавателю создать несколько отделений («залов») для обсуждения и тем самым расширить возможности взаимодействия студентов, используя задания для парной или групповой работы. Сессионные залы подходят для обсуждения какого-то вопроса с одним студентом или группой студентов; для обучения отдельной группы, когда необходимо дополнительно пояснить какую-то тему; для общения касательно разных проектов, когда необходимо разделить студентов по разным сессионным залам [Перевозникова, с. 1].

Используя дистанционные формы обучения преподавателю легче организовать индивидуальную работу с отстающими от программы студентами, усилить работу со студентами, участвующими в олимпиадах и конкурсах. Можно увеличить частотность проведения такой работы, устранив проблемы у отстающих и усилив подготовку студентов-олимпиадников. Как отмечают специалисты, при дистанционной форме обучения у студентов развиваются умения самостоятель-

ной работы, повышается сознательность, усиливается тяга к самообразованию и самореализации. К тому же студенты совершенствуют навыки работы с электронно-информационными источниками, развивают умения публичной презентации своих мини-проектов, что ему будет необходимо в будущей профессиональной деятельности.

На занятиях по вводу нового материала обычно используются презентации, разработанные в программе Microsoft PowerPoint. О возможностях этой программы общеизвестно, она является помощником, заменяющим в какой-то мере обычную доску. Использование презентаций на занятии значительно экономит время, позволяет использовать не только текстовый материал, но и инфографику. Студенты могут выполнять проектные задания с помощью этой программы.

Вынужденный полный переход на дистанционное обучение, произошедший из-за пандемии коронавируса, помог осознать, что такая форма работы со студентами перспективна, конкурентоспособна, обладает рядом преимуществ. Несмотря на психологические и технические проблемы, преимущества ее очевидны. Дистанционная форма работы привела к раскрытию новых творческих возможностей преподавателя и студентов. Такая форма работа с большей степенью отвечает запросам современного студента, для которого привычно взаимодействие в информационной среде.

Литература

1. Глазнева С.Е., Коняева Е.А. Положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения // Актуальные проблемы образования: позиция молодых. Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2016. Челябинск: Издательство «Золотой феникс». 2016. С. 57-59.
2. Кутаев Ш.К. Дистанционное образование как инструмент повышения результативности образовательного процесса // Вопросы структуризации экономики. 2018. №2. С. 4-5.
3. Лахмаков В.Л. Вопросы организации дистанционного обучения иностранным языкам [Электронный ресурс] //URL: <https://infourok.ru>(дата обращения: 08.01.2021).
4. Лосева Е.С., Гозалова М.Р., Макарова А.И. Проблемы дистанционного обучения иностранным языкам на ступени высшего образования. Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т.8. №3 (28). С. 145-148.
5. Перевозникова О.А. Использование опции «Сессионные залы» платформы Zoom на уроках. [Электронный ресурс] // <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/ispolzovanie-opcii-sessionnye-zaly-platf.47816395/>(дата обращения: 05.01.2021).

PROBLEMS OF DISTANCE LEARNING IN HIGHER SCHOOL IN THE COVID-19 PANDEMIC

Elena Zh. Bayartueva

Cand. Sci. (History), A/Prof.,
East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russia
E-mail: lenabayar@mail.ru

Abstract. The technical and psychological problems of distance learning in higher school are considered in the context of the coronavirus pandemic. The author notes the technical readiness of universities to switch to distance learning, at the same time emphasizes the psy-

chological unpreparedness of teachers and students to the educational process using remote forms of work. The possibilities of the Zoom program are considered. The author considers the positive aspects of distance learning in working with lagging students and students participating in Olympiads and competitions. Despite the mediated nature of learning, distance learning has a number of advantages.

Keywords: distance learning, coronavirus, information platforms, Zoom, electronic educational information system, personal account, session halls, Microsoft Power Point.

УДК 811.161.1'373

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© *Улазаева Галина Васильевна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: diskurs@mail.ru

© *Дэлгэрсайхан Оюунгэрэл*

магистрант,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: diskurs@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о необходимости изучения русских фразеологических единиц иностранными студентами. Фразеология занимает значимое место в системе любого языка. Фразеологизмы являются важным строительным материалом языка, обладают высокой активностью употребления в речи. В иностранной аудитории изучение фразеологии представляет сложную работу. В статье предлагаются упражнения по работе с фразеологизмами в иностранной аудитории (с иностранными учащимися базового уровня владения русским языком). Целесообразность использования указанных единиц в практике обучения русскому языку как иностранному среди методистов не вызывает сомнений. Фразеологические единицы являются обязательной частью лексического и культурного минимума, необходимого для полноценного общения иностранцев на русском языке, для приобщения их к русской культуре.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; фразеологические единицы; строительный материал; социокультурная компетенция; упражнение.

Фразеология, как известно, занимает важное место в языковой системе, это «величайшая сокровищница и непреходящая ценность любого языка. ... Фразеология отражает мир чувств, образов, оценок того или иного народа, она самым непосредственным образом связана с культурой речепроизводства» [Быстрова, 1994, 3].

Фразеологические единицы обладают высокой активностью употребления в русской речи, они часто употребляются в нашей повседневной жизни, они привычны, удобны.

В иностранной аудитории изучение фразеологии представляет сложную работу. Фразеологизм — это выражение, «имеющее «скрытый» смысл, «скрытое»

значение. Носители языка знают, понимают этот «скрытый» смысл фразеологизмов, а для иностранцев он всегда лингвистическая загадка, секрет. Именно поэтому фразеологизмы вызывают трудности при чтении художественных текстов из русской литературы, а также газет, журналов на русском языке, при понимании обычной русской разговорной речи» [Баско, 2003, 8].

В статье рассматривается потенциал фразеологических единиц, показаны возможные фрагменты методической работы с данными единицами на занятиях по РКИ. Целесообразность использования указанных единиц в практике обучения РКИ среди методистов не вызывает сомнений.

Методический интерес к фразеологическим единицам, дающим информацию о мире в социокультурном контексте, существует давно. Безусловно, этот интерес не является случайным. Ценность фразеологизмов как носителей культурной информации трудно переоценить. Употребление фразеологизмов делает речь ярче, эмоциональнее, оказывает более сильное воздействие на собеседника. «Фразеологизмы ... рождаются в языке не для того, чтобы называть какие-либо появившиеся предметы и явления, а для того, чтобы через образное представление характеризовать уже названное словом понятие, характеризовать его, выражая отношение к нему, оценку его с точки зрения той социальной среды, в речи которой употребляется данная фразеология. То есть фразеологизмы удовлетворяют потребность носителей языка в выразительности» [Федоров, 1973, 81].

Преподаватели РКИ на занятиях достаточно активно используют данные единицы при введении нового материала, его закреплении, при ознакомлении с русской культурой. Отметим, что в методическом арсенале преподавателя РКИ немало работ, посвященных отбору и организации фразеологического материала в целях его применения на занятиях. Но в то же время есть вопросы, которые сегодня остаются нерешенными: нет описания единых требований к отбору, семантизации, презентации фразеологических единиц в учебных пособиях по РКИ, нет описания преемственности в усвоении русских фразеологизмов на разных этапах обучения.

В данной работе делимся методическими соображениями о том, как можно организовать фрагмент урока с использованием фразеологизмов в иностранной аудитории (базовый уровень).

Предлагаем следующие упражнения:

1. «Фразеологический зоопарк». Найдите продолжение фразеологизма. Как вы понимаете значение этих выражений? Есть ли в вашем родном языке такие фразеологизмы?

1. Голоден как ...	а)... бык	
2. Здоров как ...	б) ... заяц	

3. Упрям как ...	в) ... волк	
4. Труслив как ...	г) ... осёл	
5. Хитёр как ...	д) ... лиса	

2. «Ассоциации». Посмотрите на рисунки. Постарайтесь объяснить значение фразеологизмов.

	Льёт как из ведра
	Собака на сене
	Прожужжать все уши
	Медведь на ухо наступил

3. «Синонимы». Найдите соответствие. Обратите внимание на пометы в скобках.

1. Один на один	А. Бить баклуши (<i>разг.</i>)
2. Валять дурака (<i>разг.</i>)	Б. С глазу на глаз
3. Золотые руки	В. Одного поля ягоды (<i>разг.</i>)
4. Плечом к плечу	Г. Бок о бок
5. Два сапога пара (<i>разг.</i>)	Д. Мастер на все руки (<i>разг.</i>)

Можно предложить учащимся найти фразеологизмы-антонимы; потренироваться в переводе русских фразеологизмов на родной язык; дать задание найти фразеологизмы в тексте (печатном или аудиотексте). Система упражнений при изучении русских фразеологизмов разнообразна. Безусловно, в методической копилке преподавателя РКИ есть учебные пособия разных авторов по организации работы с фразеологизмами, но каждый преподаватель, как правило, имеет свои методические разработки, подготовленные с учетом специфики конкретной аудитории.

В заключение подчеркнем, что фразеологизмы играют большую роль в современной устной и письменной речи, они представляют важный строительный материал языка, поэтому эти единицы являются обязательной частью лексического и культурного минимума, необходимого для полноценного общения иностранцев на русском языке, для приобщения их к русской культуре.

Литература

1. Баско Н.В. Русские фразеологизмы — легко и интересно. — М. Флинта: Наука, 2003. 152 с.
2. Быстрова Е.А. и др. Краткий фразеологический словарь русского языка. СПб: отд-ние изд-ва «Просвещение», 1994. 271 с.
3. Глазунова О.И. Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1-С2. Основной курс. — М.: Русский язык. Курсы, 2017. 216 с.
4. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. — М.: РУДН, 2010. 181 с.
5. Улазаева Г.В. Учет национально-культурных особенностей при обучении иностранных учащихся русскому языку // Россия и Монголия: история и современность. Сборник материалов международной научно-практической конференции. — 2008. С.267-275.
6. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в. — Новосибирск: Наука, 1973. 171 с.
7. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. — М.: Русский язык, 1990. 224 с.

PHRASEOLOGICAL UNITS IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE

Ulazaeva G. V.
Cand. Sci. (Philol.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: diskurs@mail.ru

Delgersaikhan O.,
Master's degree student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
E-mail: diskurs@mail.ru

Abstract. This article addresses the issue of the need to study Russian phraseological units by foreign students. Phraseology takes a significant place in the system of any language. Phraseological units are an important part of any language, they are actively used in speech. It's not easy to teach phraseological units to foreign students. The article offers activities that can be used in teaching phraseological units to foreign students (elementary level). Specialists express no doubt in the necessity of using these units in teaching Russian as a foreign language. Phraseological units are a compulsory part of the lexical and cultural minimum that is necessary for the adequate intercultural communication of foreigners in Russia and to introduce them to Russian culture.

Keywords: Russian as a foreign language; phraseological units; socio-cultural competence; teaching activities.

УДК 378

ГРАФИЧЕСКИЙ ПЛАНШЕТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НА ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ)

© *Жарникова Алена Васильевна*

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: alena-vsgutu@yandex.ru

© *Пушкарева Юлия Геннадьевна*

кандидат филологических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: panouchkova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования графического планшета в качестве эффективного средства обучения в образовательном процессе. Показаны способы применения устройства в условиях дистанционного обучения на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, визуальные средства обучения, дистанционные образовательные технологии, графический планшет, иностранный язык.

Современное образовательное пространство активно развивается. В настоящее время специалисты продолжают поиск современных педагогических технологий, инноваций на пути к решению поставленных задач обучения. Одной из таких инноваций является разработка и внедрение цифровых технологий, которые постоянно совершенствуются и опираются на современные образовательные стандарты, используя многоуровневый компетентностный подход, успешно дополняя традиционные учебные материалы.

В связи с этим актуальными становятся информатизация, включающая коммуникационное оборудование и программное обеспечение образовательного процесса; цифровизация, предполагающая использование интернет-технологий и создание образовательных платформ обучения при опосредованном взаимодействии обучающихся и педагогических работников. Правительство России инициировало разработку федерального проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», который был запущен в 2016 году. Среди приоритетных целей можно отметить:

1. Повышение качества онлайн-образования в целом.
2. Расширение для граждан страны возможностей учиться в течение всей жизни в любое удобное время, где бы они ни находились в данный момент — главное, чтобы был доступен интернет.
3. Развитие системы профессионального образования путем широкого внедрения инструментов онлайн-обучения [6].

Цифровое образование — это современная система обучения при помощи информационных и электронных технологий, включающая в себя:

- самостоятельную работу с электронными материалами, использованием персонального компьютера, мобильного телефона и других устройств;
- получение консультаций, советов, оценок у территориально удаленного эксперта (педагога), а также возможность дистанционного взаимодействия;
- создание распределенного сообщества пользователей (социальных сетей), ведущих общую виртуальную учебную деятельность;
- своевременная круглосуточная доставка электронных учебных материалов; стандарты и спецификации на электронные учебные материалы и технологии, дистанционные средства обучения;
- формирование и повышение информационной культуры и овладение современными информационными технологиями, повышение эффективности обычной деятельности;
- освоение и популяризация инновационных педагогических технологий, передача их педагогам;
- возможность в любое время и в любом месте получить современные знания, находящиеся в любой доступной точке земного шара;
- доступность высшего образования лицам с особенностями здоровья, психофизического развития [2].

В условиях цифровизации образовательного пространства традиционные методики наполняются полезными сетевыми сервисами, электронными ресурсами, связанными с приобщением к информационным возможностям, а также с введением в широкую практику преподавания принципиально новых носителей информации [Гузь, 2017, с. 59].

В Национальном стандарте Российской Федерации под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно телекоммуникационных сетей на расстоянии [5]. Цель внедрения дистанционных образовательных технологий в систему образования состоит в обеспечении доступности качественного образования, независимо от места проживания, социального положения и состояния здоровья. В основе дистанционного обучения можно выделить применение

новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обеспечивающих непрерывное взаимодействие между учителем и учеником в удаленном режиме.

Информационная среда позволяет использовать такие светотехнические визуальные средства обучения, как компьютер, интерактивная доска, мультимедийный проектор, различные виды камер, обеспечивающие зрительную информацию [4]. Помимо стандартных компьютеров, нетбуков и смартфонов отметим и графические планшеты.

Очевидно, что технологии совершенствуются и для эффективного проведения занятия по иностранному языку студенты и преподаватели в своей практике стараются применять разнообразные средства обучения, содержащие взаимосвязанный контент и предназначенные для совместного применения в целях эффективного изучения дисциплины, совершенствуя свои профессиональные компетенции и личностные качества [3].

Вследствие этого необходимо разобраться в методике и дидактической организации цифрового обучения, чтобы эффективно использовать различные приложения и устройства в образовательном процессе. Необходимо отметить, что применение современных визуально-наглядных средств требует соответствующих навыков владения компьютером (оптимизация, безопасность, синхронизация) и зависит от уровня владения цифровыми технологиями с целью их продуктивного применения в образовательной деятельности.

В данной статье мы остановимся на примере занятий по иностранному языку с применением графического планшета в рамках дистанционного обучения. Мы придерживаемся мнения, что процесс получения и освоения новой информации на занятиях по иностранному языку должен быть удобным, занимательным, понятным и эффективным, даже в режиме on-line.

Главным преимуществом графических планшетов можно назвать отсутствие необходимости устанавливать дополнительные программы. Устройства работают в стандартном пакете Microsoft Office, а также поддерживают популярные приложения для дистанционного обучения Microsoft Teams, Zoom, Skype. Следовательно, используя гаджет на практике, можно оптимизировать процесс обучения вне аудитории с целью улучшения качественных показателей.

На базе ВСГУТУ при переходе на дистанционное обучение on-line занятия по иностранному языку проводятся на цифровой платформе Microsoft Teams с использованием видеоконференцсвязи в режиме реального времени. Дистанционный урок требует от преподавателя гораздо большей подготовки, тренируя навыки обращения с компьютером, периферийным оборудованием, коммуникационными программами. Общение по предмету, как правило, происходит в вербальной форме. В данном случае самое главное — это вовлечь студентов в работу и постараться удержать их внимание.

Во время подготовки к занятию создавались презентации по теме. Неудобство вызывало невозможность, например, сделать заметки, выделить определенные элементы, написать или подписать комментарий на подготовленных слайдах во время занятия, реагировать на запросы студентов не только вербально, но и визуально.

Следовательно, для проведения дистанционного занятия в качестве дополнительного электронного устройства был выбран графический планшет. Конфигурация данного гаджета представлена плоским экраном, на котором можно видеть

результат взаимодействия стилуса с рабочей поверхностью в режиме реального времени, что делает работу более комфортной. Вся информация синхронно оцифровывается и выводится на экран монитора подключенного компьютера или ноутбука. При этом стилус может иметь как проводное, так и беспроводное подключение. Его удобно держать в руке. Продолжительная работа, в отличие от работы с компьютерной мышкой, не приводит к переутомлению кисти и запястья.

Среди преимуществ данного гаджета из практического опыта отметим:

1) возможность моментального ввода вопроса стилусом в режиме доски. Доступна функция редактирования, ввода схем, таблиц, рисунков, при этом результат отображается на мониторе;

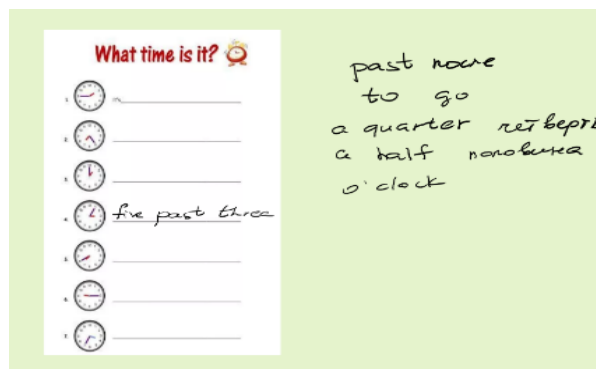
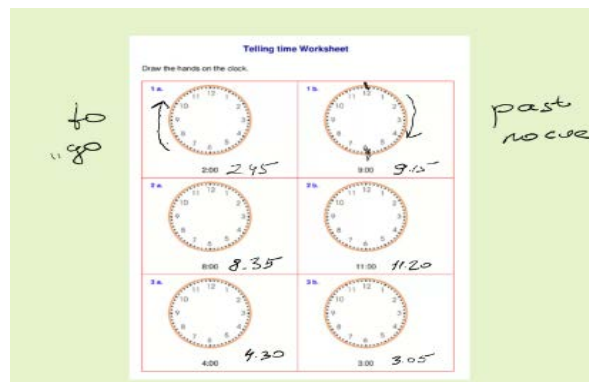
2) оцифровка написанной информации. Текст, формулы, графики, сделанные от руки, распознаются устройством и сохраняются в памяти компьютера;

3) полная интеграция в дистанционное обучение. Устройства поддерживают стандартные программы для on-line обучения;

4) эргономичный стилус. Продуманный дизайн пера в устройствах не нагружает руку. Идеально подходит как для правой, так и для левой.

На занятии мы постоянно комментируем материал, задания, делаем необходимые пометки, пишем примеры фраз на иностранном языке, поэтому графический планшет экономит время и упрощает проведение дистанционного урока.

Ниже представлены скриншоты, созданные во время занятия. При подготовке была создана презентация по теме «What time is it? / Quelle heure est-il?», где отражены основной вокабуляр, примеры, предложения и перевод. Рукописные записи выполнялись непосредственно при выполнении заданий по теме.

Подпишите время на французском языке, используя лексику с изображения:

Quelle heure est-il?

12.00 il est douze heure

24.00 _____

13.30 il est treize heure trente

08.00 _____

Далее представлены фрагменты по теме «Глаголы 3 группы» по французскому языку и «Спряжение глагола to be в настоящем времени» в английском языке:

Инфинитив	3 лицо мн. число
partir (уходить, уезжать)	ils partent

Глаголы 3 группы

Инфинитив	3 лицо мн. число
être	ils sont
faire	ils font
traduire	ils traduisent

Поставьте глагол to be в правильной форме:

She ___ a teacher.	is, are, am	3 л, ед. ?
You ___ not here.	is, are, am	
___ they at home?	is, are, am	3 л, мн. ?
He ___ my brother.	is, are, am	
We ___ not relatives.	is, are, am	
It ___ a cat.	is, are, am	
I ___ not a student.	is, are, am	1 л, ед. ?

В процессе выполнения упражнений с использованием графического планшета студент становится более активным в решении познавательной задачи и поиске правильного ответа.

Исправьте ошибки в предложениях.

1. He is the most oldest student in his group.
2. You are taller then me. *than*
3. My car is beter than his. *better*
4. It is one of most beautiful lakes in the world. *the*
5. These flowers are more cheap than those ones. *?*

Составьте из данных слов предложения и переведите их.

1. ⁶ most - ⁴ the ³ Mona Lisa - ⁷ in - ² is - painting - ⁵ the - famous - ⁹ the - ⁸ world.

2. ⁵ the - ⁷ team - ⁸ Adam - ¹ is - ² worst - ⁴ the - ³ player - in.

В данном случае удобно выполнять упражнения одновременно со студентами: демонстрировать информацию со своего экрана, не выходя из приложения, создавать или загружать готовые задания из облачного пространства или со своего компьютера. Опыт работы на дистанционном обучении показывает, что использование графического планшета способствует быстрому информационному обмену между преподавателем и обучающимися, а также дает возможность максимально полно донести нужные сведения до слушателей.

Преимущества применения дополнительных электронных устройств в преподавании иностранного языка очевидны. Анализируя результаты работы, можно прийти к выводу, что графический планшет позволяет представить контент занятия как систему графических опорных образов, основанную на диалоговом взаимодействии педагога и обучающегося. Несомненно, гаджеты эффективны и позволяют учителю сконцентрироваться на содержании урока и способствуют разработкам новых методик обучения.

Литература

1. Гузь Ю. А. Эффективное использование мобильных приложений и планшетов в обучении иностранному языку / Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4(21). - С 59.
2. Цветкова М. С., Якушина Е. В. RUSERE — Русскоязычные электронные ресурсы в образовании [Электронный ресурс]. — URL: <http://ruser.ru/> (дата обращения 14.01.2021).
3. Черняева И. В. «Мультимедийные технологии в обучении иностранным языкам» // Уникальные исследования XXI века [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimediynye-tehnologii-v-obuchenii-inostrannym-yazykam/viewer> (дата обращения 16.01.2021)

4. Визуальные средства обучения и условия их использования» [Электронный ресурс]. — URL: https://spravochnick.ru/pedagogika/sredstva_obucheniya_i_ih_klassifikaciya/vizualnye_sredstva_obucheniya/ (дата обращения 16.01.2021).

5. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Требования и характеристики. [Электронный ресурс]. — URL: http://do.mrsu.ru/documents/common_documents/normative_documents/gost_r_557512013_informacionnokommunikacionnye_tehnologii_v_obrazovanii._elektronnye_uchebno-metodicheskie_kompleksy_trebovaniya_i_harakteristiki.pdf (дата обращения 16.01.2021).

6. Цифровое образование» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.digital-edu.ru/> (дата обращения 13.01.2021).

GRAPHIC TABLET IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES (from online learning experience)

Alena V. Zharnikova

Cand. Sci. (Philol.), senior lecturer,
East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russia
E-mail: alena-vsgutu@yandex.ru

Yulia G. Pushkareva

Cand. Sci. (Philol.), A/Prof.,
East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russia
E-mail: panouchkova@mail.ru

Abstract. The article considers the possibility of using a graphic tablet as an effective teaching tool in the educational process. The methods of using the device in the conditions of distance learning in foreign language classes are shown.

Keywords: informatization, digitalization, visual learning tools, distance learning technologies, graphic tablet, foreign language.

УДК 37.013

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ РЕЧЕВЫМ НЕДОРАЗВИТИЕМ ТРЕТЬЕГО И ЧЕТВЕРТОГО УРОВНЯ

© *Балданова Туяна Солбоновна*

магистрант 1 курса,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы проблемы развития лексико-грамматического строя речи в онтогенезе и представлены результаты эмпирического исследования сравнения между детьми с общим речевым недоразвитием третьего, четвертого уровня и нормой. Определены методы, параметры и методики констатирующего эксперимента, направленного на изучение лексико-грамматического строя речи дошкольников экспериментальной и контрольной группы. Дана количественно-качественная интерпретация полученных результатов.

Ключевые слова: логопедия, общее недоразвитие речи, лексико-грамматический строй, лексико-грамматическое нарушение речи (ЛГНР).

В настоящее время в логопедии наблюдается повышенный интерес к изучению проблемы общего речевого недоразвития. Научное обоснование эффективных методов преодоления недоразвития лексико-грамматического строя речи у дошкольников с общим речевым недоразвитием представляет собой актуальную, теоретически и практически значимую проблему. Формирование лексических и грамматических категорий у дошкольников с общим речевым недоразвитием имеет большое значение для развития речевой системы.

Цель исследования — сравнительный анализ особенностей лексико-грамматического строя речи дошкольников с общим речевым недоразвитием третьего и четвертого уровня.

Понятие «лексико-грамматическое нарушение речи» (ЛГНР), введенное Т. Б. Филичевой, является ведущим дефектом в структуре общего речевого недоразвития: у детей это позднее формирование речи, бедный словарь, недостаточный уровень сформированности фонетической стороны речи, неточное употребление в речи глаголов, окончаний падежей, предлогов и союзов [Филичева, 2015].

Лексико-грамматический строй входит в единую систему языка. «Академик В. В. Виноградов отмечал, что в структуре языка, образующего единое целое, все составные части, или ее элементы, находятся в закономерных отношениях, что они закономерно связаны друг с другом» [Тенкачева, 2013, с. 66].

Исследованием онтогенеза речи детей занимаются разные специалисты в области педагогики, психологии и психолингвистики, однако методология остается недостаточно разработанной. При изучении речи у детей условно решаются две группы задач: непосредственное описание детской речи с трактовкой описанных случаев с лингвистической точки зрения и исследование психических процессов, лежащих в основе формирования речи [Ушакова, 2017].

Лексика — это активный и пассивный запас слов, обозначающих предметы, явления, действия и признаки окружающей действительности. Активный словарь — слова, которые ребенок может употреблять в речи. Пассивный словарь — это слова, которые ребенок пока только понимает.

Грамматический строй — это система взаимодействия слов между собой в словосочетаниях и предложениях, и в связной речи в целом. Имеются морфологический и синтаксический уровни грамматической системы. Морфологический уровень предполагает умение владеть навыками словоизменения и словообразования, синтаксический — умение составлять предложения, грамматически правильно сочетать слова в предложении [Леонова, 2017].

В эксперименте участвовали 22 дошкольника старшей группы (5–6 лет) посещающих логопедическую группу. Нами проводилось сравнительное изучение сформированности лексико-грамматического строя речи дошкольников с общим речевым недоразвитием третьего и четвертого уровня, а также с нормой речевого развития. Экспериментальная группа 22 (ЭГ) состояла из 14 испытуемых: 9 детей с третьим уровнем и 5 дошкольников с четвертым уровнем общего речевого недоразвития. В контрольную группу (КГ) входили 8 дошкольников с нормой речевого развития.

Основной метод сбора данных — констатирующий эксперимент, в ходе которого была использована методика Н. М. Савицкой, включающая два блока, изу-

чающие лексическую и грамматическую стороны речи. Каждое задание оценивалось по балльной системе, и на основе теоретического анализа проблемы исследования нами были выделены три уровня сформированности лексико-грамматического строя речи испытуемых:

- высокий уровень — 12–16 баллов;
- средний уровень — 6–12 баллов;
- низкий уровень — 0–6 баллов.

Ребенок выполнял правильно и самостоятельно каждое задание — 2 балла, единичные ошибки в некоторых заданиях — 1 балл, неправильные ответы в каждом задании или отказ от выполнения задания — 0 баллов.

Содержание методики диагностики лексико-грамматического строя речи: лексическая сторона речи и грамматическая сторона речи по 8 заданий.

В процессе анализа результатов исследования была получена развернутая сравнительная характеристика количественных и качественных особенностей уровня сформированности лексико-грамматического строя речи дошкольников с общим речевым недоразвитием третьего и четвертого уровней, и нормой речевого развития. Результаты обследования данных лексической стороны речи представлены в таблице 1.

Таблица 1

Процентное распределение испытуемых по уровням сформированности лексической стороны речи

Уровень сформированности лексико-грамматического строя речи	Группы		
	Экспериментальная (третий уровень речевого развития)	Экспериментальная (четвертый уровень речевого развития)	Контрольная (с нормой речевого развития)
Высокий	0%	0%	66%
Средний	76%	88%	34%
Низкий	24%	12%	0%

В экспериментальной группе нет дошкольников с высоким уровнем. У 66% испытуемых с третьим уровнем речевого недоразвития выявляется средний уровень и 34% с низким уровнем развития лексической стороны речи. Дети неточно понимали и употребляли обобщающие понятия, например, «помидор» и «яблоко» отнесли к фруктам. Не смогли выделить предметы одной лексической темы (47 слов) и назвать их общим словом, например: молоко, колбаса, масло, хлеб — еда (продукты), в некоторых случаях молчали. Они не смогли назвать действия предметов и подобрать антонимы к глаголу и прилагательному, например, шофёр едет (шофёр ведет машину), человек поёт (музыкант играет, сочиняет). Антонимы к глаголу: говорить — не говорить (молчать), дать — не дать (взять), купить — не купить (продать). Антонимы к прилагательному: сахар сладкий, а лук не сладкий (горький), лев — смелый, а заяц — боязливый (трусливый). У 88% испытуемых с четвертым уровнем речевого недоразвития наблюдается средний уровень и 12% с низким уровнем развития лексической стороны речи. У них наблюдались затруднения при подборе антонимов к прилагательным и глаголам, например, найти — не найти (потерять), разрешать — не разрешать

(запрещать). У 66% дошкольников контрольной группы с нормой речевого развития относятся к высокому уровню и у 34% к среднему уровню сформированности лексической стороны речи. Они в целом справились со всеми заданиями, у некоторых дошкольников с нормотипичным речевым развитием были незначительные ошибки при подборе антонимов, но они смогли сами или с помощью взрослого найти и исправить допущенные ошибки, например, мириться — ругаться (ссориться), смеяться — грустить (плакать).

Результаты обследования данных грамматической стороны речи представлены в таблице 2.

Таблица 2

Процентное распределение испытуемых по уровням сформированности грамматической стороны речи

Уровень сформированности лексико-грамматического строя речи	Группы		
	Экспериментальная (третий уровень речевого развития)	Экспериментальная (четвертый уровень речевого развития)	Контрольная (с нормой речевого развития)
Высокий	0%	0%	60%
Средний	58%	74%	40%
Низкий	42%	26%	0%

В экспериментальной группе нет испытуемых с высоким уровнем. У 58% дошкольников с третьим уровнем речевого недоразвития грамматическая сторона речи находится на среднем уровне и 42% с низким уровнем. Были трудности в образовании форм множественного числа существительных от основы единственного числа, уменьшительно-ласкательных форм существительных, например, пень — *пени* (пни), пальто — *пальты* (пальто); мыло — мыльчик (мыльце), одеяло — одеяльчик (одеяльце). Отмечались ошибки при выполнении заданий с относительными прилагательными, например, кувшин из глины — глиняный кувшин (глиняный). У 74% испытуемых экспериментальной группы с четвертым уровнем речевого недоразвития относятся к среднему уровню и 26% к низкому уровню развития грамматической стороны речи. Они допускали ошибки при употреблении непродуктивных форм словоизменения и словообразования имён существительных, глаголов и имен прилагательных. Возникали сложности выполнения заданий где, нужно было образовать уменьшительно-ласкательное значение, например, мыло — мылочко (мыльце), одеяло — одеяльчик (одеяльце), зеркало — зеркалко (зеркальце). Высоким уровнем в контрольной группе с нормой речевого развития обладали 60% испытуемых и средним уровнем 40%, которые в целом справились со всеми заданиями, но у некоторых были незначительные ошибки при образовании форм множественного числа, чтобы исправить ошибки требовалась помощь взрослого, например, пень — *пени* (пни), пальто — *пальты* (пальто).

Таким образом, у дошкольников с общим речевым недоразвитием третьего уровня по сравнению с четвертым уровнем имеются выраженные элементы лексико-грамматического недоразвития речи: отсутствие названия многих слов, неточное понимание обобщающих понятий, нарушение согласования прилагательных и числительных с непродуктивными окончаниями. Недостаточно сформиро-

ваны навыки словоизменения и словообразования у детей как с третьим, так с четвертым уровнем речевого недоразвития.

При дифференциальной диагностике лексико-грамматического строя речи дошкольников с общим речевым недоразвитием третьего и четвертого уровня рекомендуем ориентироваться на особенности развития словарного запаса понимания и употребления обобщающих понятий, навыков словоизменения и словообразования которые недостаточно сформированы у детей экспериментальной группы. Также при дифференциальной диагностике лексико-грамматического строя речи детей дошкольного возраста с общим речевым недоразвитием четвертого уровня и нормой речевого развития следует обратить внимание на особенности владения навыками словоизменения и словообразования: при употреблении приставочных глаголов, профессий мужского и женского рода, при образовании сложных слов.

Литература

1. Леонова В. А. Формирование грамматического строя речи у детей старшего дошкольного возраста : учебное пособие / В. А. Леонова. — Москва : Владос, 2017. — 312 с.
2. Савицкая Н. М. Диагностика и коррекция речи дошкольника : учебно — методологическое пособие / Н. М. Савицкая // Санкт-Петербург : Литера, 2018. — 64 с.
3. Тенкачева Т.Р. Особенности грамматического строя речи у различных категорий детей дошкольного возраста / Т.Р. Тенкачева : специальное образование: научно — методологический журнал — Москва, 2014. — С. 68-78
4. Ушакова О. С. Развитие речи детей 5 - 7 лет / О. С. Ушакова : учебное пособие — Москва: Сфера, 3 издание, 2019. — 272 с.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE LEXICAL AND GRAMMATICAL STRUCTURE OF SPEECH OF PRESCHOOLERS WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT THIRD AND FOURTH LEVEL

Tuyana S. Baldanova

1st year master student, profile "Foreign Philology",
Department of German and French languages
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article examines the theoretical foundations of the problem of the development of the lexical and grammatical structure of speech in ontogenesis and presents the results of an empirical study of the comparison between children with general speech underdevelopment of the third, fourth levels and the norm. The methods, parameters and techniques of the ascertaining experiment aimed at studying the lexical and grammatical structure of speech of preschoolers in the experimental and control groups have been determined. A quantitative and qualitative interpretation of the results obtained is given.

Keywords: speech therapy, general speech underdevelopment, lexical and grammatical structure, lexical and grammatical speech disorder (LGNR).

ОТЗЫВЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

© *Харанутова Клара Архиповна*
журналист «Байкал-Гео»

МЫ МНОГИМ ОБЯЗАНЫ ПРОФЕССОРУ ШУЛУНОВОЙ

В заседании Круглого стола, организованного Институтом филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова и посвященного памяти выдающегося бурятского ученого Людмилы Владимировны Шулуновой, приняли участие известные языковеды России и зарубежных стран.

Трудно поверить, но она, поступив в Уфимский авиационный институт, должна была стать инженером. Судьба распорядилась иначе — в эти февральские дни ученому с мировым именем, заслуженному деятелю науки Бурятии, доктору филологических наук, члену Комиссии по развитию бурятского языка при Правительстве РБ Людмиле Владимировне Шулуновой исполнилось бы 70 лет...

Еще труднее представить без неё массу студентов, аспирантов, коллег Людмилы Владимировны и нас, друзей со студенческих времен. Потому что она, член Международной академии наук высшей школы, член-корреспондент РАН, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный профессор Цилинского института русского языка (КНР), основатель научной школы «Региональная ономастика», всегда была центром и душой добрых начинаний, научных открытий, реализации намеченных планов.

Искренняя и мудрая, энергичная и целеустремленная Людмила Владимировна Шулунова объединяла людей своей открытостью и неумной тягой к новому. Возможно, по этой причине, вернувшись из Уфы в Иркутск, она поступила на бурятское отделение филологического факультета Иркутского госуниверситета, чтобы глубже изучить родной бурятский язык. Но студентка Л. Баирова умудрялась не только ездить в полевые экспедиции и выступать на конференциях, но и отлично играла в шахматы и волейбол, стреляла из пистолета и помогала отстающим. Наверняка, оттуда, из студенческой поры, такая черта Людмилы Владимировны, как умение ценить время и распоряжаться им.

Тогда, в годы студенчества, Людмила Владимировна так увлеклась изучением собственных бурятских имен, что ономастика стала делом всей жизни выпускницы Иркутского университета. Её Учителем, мудрым наставником и близким человеком стала замечательный ученый-языковед, основатель научной школы бурятской ономастики, доктор филологических наук, профессор Анастасия Григорьевна Митрошкина. Позднее судьба и общее дело свели Людмилу Владимировну с еще одним неординарным человеком, широко известной и уважаемой в научном мире Александрой Васильевной Суперанской, главным научным сотрудником сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН.

О вкладе в науку профессора Л. В. Шулуновой за годы работы в Иркутском университете, в отделе языкознания Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР, в Восточно-Сибирском институте культуры, директором Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского госуниверситета можно судить не только по научным монографиям и множеству учебных пособий и публикаций, посвященных проблемам взаимодействия языка и культуры, проблемам бурятского языкознания, по методике преподавания языков. Труды Л. В. Шулуновой известны далеко за пределами России: в Германии, Индии, Финляндии, Монголии, Узбекистане, Киргизии, Белоруссии и других странах. Имя Людмилы Владимировны Шулуновой в числе 250 ведущих языковедов мира включено в энциклопедию по урало-алтайскому (тюрко-монгольскому) языкознанию и в энциклопедию «Ученые России».

Со второй половины 2000-х годов Центр стратегических востоковедных исследований БГУ во главе с Л. В. Шулуновой стал инициатором проведения международных научно-практических конференций студентов и аспирантов «Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность». Актуальность проблем транснационального характера, освещаемых в докладах, была продиктована современными глобализационными процессами.

Людмила Владимировна Шулунова была известным ученым, оставаясь при этом скромным и доброжелательным человеком, всегда готовым прийти на помощь тому, кто в ней нуждается. Как хватало Людмиле Владимировне сил и времени на лекции, командировки, выступления на конференциях, помощь аспирантам, которых у ней было свыше 40 человек, остается только гадать. А ведь кроме всего этого Людмила Владимировна не оставляла без внимания и забот семью и друзей. Её единомышленником всегда был муж, инженер-программист и заядлый шахматист Рубин Прокопьевич Шулунов. Их дети, сын и дочь, выросли достойными людьми. Кстати, в эти февральские дни исполняется 70 лет и Рубину Прокопьевичу Шулунову.

Людмила Владимировна всегда говорила, что ей достаточно 5–6 часов, чтобы отдохнуть, а наутро профессор Шулунова снова спешила на лекции, заседания, встречи, собиралась в очередную командировку... А еще она старалась не пропускать премьеры в Театре оперы и балета. Кумиром Людмилы Владимировны была народная артистка СССР Галина Шойдагбаева, которая по счастливому стечению обстоятельств оказалась и соседкой в новом доме по улице Бабушкина. Людмила Владимировна убедила её, единственную на просторах Сибири народную артистку СССР, сесть за автобиографическую книгу. В числе друзей Людмилы Владимировны был досточтимый Хамбо Лама Селенгинского аймака Монголии. Семья Зунды ламы гостеприимно и с глубоким почтением встречала гостей из России на освящении их приграничного дацана. Но особым вниманием участников важного для монголов события была окружена Людмила Владимировна, прекрасно владевшая монгольским и английским языками.

Признанием авторитета профессора Л. В. Шулуновой стало приглашение стать членом комиссии Правительства РБ по подготовке Закона о языках народов Бурятии. По инициативе Людмилы Владимировны в праздничную программу Дней бурятского языка был включен топонимический конкурс школьников «Названия моего города/села», а с 2009 года в дни весенних каникул проводилась республиканская научно-практическая конференция «Мир имен и назва-

ний». Людмила Владимировна рассказывала об участниках конкурсов и конференций с большой теплотой, отдавая должное учителям, которые привозили ребят из разных районов. Педагог, мудрый человек, она понимала, что изучение собственных имен и названий, истории их происхождения может перерасти у школьников в увлечение ономастикой и во взрослой жизни.

Наверняка, не только туристам интересны изданные больше десяти лет назад по заказу Правительства РБ под руководством Л. В. Шулуновой «Словарь географических названий Республики Бурятия», «Топонимический словарь этнической Бурятии», «Словарь-справочник: улицы г. Улан-Удэ — памятники истории». Сегодня можно смело утверждать, что эти издания открыли и нам нашу Бурятию! Ну кто бы знал, что Малые Ушканьи острова так названы не из-за торчащих из воды «ушканьих ушей», то есть заячьих, как принято было считать. Ушкан — сибирское название зайца. Но, оказывается, еще в XVII веке русские на Байкале так называли нерпу. Её-то в Белом море и называют «морским зайцем»...

Не случайно в Круглом столе к юбилею Людмилы Владимировны Шулуновой приняли участие не только её коллеги из Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ВСГУТУ и ВСГИК, представители Правительства РБ и Министерства образования и науки республики.

По словам модератора пленарного заседания, доктора филологических наук, профессора кафедры немецкого и французского языков БГУ имени Доржи Банзарова Галины Сергеевны Доржиевой, работавшей в Центре стратегических востоковедных исследований под началом Людмилы Владимировны, активно откликнулись на приглашение участвовать в Круглом столе ученые из Москвы, Иркутска, Читы, Казахстана, Башкирии, Германии, Монголии, Китая. Именитые отечественные и зарубежные ученые считают за честь участвовать в столь значимом событии, посвященном памяти выдающегося российского ученого Л. В. Шулуновой и её 70-летию.

© *Езова Светлана Андреевна*

кандидат педагогических наук, профессор,

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

НЕ МОГУ НЕ ВСПОМНИТЬ О ЛЮДМИЛЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ШУЛУНОВОЙ

Я не была знакома с научными трудами Людмилы Владимировны, но испытывала к ней уважение, пиетет как к известному учёному, талантливому педагогу, неординарной личности.

На Учёных советах ВСГАКИ, где она проработала более 20 лет, нередко обсуждались проблемные вопросы, с решением которых не всегда совпадала позиция Людмилы Владимировны. Своё мнение она аргументировала, порой горячо защищала свою принципиальную точку зрения, однако не выходила за рамки этикетных норм. Она была прекрасным оратором, борцом за идею, за правду, за справедливость.

Мне всегда импонируют естественные, искренние, тактичные люди, с которыми чувствуешь себя комфортно. Людмила Владимировна запомнилась мне приветливой, внимательной к собеседнику-партнёру по общению, улыбчивой (она улыбалась красиво и душевно). В моём восприятии от неё исходило внутреннее свечение и это делало её яркой, неповторимой.

Людмила Владимировна оперативно и грамотно в качестве проректора по научной работе решала вопросы кафедры библиотековедения и всего библиотечного факультета, по которым мне приходилось к ней обращаться.

Я слышала от педагогов вуза и от неё самой восторженные отзывы о различных интеллектуально-культурно-досуговых мероприятиях, проводимых студентами и преподавателями разных факультетов, которые она регулярно посещала. Считаю, что это было значимо для их участников, так как повышало их ответственность, порождало чувство удовлетворения от того, что они интересны ректорату, а их деятельность значительна для вуза. Я удивлялась, тому, как она всё успевала в своей жизни.

В 1995 г. у меня вышла книга «Формирование и развитие "Я-концепции" библиотекаря (социально-психологический тренинг)» (Улан-Удэ), в наборе которой принимал участие её сын. Мне было приятно работать с молодым, толковым, доброжелательным специалистом.

В этом же году у меня заканчивался срок прохождения по конкурсу в должности и. о. профессора кафедры библиотековедения. В аналогичном положении были ещё двое моих коллег. Однако они отказались за неимением нужных публикаций-книг. Людмила Владимировна мотивировала меня на оформление и отправку документов в ВАК, от неё веяло убеждённой уверенностью, в благополучном исходе дела, т. е. в утверждении меня в учёном звании профессора. Так и произошло, за что я очень признательна Людмиле Владимировне.

Меня привлекал её стиль одежды: платья, костюмы разных неброских цветов и оттенков делового покроя. Это не отвлекало собеседников от диалога, от излишней визуализации образа на самой себе. К сожалению, женщины-руководители далеко не всегда следуют этому правилу и выглядят карикатурно, резко занижая свой имидж.

Людмила Владимировна оставила о себе в моей жизни добрую память, солнечный свет, который продолжает согревать и освещать жизненный и профессиональный путь.

© *Любимова Людмила Михайловна*
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
E-mail: lubimova.kl@yandex.ru

ОБРАЗ БЕРЕЖНО ХРАНИМЫЙ

С Людмилой Владимировной Шулуновой нас связывали многолетние творческие узы, которые постепенно переросли в дружеские. О Людмиле Владимировне сохранились самые яркие и добрые воспоминания.

Наше знакомство состоялось в далекие 90-е годы на научной конференции в г. Улан-Удэ, ею организованной. Так эпизодическое знакомство переросло в сотрудничество, в человеческие доверительные отношения. Позже мы встречались и обменивались творческими идеями и на иных научных конференциях в городах Улан-Удэ, Чита, Иркутск.

Атмосфера длительного общения позволила развить творческие планы. Людмила Владимировна как активная личность, обладающая многосторонностью интересов и чрезмерно большим трудолюбием, находила время для творческих контактов с коллегами из Забайкальского государственного университета. Она являлась членом диссертационного совета в ЗабГУ по специальности «Философская антропология, философия культуры, религиоведение», плодотворно сотрудничала с кафедрой теоретической и прикладной лингвистики и научно-исследовательской лабораторией «Региональные лингвистические исследования» университета, активно соглашалась на оппонирование диссертаций, раскрывая огромные творческие возможности как многогранного исследователя.

Широта диапазона интересов Людмилы Владимировны была велика: топонимика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, философия культуры. Ее активная и плодотворная научная деятельность вышла за пределы своего региона и была оказана помощь соседним регионам в научной сфере. Так, благодаря нашему сотрудничеству Людмила Владимировна активизировала изучение топонимики Забайкалья в нашем крае, обучая соискателей из ЗабГУ, а также иностранных студентов из Китая, которых увлекали лингвокультурологические изыскания.

В моем восприятии и в восприятии моих коллег профессор Шулунова Людмила Владимировна была человеком неиссякаемой творческой энергии. Ее необыкновенная работоспособность, творческий дар и чувство ответственности покоряло и восхищало окружающих ее коллег и учеников. Обаяние, богатство человеческой теплоты, доброжелательность к людям — этим был характерен образ рано ушедшей Людмилы Владимировны.

Образ бережно хранимый
Вспоминали мы не раз
Верхнеудинской Людмилой
Восхищались каждый час.

И талант ее и мудрость
Излучали жизни свет
С ней не чувствовали трудность
Столь тактичным был совет...

*Поэтические строки дарованы
кандидатом культурологии Л. Г. Полетаевой*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Доржиева Г. С.</i> Людмила Владимировна Шулунова: жизнь в науке	5
---	---

Научно-педагогическая деятельность профессора Л. В. Шулуновой

<i>Дырхеева Г. А.</i> Людмила Владимировна Шулунова — основатель ономастической школы в Бурятии	15
---	----

I. Текст в эпоху цифровых технологий

<i>Майоров А. П.</i> Каламбур как прием дискредитации конкурента в рекламном тексте: юрислингвистический аспект	21
<i>Хилханова Э. В.</i> Социальные сети современных бурятских мигрантов в Западной Европе	28
<i>Костюшкина Г. М., Барбина Н. С.</i> Аргументативный подход к изучению языка	33
<i>Дутова Н. В.</i> Аргументативный потенциал мультимодальных компонентов в парламентских дебатах	39
<i>Семенова О. Ф.</i> Аргументативный потенциал паремий в речи политиков	44
<i>Бо Минна.</i> Английские заимствования в языке монгольских СМИ	48
<i>Черкун Е. Ю., Нимаева Э. З.</i> Лексические особенности передачи исторического колорита в романе К. Поладян «In einer Nacht, woanders»	53
<i>Орлова Е. Л.</i> Метафоризация коронавируса в немецком политическом дискурсе	58
<i>Черкун Е. Ю., Базарова Э. Б.</i> Заголовок как средство отражения гендерной идентичности автора (в текстах публицистики по теме «COVID-19»)	63
<i>Эрдынеева Д. Д., Хантаева А. А.</i> Динамичный характер эвфемизмов как манифестаций политической корректности в речи современных американских политиков	67
<i>Лиханова Н. А.</i> «Этнолингвистическая модель» описания диалектной культуры (по данным региональных словарей Восточного Забайкалья)	72
<i>Илчи.</i> О формах глагольного сказуемого в монгольских диалектах (на примере китаизмов в монгольском языке)	77
<i>Сундуева Д. Б.</i> Языки малых этнических групп в ассимиляционных процессах Восточно-Забайкальского трансграничья (социоллингвистический аспект)	81
<i>Монхбаяр Б.</i> Отражение культурных ценностей в монгольской литературе	86
<i>Шу Илан.</i> Об издании «Манж Локида»	91
<i>Бобкова Н. Г.</i> Символический язык мифа в современной литературе	102

II. Национальный ономастикон в современном поликультурном пространстве

<i>Рогозная Н. Н.</i> Актуальные вопросы антропонимики в свете лингвокультурологии	107
<i>Беляев А. Н.</i> Региональная специфика немецкоязычного ономастикона Швейцарии	113
<i>Доржиева Т. С., Доржиева Г. С.</i> Гидроним <i>Байкал</i> : ассоциативный эксперимент	118
<i>Багдарыын Н. С.</i> Топонимия северо-востока Республики Саха как отражение культуры этносов	125
<i>Николаев Е. Р.</i> О лексико-семантических параллелях бурятских антропонимов в якутском языке	131

<i>Семенова В. И.</i> К вопросу об ономастическом диалекте.	136
<i>Хантакова В. М., Швецова С. В.</i> Отношения между компонентами и их роль в составе медицинского эпонимного термина	140
<i>Дамбуев И. А.</i> Нормализация топонимов в России: современное состояние и проблемы	146
<i>Энхбат Д.</i> Некоторые исследования по изменениям в именнике монголов	151

III. Современные технологии обучения иностранным языкам

<i>Ринчинова А. В.</i> Школа педагогического мастерства Л. В. Шулуновой	156
<i>Шастанье К.</i> Новые перспективы в межкультурной коммуникации: за пределами национального	159
<i>Базылев В. Н.</i> О нерешенных проблемах обучения аудированию в языковом вузе	165
<i>Лю Янь.</i> Целевой подход в обучении иностранным языкам в КНР	169
<i>Меньжурова А. Б., Хамарханова Е. В.</i> Формирование межкультурной компетентности журналиста в условиях цифровой медиасреды	172
<i>Лазарева А. А.</i> О некоторых этнокультурных особенностях учащихся из КНР, изучающих русский язык	177
<i>Коренева М. Р., Нимаева Э. З.</i> Обучение иноязычной письменной речи в средней школе с позиции выбора технологии	181
<i>Шангаева Н. К.</i> Обучение устному последовательному переводу с применением дистанционных образовательных технологий	186
<i>Баяртуева Е. Ж.</i> Проблемы дистанционного обучения в вузе в условиях пандемии Covid-19	190
<i>Улазаева Г. В., Оюунгэрэл Д.</i> Фразеологические единицы в практике обучения русскому языку как иностранному	194
<i>Жарникова А. В., Пушкарева Ю. Г.</i> Графический планшет на занятиях по иностранному языку (из опыта работы на дистанционном обучении)	198
<i>Балданова Т. С.</i> Сравнительная характеристика лексико-грамматического строя речи дошкольников с общим речевым недоразвитием третьего и четвертого уровня	204

Отзывы и воспоминания

<i>Харанутова К. А.</i> Мы многим обязаны профессору Шулуновой	209
<i>Езова С. А.</i> Не могу не вспомнить о Людмиле Владимировне Шулуновой	211
<i>Любимова Л. М.</i> Образ бережно хранимый	212

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Материалы международного круглого стола,
посвященного памяти и 70-летию
доктора филологических наук, профессора
Людмилы Владимировны Шулуновой

(Улан-Удэ, 16 февраля 2021 г.)

Дизайн обложки
М. Д. Гармажапова
Компьютерная верстка
Т. А. Олоевой

Св-во о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 20.04.2021. Формат 70 x 108 1/16.
Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 14,98. Тираж 100. Заказ 61.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3